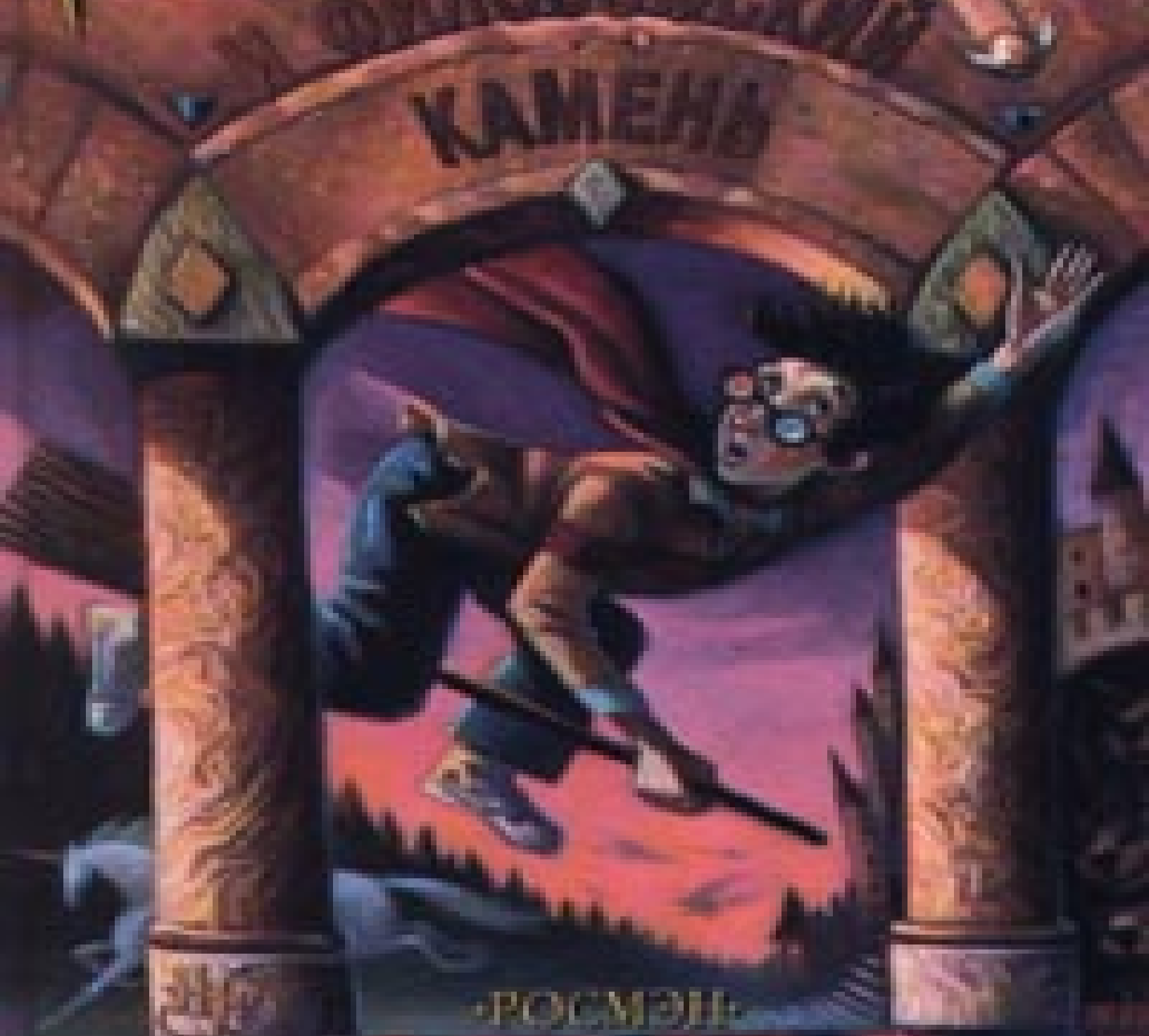

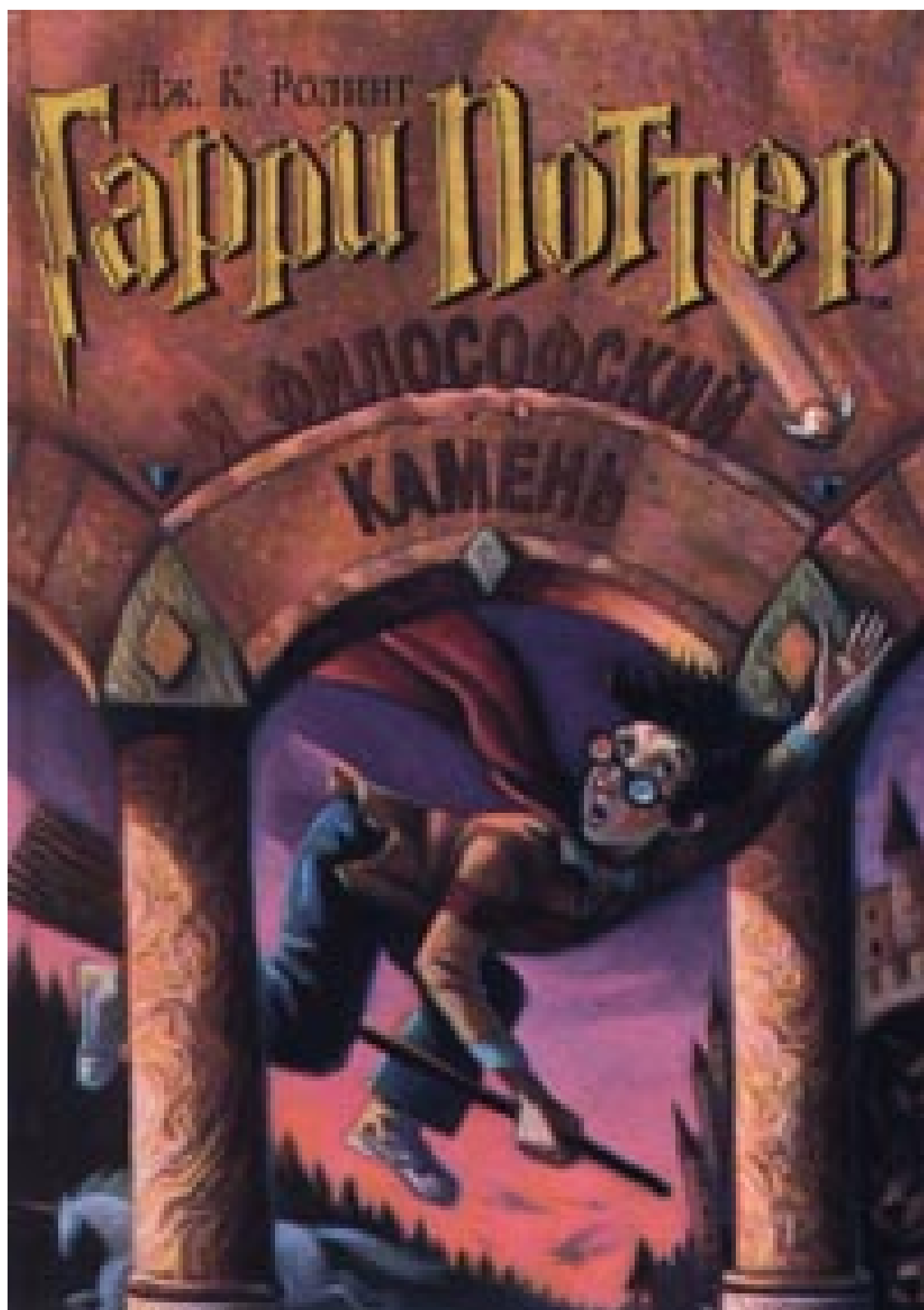
Дж. К. Ролинг

Гарри Поттер

и философский
камень

РОСМАН

Джоан Кэтлин Роулинг.
Гарри Поттер и философский
камень

Глава первая Мальчик, который уцелел

Мистер и миссис Десли, из дома номер четыре по Бирючинному проезду, могли бы с гордостью сказать, что они, слава богу, совершенно нормальные люди. Они были бы последними, от кого вы могли бы ожидать участия в чем-нибудь странном и таинственном, потому что они совершенно не одобряли подобной чепухи.

Мистер Десли работал директором фирмы Граннингз, которая выпускала сверла. Он был крупный, крепкий мужчина с очень короткой шеей и очень большими усами. Миссис Десли была худой и светловолосой, зато ее шеи с лихвой хватило бы на двоих. Этим подарком природы она усердно пользовалась, большую часть времени шпионя за соседями через садовые изгороди. У Десли рос сын Дадли, и они были уверены, что лучшего мальчика не сыщешь на всем свете. У Десли было все что нужно, но кроме того, у них была тайна, и больше всего они боялись, что кто-нибудь раскроет её. Они с ужасом представляли, что случится, если кто-то вдруг узнает о Поттерах. Миссис Поттер приходилась миссис Десли сестрой, которую та не видела вот уже несколько лет; по правде говоря, миссис Десли делала вид, что у нее вообще нет сестры, потому что сестра и ее никчемный муж были не похожи на Десли настолько, насколько можно. Десли содрогались от мысли, что скажут соседи, если увидят Поттеров. Десли знали, что у Поттеров тоже есть маленький сын. Это было еще одной причиной держаться подальше от Поттеров: они не хотели, чтобы Дадли общался с подобными детьми.

Наша история началась в серый пасмурный вторник. Когда миссис и мистер Десли проснулись, по облачному небу на улице никак нельзя было предположить, что вскоре по всей стране начнут происходить странные и таинственные события. Мистер Десли мурлыкал себе под нос, пока выбирал на работу свой самый скучный галстук, а миссис Десли радостно болтала, водружая орущего Дадли на высокий стул.

Никто из них не заметил большой золотисто-коричневой совы, промелькнувшей за окном.

В половине девятого мистер Десли взял свой чемоданчик, чмокнул миссис Десли в щечку и попытался поцеловать Дадли на прощание, но безуспешно, потому что Дадли в приступе плохого настроения швырялся кашей.

«Ах ты разбойник», – усмехнулся мистер Десли выходя из дома. Он сел в машину и выехал на улицу. Только поворачивая за угол, он заметил первый признак чего-то особенного – это была кошка, изучающая карту. Несколько секунд он осознавал, что только что видел, потом резко повернул голову, чтобы взглянуть опять. Полосатая кошка стояла на углу Бирючинного проезда, но никакой карты поблизости не было. О чем он подумал? Должно быть, игра света. Мистер Десли моргнул и посмотрел на кошку. Кошка смотрела на него. Пока мистер Десли поворачивал за угол, он следил за кошкой в зеркало. Сейчас она читала вывеску, которая гласила «Бирючинный проезд» – нет, смотрела на вывеску, ведь кошки не могут изучать карты и вывески. Мистер Десли встряхнулся и выкинул кошку из головы. Пока он ехал в город, он не думал ни о чем, кроме большого заказа на сверла, который собирался получить сегодня.

Но на въезде в город новое происшествие вытеснило сверла из головы. Он ждал в обычной утренней пробке и просто не мог не заметить огромного количества странно одетых людей. Людей в мантиях. Мистер Десли не переносил людей, носящих экстравагантную одежду – что только не напяливает молодежь! Он предположил, что это какая-то глупая новая мода. Он барабанил пальцами по рулю, когда его взгляд упал на группу этих чудаков поблизости. Они что-то возбужденно шептали друг другу. Он пришел в бешенство, увидев, что некоторые совсем даже не молоды; да этот мужчина, вероятно, старше его, а одет в изумрудно-зеленую мантию! Что за наглость! Но тут он решил, что это какой-то глупый трюк: скорее всего, они собирают деньги на что-нибудь, ну разумеется. Движение тронулось, и несколько минут спустя мистер Десли прибыл на автостоянку перед своим офисом, опять думая только о сверлах. В своем офисе на девятом этаже мистер Десли всегда сидел спиной к окну. Если бы не это, ему было бы трудно сконцентрироваться на сверлах этим утром. Он не замечал, как все утро мимо окон мелькали

совы, но люди на улице видели; они показывали пальцами и глазели, раскрыв рты, как над их головами совы летают туда-сюда. Большинство до этого никогда не видело ни одной совы, даже ночью. Однако у мистера Десли было совершенно обычное утро безо всяких сов. Он наорал на пятерых человек. Он сделал несколько важных телефонных звонков и еще немного поорал. Он был в прекрасном настроении до обеда, когда решил размять ноги и прогуляться через дорогу купить свежую булочку с изюмом. Он абсолютно забыл о людях в мантиях, пока не столкнулся с одной группой около булочной. Он со злостью посмотрел на них, проходя мимо. Непонятно почему, но он чувствовал себя неловко. Эти тоже возбужденно перешептывались, но он не заметил ни единой коробки для пожертвований. Возвращаясь обратно с большим пирогом, он услышал обрывок разговора:

«Поттеры, это правда, и как я слышал, их сын, Гарри...» Мистер Десли замер. Его охватил ужас. Он обернулся, желая что-то сказать шептавшим, но передумал.

Он ринулся через дорогу и наверх, в свой офис, велел секретарше не беспокоить его, схватил телефон и кинулся набирать домашний номер, но внезапно передумал. Он положил трубку и подергал себя за усы, раздумывая... нет, это было глупо. Поттер не такая уж редкая фамилия. Наверняка есть куча Поттеров с сыновьями по имени Гарри. Если подумать, он совсем не был уверен, что его племянника зовут Гарри. Он никогда даже не видел мальчика. Возможно он Гарви. Или Гарольд. Нет смысла беспокоить миссис Десли, она всегда огорчается при упоминании о сестре. Он не винил ее – если бы у него была такая сестра... но все равно, эти люди в мантиях... Сегодня думать о сверлах было значительно труднее, и, покидая здание в пять часов, он был все еще так обеспокоен, что столкнулся с кем-то, едва выйдя на улицу.

«Извините», – пробормотал он, когда маленький старичок споткнулся и чуть не упал. Через несколько секунд мистер Десли осознал, что старичок одет в фиолетовую мантию. Он не казался расстроенным от того, что его чуть не уронили. Наоборот, он расплылся в улыбке и тонким голосом, при звуке которого прохожий обернулся на них, сказал:

«Не извиняйтесь, мой дорогой сэр, потому что сегодня меня ничто не огорчит! Веселитесь, потому что Сами-Знаете-Кто наконец-то исчез! Даже магглы вроде вас должны праздновать этот радостный

день!» Старичок обнял мистера Десли за талию и быстро убежал прочь. Мистер Десли прирос к полу. Его только что обнял абсолютно незнакомый человек. И кроме того, его обозвали магглом, что бы это ни было. Он был ошеломлен. Он поспешил к машине и помчался домой, надеясь, что ему мерещатся разные глупости, чего с ним никогда не случалось, потому что не одобрял воображение. Когда он свернул на подъездную аллею к дому номер четыре, первое что он увидел – и это совсем не улучшило его настроения – была полосатая кошка, с которой он столкнулся этим утром. Сейчас она сидела на стене его сада. Он был уверен, что это та самая кошка, потому что у нее были точно такие же квадратные метки вокруг глаз.

«Брысь!» – громко сказал мистер Десли, но кошка не двинулась с места. Она сурово посмотрела на него. Разве это нормальное поведение для кошки? Мистер Десли очень удивился. Пытаясь собраться с мыслями, он вошел в дом. Он решил все равно пока ничего не говорить жене.

У миссис Десли был обычный приятный день. Она рассказала ему за ужином, что у миссис Соседки проблемы с дочерью, а Дадли выучил новое слово («Не буду!»). Мистер Десли пытался вести себя как обычно. Когда Дадли уложили в постель, он вернулся в гостиную как раз вовремя, чтобы услышать последний репортаж вечерних новостей.

«И, наконец, орнитологи повсеместно отметили необычное поведение сов. Хотя они охотятся ночью, и днем их сложно увидеть, сегодня сотни человек наблюдали сов после рассвета. Эксперты не могут объяснить, почему совы вдруг изменили своим привычкам, – диктор позволил себе усмехнуться. – Очень странно. А теперь Джим Мак-Гаффин расскажет вам о погоде. Ну что Джим, как насчет совиного дождя сегодня вечером?»

«Оставим это орнитологам, Тед, – сказал метеоролог, – хотя смею заметить сегодня не только совы вели себя странно. Наблюдатели в Кенте, Йоркшире и Данди звонили сказать, что вместо дождика, который я обещал вчера, у них был настоящий звездопад! Наверное, люди уже празднуют Иванов день, но он лишь на следующей неделе! Сегодня вечером скорее всего, опять будет сыро». Мистер Десли замер в кресле. Падающие звезды над всей Великобританией? Совы средь бела дня? Таинственные люди в мантиях? И шепот, шепот о

Поттерах... Миссис Десли вошла в гостиную с двумя чашками чая. Ничего не поделаешь. Он должен ей сказать. Он нервно прочистил горло:

«Гм... Петуния, дорогая... ты давно не получала писем от сестры?» Как он и ожидал, миссис Десли выглядела потрясенной и разозленной. В конце концов, они ведь делали вид, что у нее вообще нет сестры.

«Нет, – сказала она резко. – А что?»

«Странные новости в вечернем выпуске, – пробормотал мистер Десли. – Совы... падающие звезды... и в городе сегодня была толпа смешных чудаков...»

«И что?», – огрызнулась миссис Десли.

«Ну, я просто подумал... может быть... это имеет какое-то отношение к... ну ты знаешь... ее компании». Миссис Десли сделала глоток чая сквозь сжатые губы. Мистер Десли думал, сможет ли он сказать, что слышал фамилию

«Поттер». Он решил не пробовать. Вместо этого он сказал, как можно небрежнее:

«Их сын сейчас, должно быть, одного возраста с Дадли?»

«Возможно и так», – ответила миссис Десли жестко.

«А как его зовут, я забыл? Говард, нет?»

«Гарри, ужасно простонародное имя, если хочешь знать мое мнение».

«О, да, – согласился мистер Десли с упавшим сердцем. – Да, ты совершенно права». Он не сказал ни единого слова на эту тему, пока они поднимались вверх, в спальню. Когда миссис Десли принимала ванну, мистер Десли подошел к окну и выглянул в сад. Кошка все еще сидела там. Она смотрела вниз на Бирючинный проезд, как будто что-то ждала. Может ему просто мерещится? Разве может это иметь какое-то отношение к Поттерам? Если да... если выйдет наружу, что их родственники – нет, он не мог даже думать об этом. Десли улеглись. Миссис Десли заснула сразу же, но мистер Десли лежал в постели, обдумывая все снова и снова. Его последней утешительной мыслью перед тем как он провалился в сон, была та, что если Поттеры и замешаны в этом, ни у кого нет причин связывать их с Десли. Поттеры очень хорошо знали, что он и Петуния думают о таких как они... Он не видел способа, как он и Петуния могут быть замешаны во что бы там у

них не происходило... он зевнул и перевернулся на другой бок... к ним это не имеет ни малейшего отношения... Как же он ошибался.

Мистер Десли уже вероятно видел сны, но кошка на стене не выказывала никаких признаков сонливости. Она сидела неподвижно, словно статуя, а ее глаза, не мигая, следили за поворотом Бирючинного проезда. Она даже не вздрогнула, когда на соседней улице хлопнула дверца машины и когда над ее головой промелькнули две совы. На самом деле, была уже почти полночь, когда она, наконец, шевельнулась. На том углу улицы, куда смотрела кошка, появился человек, появился так внезапно и тихо, что можно было подумать, будто он вырос из-под земли. Кошка шевельнула хвостом и прищурилась. Такого человека еще не видели в Бирючинном проезде. Он был высок, строен и очень стар, судя по серебристым волосам и бороде, длина которых позволяла подоткнуть их под пояс. Он был одет в длинный балахон, сиреневая мантия касалась земли, а на ногах были ботинки с пряжками на высоком каблуке. Его светлые голубые глаза сверкали за очками в форме полумесяца, а нос был длинный и такой кривой, точно он был сломан как минимум дважды. Человека звали Албус Дамблдор. Казалось, Албус Дамблдор не понимал, что он только что прибыл на улицу, где все – от его имени до ботинок – вызвало бы осуждение. Он усердно обшаривал свой плащ, что-то ища. Но, вероятно, почувствовал, что на него смотрят, потому что внезапно поднял голову и взглянул на кошку, которая все еще наблюдала за ним с другого конца улицы. По какой-то причине вид кошки развеселил его. Он усмехнулся и пробормотал:

«Мне следовало бы знать». Он нашел то, что искал во внутреннем кармане. На первый взгляд это казалось серебряной зажигалкой. Он откинул крышку и щелкнул – ближайший фонарь погас с легким хлопком. Он щелкнул опять – и следующий фонарь погрузился во тьму.

Двенадцать раз он чиркал Гасилкой, пока единственным светом на улице не остались два маленьких уголька – глаза кошки, следившей за ним. Если бы кто-то выглянул сейчас в окно, даже востроглазая миссис Десли, она не увидела бы ничего происходившего на тротуаре. Дамблдор положил Гасилку обратно в карман и двинулся по направлению к дому номер четыре, где уселся на стене рядом с кошкой. Он не смотрел на нее, но через некоторое время произнес:

«Не ожидал встретить вас здесь, профессор Мак-Гонагалл».

Он повернулся, чтобы улыбнуться полосатой кошке, но она исчезла. Вместо этого он улыбался строгой женщине в очках точно такой же формы, как метки вокруг кошковых глаз. Она тоже носила мантию, но изумрудного цвета. Ее черные волосы были стянуты в тугий пучок. Она выглядела заметно раздраженной.

«Как вы узнали, что это я?» – спросила она.

«Мой дорогой профессор, я никогда не видел, чтобы кошка сидела так прямо».

«Вы бы сидели прямо, если бы провели на кирпичной стене весь день», – заметила профессор Мак-Гонагалл.

«Весь день? Когда же вы праздновали? Я видел дюжину банкетов и вечеринок, пока добирался сюда». Профессор Мак-Гонагалл фыркнула.

«О да, все празднуют, это замечательно, – сказала она не терпящим возражений тоном. – Можно бы ожидать, что они будут осторожнее, но нет – даже магглы заметили, что что-то происходит. Это было в их новостях, – она кивнула головой в сторону темного окна гостиной Десли. – Я слышала. Стаи сов... падающие звезды... Они ведь не совсем тупицы и вполне могут что-нибудь заметить. Падающие звезды в Кенте – держу пари это Дедалус Диггл. У него никогда не хватало здравого смысла».

«Вы не должны их винить, – сказал Дамблдор мягко. – У нас было так мало праздников за последние одиннадцать лет».

«Я знаю, – отозвалась профессор Мак-Гонагалл раздраженно. – Но это не повод, чтобы потерять голову. Люди абсолютно беззаботны, ходят по улицам среди бела дня, даже не переодевшись в одежду магглов, это вызовет слухи, – при этом она бросила резкий взгляд в сторону Дамблдора, как будто надеясь, что он что-нибудь скажет ей, но он не сказал, и она продолжила. – Было бы просто замечательно, если бы в тот самый день, когда Сам-Знаешь-Кто наконец-то исчез, магглы узнали о нас. Я предполагаю, он и в самом деле исчез, Дамблдор?»

«Это, несомненно, так, – сказал Дамблдор. – Нам есть за что благодарить судьбу. Хотите лимонную дольку?»

«Что?»

«Лимонную дольку. Это такие магглские конфеты, я их очень люблю».

«Нет, благодарю, – сказала профессор Мак-Гонагалл холодно, как будто думала, что сейчас неподходящий момент для конфет. – Как я уже сказала, если бы Сам-Знаешь-Кто и в самом деле исчез...»

«Мой дорогой профессор, неужели такой здравомыслящий человек как вы не может называть его собственным именем? Вся эта Сам-Знаешь-Кто чепуха – я одиннадцать лет пытался убедить людей называть его нормальным именем: Волдеморт, – профессор Мак-Гонагалл вздрогнула, но Дамблдор был чрезвычайно занят, пытаясь разлепить две лимонных дольки и, казалось, не заметил. – Все так запутается, если мы продолжим звать его Сам-Знаешь-Кто. Я никогда не видел причины бояться имени Волдеморта».

«Я знаю, вы и не боялись, – сказала профессор Мак-Гонагалл, в ее голосе раздражение смешивалось с восхищением. – Но вы не такой как все. Все знают, что вы единственный, кого Сам-Знаешь-, ну, хорошо, Волдеморт, опасался».

«Вы мне льстите, – спокойно отозвался Дамблдор. – У Волдеморта была такая сила, которая мне и не снилась».

«Только потому, что вы слишком – гм – благородны, чтобы использовать ее».

«Какая удача, что здесь темно. Я давно так не краснел, наверное, с тех самых пор, как мадам Помфрей сказала, что ей нравятся мои новые наушники». Профессор Мак-Гонагалл бросила на него быстрый взгляд и сказала:

«Совы разносят слухи. Вы знаете, что все говорят? О том, почему он исчез? О том, что его остановило?»

Казалось, профессор Мак-Гонагалл подвела разговор к теме, которую ей хотелось обсудить больше всего, из-за которой она весь день провела на холодной кирпичной стене, потому что ни одна кошка и ни одна женщина не смогли бы наградить его таким пронзительным взглядом. Было ясно, что что бы «все» не говорили, она не поверит, пока Дамблдор не скажет, что это правда. Дамблдор однако, занимался следующей конфетой и не ответил.

«Они говорят, – с нажимом сказала она, – что вчера вечером Волдеморт появился в лощине Годрика. Он пришел, чтобы найти Поттеров. И говорят о том, что Лили и Джеймс Поттеры... они... они умерли». Дамблдор кивнул. Профессор Мак-Гонагалл всхлипнула.

«Лили и Джеймс... Я не могу поверить... Я не хочу верить... Ох, Албус...» Дамблдор похлопал ее по плечу:

«Я знаю... Я знаю...» – сказал он грустно. Голос профессора Мак-Гонагалл дрогнул, когда она продолжила:

«Это не все. Говорят, он пытался убить их сына Гарри. Но – не смог. Не смог убить этого малыша. Никто не знает почему или как, но говорят, что когда он не смог убить Гарри Поттера, силы Волдеморта были сломлены – и поэтому он исчез». Дамблдор хмуро кивнул.

«Это... это правда? – запнулась профессор Мак-Гонагалл. – После всего, что он сделал... столько людей убил... не смог убить маленького мальчика? Это невероятно... из всех вещей, которые могли его остановить... Но как Гарри выжил?»

«Мы можем лишь догадываться, – ответил Дамблдор. – Но никогда не узнаем». Профессор Мак-Гонагалл вытащила кружевной платочек и промокнула глаза под очками. Дамблдор хмыкнул, вынул из кармана золотые часы и тщательно изучил их. Это были очень странные часы. Двенадцать стрелок, но ни одной цифры: только по краю двигались маленькие планеты. Однако для Дамблдора это все же что-то означало, потому что он положил часы обратно в карман и сказал:

«Хагрид опаздывает. Я полагаю, это он сказал вам, что я буду здесь?»

«Да, – согласилась профессор Мак-Гонагалл. – И думаю, вы не скажете мне, почему выбрали это место из всех возможных?»

«Я пришел сюда, чтобы отдать Гарри его дяде и тете. Они теперь – его единственная семья».

«Вы не... Вы имеете в виду людей, которые живут здесь? – воскликнула профессор Мак-Гонагалл, вскакивая на ноги и показывая на дом номер четыре. – Дамблдор – вы не посмеете! Я наблюдала за ними целый день. Вы не смогли бы найти парочку более непохожую на нас. И у них есть сын – я видела, как он скандалил всю дорогу в магазин, требуя конфет. Чтобы Гарри Поттер здесь жил!»

«Это лучшее место для него, – сказал Дамблдор твердо. – Его дядя и тетя объяснят ему все, когда он подрастет. Я написал им письмо».

«Письмо? – слабым голосом повторила профессор Мак-Гонагалл, усаживаясь обратно на стену. – Дамблдор, вы в самом деле полагаете, что можете объяснить все письмом? Эти люди никогда его не поймут! Он будет знаменит – легендарен – я не удивлюсь, если когда-нибудь

сегодняшний день назовут Днем Гарри Поттера – о нем напишут книги – каждый ребенок в мире будет знать его имя!»

«Совершенно верно, – согласился Дамблдор, серьезно глядя поверх своих очков в форме полумесяца. – Этого будет достаточно, чтобы вскружить голову любому мальчишке. Знаменит еще до того, как научится говорить и ходить! Знаменит по причине, которой он даже не помнит! Разве вы не понимаете, что для него лучше подрасти, пока он не будет готов к этому?» Профессор Мак-Гонагалл открыла рот, передумала, сглотнула и сказала:

«Да – да, вы правы, конечно. Но как вы принесете его сюда, Дамблдор?» Она посмотрела на его мантию, как будто вдруг подумала, что он прячет Гарри под ней.

«Его принесет Хагрид».

«Вы считаете – возможным – доверять Хагриду такое важное дело?»

«Я бы доверил Хагриду свою жизнь».

«Я не говорю, что у него сердце не на месте, – сказала профессор Мак-Гонагалл неохотно. – Но вы-то знаете, что он довольно беспечен. Он старается, конечно, но – что это было?» Низкий грохочущий звук разорвал окружавшую их тишину. Он становился все громче, пока они смотрели вверх и вниз по улице, ища свет фар; он перешел в рев, когда они вдвоем посмотрели вверх – и огромный мотоцикл возник из воздуха и приземлился перед ними. Хотя мотоцикл и был огромен, он смотрелся миниатюрно по сравнению с человеком, который сидел на нем. Тот был в два раза выше любого обычного мужчины и почти в пять раз шире. Он казался очень большим и несуразным: длинные пряди густых черных волос и борода практически скрывали его лицо, его руки были размером с крышку мусорного бака, а его ноги в кожаных ботинках походили на маленьких дельфинов. В своих огромных сильных руках он держал охапку одеял.

«Хагрид, – сказал Дамблдор облегченно, – наконец-то. Где ты раздобыл этот мотоцикл?»

«Одолжил, профессор Дамблдор, сэр, – сказал гигант, осторожно слезая с мотоцикла. – Молодой Сириус Блэк дал его мне, сэр».

«Никаких проблем?»

«Нет, сэр – дом был почти разрушен, но я вытащил его оттуда, пока не начали собираться магглы. Он заснул, когда мы летели над

Бристоле». Дамблдор и профессор Мак-Гонагалл склонились над свертком одеял. В нем, едва видный, спал младенец. Под прядью блестящих черных волос на его лбу они могли увидеть чудной шрам – в форме молнии.

«Это куда...?» – прошептала профессор Мак-Гонагалл.

«Да, – сказал Дамблдор. – Этот шрам останется у него навсегда».

«Вы не могли бы что-нибудь сделать с ним, Дамблдор?»

«Даже если бы я мог, то не стал бы. Шрамы могут пригодиться. У меня самого есть шрам над левой коленкой – прекрасная карта лондонского метро. Ну, Хагрид – давай его сюда – нам пора заканчивать с этим». Он взял Гарри из рук Хагрида и повернулся к дому Десли.

«Могу я... могу я попрощаться с ним, сэр?» – спросил Хагрид. Он склонил свою большую, волосатую голову к Гарри и наградил мальчика колючим поцелуем. Потом, внезапно, взвыл, как раненая собака.

«Шшшш! – прошипела профессор Мак-Гонагалл. – Ты разбудишь магглов!»

«С-с-сожалею, – всхлипнул Хагрид, вынимая огромный грязный платок и вытирая им лицо. – Но я н-н-не могу вынести – Лили и Джеймс мертвы – а, бедняжка Гарри будет жить у магглов...»

«Да, да, это очень печально, но, Хагрид, возьми себя в руки, а то нас обнаружат», – прошептала профессор Мак-Гонагалл, робко хлопая Хагрида по руке, когда Дамблдор перебрался через стену и пошел к парадной двери. Он мягко опустил Гарри на крыльцо, вынул из плаща письмо, положил его внутрь свертка и вернулся к ним обратно. Целую минуту они втроем стояли и смотрели на маленький сверток; плечи Хагрида дрожали, профессор Мак-Гонагалл яростно моргала, а обычно горевший в глазах Дамблдора огонек, казалось, пропал.

«Ну, – наконец сказал Дамблдор. – Вот и все. Нам больше незачем здесь оставаться. Мы можем с тем же успехом пойти и присоединиться к празднику».

«Да, – глухо согласился Хагрид. – Надо вернуть Сириусу мотоцикл. Доброй ночи профессор Мак-Гонагалл... Профессор Дамблдор, сэр». Вытирая льющиеся слезы рукавом куртки, Хагрид оседлал мотоцикл и нажал на газ; тот с ревом поднялся в небо и исчез в ночи.

«Я ожидаю вскоре увидеть вас, профессор Мак-Гонагалл», – сказал Дамблдор, кивая ей. Профессор Мак-Гонагалл шмыгнула носом в ответ. Дамблдор повернулся и пошел вниз по улице. На углу он остановился и достал серебряную Гасилку. Он чиркнул ей один раз, и все двенадцать фонарей вспыхнули разом так, что Бирючинный проезд внезапно озарился оранжевым светом, и ему было видно, как полосатая кошка исчезает за углом на противоположном конце улицы. Ему было видно и сверток одеял на крыльце дома номер четыре.

«Удачи, Гарри», – прошептал он. Он повернулся на пятках, взмахнул плащом и пропал. Легкий ветерок ерошил изгороди Бирючинного проезда, который лежал, тихий и опрятный, под черным небом – самое последнее место, где могли бы произойти удивительные вещи. Гарри Поттер пошевелился в одеялах, не просыпаясь. Маленькая ручка сомкнулась на письме, лежавшем рядом с ним; он спал, не зная, что он особенный, не зная, что он знаменит, не зная, что через несколько часов его разбудит крик миссис Десли, когда она откроет парадное, чтобы выставить бутылки из-под молока, не зная, что следующие несколько недель его будет щипать и тыкать его кузен Дадли... Он не мог знать, что в этот самый момент, люди, тайно встречающиеся по всей стране, поднимали бокалы и тихо говорили друг другу:

«За Гарри Поттера – мальчика, который уцелел!»

Глава вторая. Исчезнувшее стекло

Почти десять лет прошло с тех пор, как Десли проснулись и обнаружили племянника на своем крыльце, а Бирючинный проезд ни капельки не изменился. Солнце поднималось над такими же аккуратными садиками и освещало латунную табличку с номером четыре на парадной двери дома Десли; оно прокрадывалось в гостиную, которая осталась почти такой же, как и в тот вечер, когда мистер Десли смотрел роковой репортаж о совах. Лишь по фотографиям на каминной полке можно было определить, сколько времени прошло. Десять лет назад здесь было множество фотографий чего-то похожего на большой розовый мяч в разноцветных чепчиках – но Дадли Десли уже вырос, и теперь на фотографиях можно было увидеть большого светловолосого мальчика на его первом велосипеде, на ярмарочной карусели, играющего с отцом на компьютере, в обнимку с матерью. В комнате не было намека, что в доме живет и другой мальчик. Хотя Гарри Поттер все еще жил там: в данный момент он спал, хотя спать ему оставалось недолго. Тетя Петуния проснулась, и ее резкий голос был первым, что он услышал в этот день.

«Вставай! Вставай сейчас же!» Гарри сел в постели. Тетя колотила в дверь.

«Вставай!» – крикнула она. Гарри слышал, как она ушла на кухню и ставила на плиту сковородку. Он перекатился на спину и попытался вспомнить свой сон. Это был отличный сон. С летающим мотоциклом. У него было странное чувство, что когда-то он уже видел этот сон. Тетя за дверью вернулась.

«Ты уже встал?» – требовательно спросила она.

«Почти», – ответил Гарри.

«Давай, поднимайся, я хочу, чтобы ты последил за беконом. И только попробуй его сжечь, в день рождения Дадли все должно быть безупречно». Гарри застонал.

«Что ты сказал?» – крикнула тетя из-за двери.

«Ничего, ничего...»

День рождения Дадли – как он мог забыть? Гарри медленно вылез из-под одеяла и начал искать носки. Он нашел парочку под кроватью, снял с них паука и надел. Гарри привык к паукам, потому что в чулане под лестницей, где он спал, их было полно. Он оделся и прошел по коридору в кухню. Стола было почти не видно под грудой подарков для Дадли. Похоже Дадли получил новый компьютер, который хотел, не говоря уже о втором телевизоре и спортивном велосипеде. Гарри не мог понять, зачем Дадли велосипед: он был толст и ненавидел физические упражнения – единственное, что он любил – это кого-нибудь бить. Больше всего Дадли любил бить Гарри, но обычно не мог его поймать. Гарри был очень быстрым, хотя на первый взгляд этого нельзя было предположить. Возможно из-за того, что он жил в темном чулане, Гарри всегда был невысок и легок для своего возраста. Он выглядел даже меньше и тоньше, чем на самом деле, потому что вся его одежда доставалась ему от Дадли, а Дадли был в четыре раза больше его. У Гарри было узкое лицо, острые коленки, черные волосы и яркие зеленые глаза. Он носил круглые очки, перемотанные огромным количеством скотча, потому что Дадли обожал бить его в нос. Единственной вещью в своей внешности, которую Гарри одобрял, был тонкий шрам на лбу в форме молнии. Он был у него всю жизнь, сколько он себя помнил, и первый вопрос, который он задал тете Петунии: откуда взялся шрам.

«Ты заработал его в автомобильной катастрофе, когда погибли твои родители, – сказала она. – И не задавай вопросов». Не задавай вопросов – это было первое правило спокойной жизни в семье Десли. Дядя Вернон вошел на кухню, когда Гарри переворачивал бекон.

«Причешись!» – гавкнул он в качестве утреннего приветствия. Примерно раз в неделю, дядя Вернон отрывал нос от газеты и объявлял, что Гарри требуется стрижка. Вероятно, Гарри стригли больше всех мальчишек в классе вместе взятых, но безрезультатно. Его волосы было бесполезно укладывать – они торчали во все стороны, словно солома. Гарри уже поджаривал яичницу, к тому времени как Дадли и его мать появились на кухне. Дадли рос очень похожим на дядю Вернона. У него было круглое розовое лицо, маленькие, блекло-голубые глаза; толстые светлые волосы гладко лежали на его большой круглой голове. Тетя Петуния часто говорила, что Дадли похож на ангелочка – Гарри часто говорил, что Дадли похож на хрюшу в рюшах.

Гарри поставил тарелки с яичницей и беконом на стол, это было трудно, потому что на нем оставалось мало места. В это время Дадли подсчитывал свои подарки. Его лицо вытянулось.

«Тридцать шесть, – сказал он, глядя на отца и мать. – На два меньше, чем в прошлом году».

«Дорогой, ты не посчитал подарок от тетушки Мардж, посмотри, он здесь под большим от Папочки и Мамочки».

«Хорошо, тогда тридцать семь», – сказал Дадли, багровея. Гарри, видя, что Дадли готов впасть в ярость, начал жевать свой бекон со скоростью землеройки, боясь, что Дадли перевернет стол. Тетя Петуния, очевидно, тоже почувствовала опасность, потому что сказала:

«И мы купим тебе еще два, когда поедем в город сегодня. Как тебе это, солнышко? Еще два подарка. Все в порядке?»

Дадли немного подумал. Это было трудно. Наконец, устав от усилий, он медленно произнес:

«Тогда у меня будет тридцать... тридцать...»

«Тридцать девять, мой сладкий», – сказала тетя Петуния.

«О, – Дадли тяжело уселся и схватил ближайший сверток. – Тогда хорошо». Дядя Вернон усмехнулся:

«Этот разбойник не прогадает, весь в меня. Так держать, Дадлюша!» – он потрепал Дадли по голове. В этот момент зазвонил телефон, и тетя Петуния ушла взять трубку, пока Гарри и дядя Вернон наблюдали, как Дадли разворачивает спортивный велосипед, видеокамеру, радиоуправляемую модель самолета, шестнадцать новых компьютерных игр и видеомаягнитофон. Он снимал оберточную бумагу с золотых наручных часов, когда тетя Петуния вернулась. Выглядела она одновременно злой и озабоченной.

«Плохие новости, Вернон, – сказала она. – Миссис Фигг сломала ногу. Она не сможет приглядеть за ним», – она кивнула головой в сторону Гарри. Дадли в ужасе открыл рот, а у Гарри екнуло сердце. Каждый год на день рождения Дадли родители везли его с другом в город: в парк приключений, в ресторанчик гамбургеров или в кино. Каждый год Гарри оставляли с миссис Фигг, сумасшедшей старой дамой, которая жила через две улицы. Гарри ненавидел ее дом. Он весь пропах капустой, а миссис Фигг заставляла его разглядывать фотографии всех кошек, какие у нее когда-либо были.

«Что теперь?» – спросила тетя Петуния, гневно глядя на Гарри, как будто это он был виноват. Гарри знал, что ему нужно сожалеть о том, что миссис Фигг сломала ногу, но это было нелегко, особенно, когда он напомнил себе, что пройдет еще один год до того, как он будет вынужден смотреть на Тиббла, Снежка, Лапушку и Пуфика снова.

«Мы можем позвонить Мардж», – предложил дядя Вернон.

«Не говори глупостей, она ненавидит мальчишку». Десли часто говорили о Гарри вот так, как будто его здесь не было – или как будто он был чем-то противным, вроде слизняка, и не понимал их.

«А как насчет как-там-ее-зовут, твоей подруги – Ивонн?»

«В отпуске на Майорке», – ответила тетя Петуния.

«Вы могли бы оставить меня дома», – сказал Гарри с надеждой (он смог бы посмотреть телевизор, если захочет, и, может быть, даже поиграть на компьютере Дадли). Тетя Петуния скривилась так, как будто съела лимон.

«А потом вернуться и обнаружить дом в руинах?» – огрызнулась она.

«Да не взорву я дом», – возразил Гарри, но его не слушали.

«Я думаю, мы могли бы взять его в зоопарк, – сказала тетя Петуния медленно. – ... и оставить в машине...»

«Машина новая, а он будет в ней один...» Дадли начал громко плакать. На самом деле, он не плакал – прошли годы с тех пор, как он плакал по-настоящему – но он знал, что если он скорчит рожу и повоет, мать даст ему все что угодно.

«Дадли, маленький, не плачь. Мамуля не позволит ему испортить твой день рождения!» – воскликнула она и заключила сына в объятия.

«Я... не хочу-у-у.. чтобы... о-он... ехал! – выкрикнул Дадли между громкими ненатуральными всхлипами. – Он всегда все портит!» – он мерзко усмехнулся Гарри, выглянув из материнских объятий. В этот момент зазвонил дверной звонок.

«О боже, они уже здесь!» – сказала тетя Петуния в отчаянии – и минуту спустя, лучший друг Дадли, Пирс Полкисс, вошел на кухню со своей матерью. Пирс был тощим мальчишкой с крысиным лицом. Он обычно держал людей за руки, пока Дадли их бил. Дадли сразу же перестал притворяться, что плачет. Через полчаса, Гарри, который не мог поверить в свою удачу, сидел на заднем сиденье машины Десли вместе с Дадли и Пирсом по дороге в зоопарк первый раз в жизни.

Тетя и дядя не смогли придумать ничего лучше, но перед тем как выехать дядя Вернон отвел Гарри в сторону:

«Я предупреждаю тебя, – сказал он, опуская свое большое красное лицо вровень с лицом Гарри. – Я предупреждаю тебя сейчас, парень – какие-нибудь шуточки, что угодно – и ты будешь сидеть в чулане до Рождества».

«Я не собираюсь ничего делать, – сказал Гарри. – Правда...» Но дядя Вернон не поверил ему. Никто никогда не верил. Дело в том, что вокруг Гарри часто происходили странные вещи, и было бесполезно убеждать Десли в том, что не он их причина. Однажды, тетя Петуния, устав от того, что Гарри приходит из парикмахерской как будто никогда там не был, взяла пару кухонных ножниц и постригла его почти наголо, оставив только челку, «чтобы спрятать этот ужасный шрам». Дадли хихикал весь вечер, а Гарри провел ночь, думая о завтрашней школе, где над ним и так смеялись за мешковатую одежду и очки, перемотанные скотчем. Однако, когда он проснулся на следующее утро, его волосы были точно такой же длины как до стрижки. За это он неделю просидел в чулане, хотя и пытался объяснить, что не знает, как они отросли так быстро. В другой раз тетя Петуния пыталась надеть на него отвратительный старый свитер Дадли (коричневый с оранжевыми помпонами) – чем сильнее она пыталась натянуть его через голову Гарри, тем, казалось, меньше он становился, до тех пор, пока не стал впору кукле, но уж никак не Гарри. Тетя Петуния решила, что он сел при стирке, и, к большому облегчению Гарри, его не наказали.

С другой стороны у него были большие неприятности, когда он оказался на крыше школьной кухни. Банда Дадли гонялась за ним как обычно, когда, к всеобщему удивлению, он оказался сидящим на трубе. Десли получили гневное письмо от директора, в котором говорилось, что он взбирается на школьные здания. Но все, что он пытался сделать (и об этом он кричал дяде Вернону через закрытую дверь чулана) это прыгнуть за большой мусорный бак около черного входа на кухню. Гарри предполагал, что ветер подхватил его в прыжке и поднял на крышу.

Но сегодня все шло отлично. Это даже стоило того, чтобы провести день с Дадли и Пирсом где-то вне школы, чулана или пахнущей капустой гостиной миссис Фигг. Пока они ехали, дядя Вернон

жаловался тете Петунии. Он вообще любил жаловаться: на служащих в офисе, на Гарри, на Совет, на Гарри, на банк, на Гарри – это были его любимые темы. Сегодня утром туда попали мотоциклы.

«...пролетают с ревом мимо, как сумасшедшие, эти молодые хулиганы», – сказал он, когда их обогнал мотоцикл.

«Мне снился сон про мотоцикл, – внезапно вспомнил Гарри. – Он летал». Дядя Вернон чуть не врезался в машину впереди. Он повернул к Гарри лицо, похожее на отбивную с усами, и заорал:

«МОТОЦИКЛЫ НЕ ЛЕТАЮТ!» Дадли и Пирс захихикали.

«Я знаю, – сказал Гарри. – Это был просто сон». Он жалел, что вообще открыл рот. Если и было что-то, что Десли ненавидели больше его вопросов, то это когда он говорил о вещах, которые вели себя не так, как следует, неважно, был это сон или даже мультик – вероятно, они думали, что у него могут появиться опасные идеи. Стояла очень солнечная суббота, и в зоопарке была куча народу. Десли купили Дадли и Пирсу по большому шоколадному мороженому на входе и потом, потому что улыбающаяся дама в киоске спросила Гарри, что он хочет, до того как они успели утащить его прочь, они купили ему дешевое лимонное мороженое. Это было совсем неплохо, думал Гарри, облизывая его, когда они смотрели на почесывающуюся гориллу, очень похожую на Дадли всем, кроме цвета шерсти.

Гарри наслаждался этим утром впервые за долгое время. Он осторожно шел чуть в стороне от Десли, чтобы Дадли и Пирсу, которым уже начали надоедать животные, не взбрело в голову заняться их любимым делом – его избиением. Они поели в ресторанчике в зоопарке, и когда Дадли вдруг разозлился, что на его

«Славе Никербокеров» слишком мало мороженого, дядя Вернон купил ему другое, а Гарри разрешили доесть это. Уже потом Гарри понял, что все шло слишком хорошо, чтобы продолжаться в том же духе.

После обеда они пошли в павильон рептилий. Там было холодно и темно, только окна светились на стенах. За стеклом всевозможные ящерицы и змеи ползали и скользили по веткам деревьев и камням. Дадли и Пирс хотели посмотреть на ядовитых кобр и мощных питонов. Дадли моментально нашел самую большую змею в террариуме. Она могла бы два раза обернуться вокруг машины дяди Вернона и сжать ее до размеров мусорницы – но выглядела не в

настроении. На самом деле, она крепко спала. Дадли стоял, прижав нос к стеклу, глядя на блестящие коричневые кольца.

«Заставь ее ползти», – хныкал он. Дядя Вернон постучал по стеклу, но змея не пошевелилась.

«Еще раз», – приказал Дадли. Дядя Вернон опять постучал по стеклу костяшками пальцев, но змея продолжала спать.

«Какая скука», – простонал Дадли и пошаркал прочь. Гарри подошел к аквариуму и пристально посмотрел на змею. Он не удивился, если бы она умерла от скуки – никого, кроме глупых надоедливых людей стучащих по стеклу целый день. Это даже хуже, чем спать в чулане, где единственным посетителем была тетя Петунья, будившая его каждый день; по крайней мере, он мог еще ходить по дому. Змея внезапно открыла маленькие глазки. Медленно, очень медленно она подняла голову так, чтобы ее глаза находились на одном уровне с глазами Гарри. Она подмигнула.

Гарри смотрел на нее. Он быстро оглянулся, взглянуть, если кто-нибудь смотрит на них, но никто не смотрел. Он повернулся к змее и тоже подмигнул ей. Змея качнула головой в сторону дяди Вернона и Дадли и подняла глаза к потолку. Гарри стало абсолютно понятно, что она хотела сказать:

«Вот так все время».

«Я знаю, – прошептал Гарри сквозь стекло, хотя и не был уверен, что змея его услышит. – Наверное, очень раздражает». Змея энергично кивнула.

«Откуда ты?» – спросил Гарри. Змея показала хвостом на маленькую табличку рядом со стеклом. Гарри всмотрелся. Удав, Бразилия.

«Как там, в Бразилии?» Удав опять показал хвостом на табличку, и Гарри прочел дальше: этот образец был выведен в зоопарке:

«А, понятно – значит, ты никогда не был в Бразилии?» Удав покачал головой, но в этот момент раздался оглушающий вопль Пирса, так что они вдвоем подпрыгнули от неожиданности:

«ДАДЛИ! МИСТЕР ДЕСЛИ! ИДИТЕ, ВЗГЯНИТЕ НА ЗМЕЮ! ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, ЧТО ОНА ДЕЛАЕТ!» Дадли вразвалочку заспешил к вольеру.

«С дороги, ты», – сказал он, ударив Гарри в бок. Застигнутый врасплох Гарри упал и ударился о бетонный пол. Все следующее

произошло так быстро, что никто не видел, как это случилось – секунда, Пирс и Дадли склонились к стеклу и сразу отпрыгнули с воплями ужаса. Гарри сел и охнул; стекло вольера исчезло. Огромная змея быстро скользила на пол. Люди по всему павильону рептилий кричали и бежали к выходу. Когда змея двигалась мимо, Гарри мог бы поклясться, что низкий шипящий голос произнес:

«Бразилия, я иду... С-с-спасибо, амиго». Служащий террариума был в шоке.

«Но стекло? – повторял он. – Куда делось стекло?» Директор зоопарка сам сделал тете Петунии чашку горячего сладкого чая, он извинялся, извинялся и снова извинялся. Пирс и Дадли могли лишь невнятно бормотать. Насколько Гарри понял, змея ничего им не сделала, только играючи укусила за пятки, когда ползла мимо, но когда они вернулись в машину дяди Вернона, Дадли убеждал всех, как она почти откусила ему ногу, а Пирс клялся, что она пыталась задушить его насмерть. Но хуже всего, по крайней мере, для Гарри, было то, что когда Пирс немножко успокоился, он сказал:

«Она ведь разговаривала с тобой, правда, Гарри?» Дядя Вернон подождал, пока Пирс покинет дом, перед тем как наброситься на Гарри. Он был так зол, что почти не мог ничего сказать. Ему удалось все же выдать

«Иди – в чулан – сиди – без еды», до того как он упал на стул, а тете Петунии пришлось бежать ему за большим стаканом бренди. Немного спустя Гарри лежал в темном чулане, мечтая иметь часы. Он не знал, сколько времени и не был уверен, что Десли уснули. А пока они не уснут, он не мог рискнуть проскользнуть на кухню и поесть. Он жил у Десли почти десять лет, десять ужасных лет, сколько он себя помнил, с тех пор как его родители разбились в той автокатастрофе. Он не знал, был ли в машине, когда родители погибли. Иногда, когда он долго напрягал память в своем чулане, он видел странную картину: ослепляющая вспышка зеленого света и горящая боль в голове. Это, как он полагал, было автокатастрофой, хотя и не мог вообразить, откуда взялся зеленый свет. Он абсолютно не помнил родителей. Его дядя и тетя никогда не говорили о них, и, конечно, запрещали ему задавать вопросы. В доме не нашлось ни одной их фотографии. Когда он был младше, Гарри мечтал, что приедет какой-нибудь неизвестный родственник и заберет его, но этого не случилось; Десли оставались

его единственной семьей. Хотя иногда он думал (или надеялся), что незнакомцы на улице знают его. Правда, очень необычные незнакомцы. Маленький человек в высокой фиолетовой шляпе поклонился ему однажды в магазине, где он был с тетей Петунией и Дадли. Спросив у Гарри, знает ли он этого человека, тетя Петунья пулей вылетела из магазина ничего не купив. Странная старушка, одетая во все зеленое, однажды весело помахала ему в автобусе. Лысый мужчина в пурпурной мантии пожал ему руку на улице и ушел, не сказал ни слова. Сверхъестественно, но все эти люди куда-то пропадали в ту же секунду, когда Гарри хотел рассмотреть их попристальнее. В школе у Гарри не было друзей. Все знали, что банда Дадли ненавидит этого странного Гарри в мешковатой одежде и замотанных скотчем очках, и никто не хотел переходить дорогу банде Дадли.

Глава третья. Письмо от никого

Побег бразильского удава вылился для Гарри в самое длинное в его жизни наказание. К тому времени, когда его опять выпустили из чулана, начались летние каникулы, и Дадли расколотил свою новую видеокамеру, сломал радиоуправляемый самолет и, первый раз катаясь на велосипеде, сбил миссис Фигг, когда она переходила Бирючинный проезд на своих костылях. Гарри был рад, что школа закончилась, но ему не удалось избавиться от банды Дадли, которая бывала в доме каждый день. Пирс, Деннис, Малколм и Гордон все были большими и глупыми, но поскольку Дадли был самым большим и самым глупым, он задавал тон. Остальные были только рады присоединиться к его любимому виду спорта: охоте на Гарри.

Поэтому Гарри проводил как можно больше времени вне дома, шатаясь по округе и думая об окончании каникул, в котором он видел тоненький лучик надежды. Когда наступит сентябрь, он пойдет в среднюю школу, и, в первый раз в жизни, он не будет с Дадли. Дадли приняли в Смелтинг, старую частную школу, где учился еще дядя Вернон. Пирс Полкисс тоже будет учиться там. А Гарри пойдет в Стоунволл Хай, местную государственную школу. Дадли думал, что это забавно.

«В Стоунволле новичков суют головой в унитаз, – сказал он Гарри. – Пошли наверх, потренируемся?»

«Нет, спасибо, – сказал Гарри. – В бедный унитаз никогда не пихали такой ужасной вещи, как твоя голова – вдруг он засорится?». И Гарри убежал, пока Дадли не понял, что он сказал. Как-то раз в июле тетя Петуния и Дадли уехали в Лондон, чтобы купить Дадли школьную форму Смелтинга, оставив Гарри с миссис Фигг. Оказалось, что она сломала ногу, споткнувшись об одну из своих кошек, и теперь уже не обожала их так, как прежде. Она разрешила Гарри посмотреть телевизор и угостила его шоколадным тортом, вкус которого наводил на мысль, что она хранит его долгие годы.

В этот вечер Дадли разгуливал по гостиной в своей новой униформе. В Смелтинге мальчики одевались в коричневые пиджаки,

оранжевые бриджи и плоские соломенные шляпы-канотье. Они носили трости с набалдашниками, чтобы лупить друг друга, когда учителя отвернутся. Считалось, что этот опыт пригодится им во взрослой жизни. Глядя на Дадли в новой униформе, дядя Вернон сказал, что он гордится этим моментом. Тетя Петуния разрыдалась и сказала, что не может поверить, что это ее маленький Даддик, такой красивый и взрослый. Гарри ничего не сказал из опасения, что его подведет голос. Он боялся, что лопнет от смеха. Когда Гарри пришел завтракать следующим утром, на кухне стоял ужасающий запах. Он исходил от большой металлической бадьи в раковине. Гарри заглянул туда. В ней было что-то больше напоминающее грязные лохмотья в серой воде.

«Что это?» – спросил он у тети Петунии. Она поджала губы, как делала всегда, когда он осмеливался задать вопрос.

«Твоя новая школьная форма». Гарри снова заглянул в таз.

«О, – сказал он, – я не думал, что она будет такой мокрой».

«Не глупи, – рявкнула тетя Петуния. – Я перекрашиваю кое-что из старых вещей Дадли в серый цвет. Она будет такой же, как у всех, когда я закончу». Гарри сильно сомневался в этом, но счел за лучшее не спорить. Он сел за стол и попробовал не думать о том, как он будет выглядеть в первый день в Стоунволл Хай – наверное, как будто он напялил старую слоновью шкуру. Вошли Дадли и дядя Вернон, морща носы из-за запаха новой формы Гарри. Дядя Вернон, как обычно, уткнулся в свою газету, а Дадли стукнул по столу своей новой тростью, которую он таскал повсюду.

Они услышали, как открылась щель для почты, и письма упали на дверной коврик.

«Возьми почту, Дадли», – сказал дядя Вернон из-за газеты.

«Пусть ее возьмет Гарри».

«Гарри, заberi почту».

«Пусть ее возьмет Дадли».

«Дадли, ткни его своей новой тростью». Гарри увернулся от трости и побежал за почтой. На коврике лежали три вещи: открытка от Мардж, сестры дяди Вернона, которая отдыхала на острове Уайт, коричневый конверт, вероятно счет и – письмо для Гарри. Гарри подобрал его и смотрел, не веря своим глазам; стук его сердца мог бы заглушить оркестр. Никто, за всю его жизнь, не писал ему. Кто бы мог?

У него не было ни друзей, ни других родственников – он не ходил в библиотеку, поэтому никогда не получал записок с требованием вернуть книжки. Но, не смотря на все это, он держал в руках письмо, с адресом написанным так четко, что не могло быть ошибки:

Мистеру Г. Поттеру Чулан под Лестницей Бирючинный проезд, 4
Литтл Вингинг Сюррей

Конверт из желтого пергамента был толстым и тяжелым, а адрес написан изумрудно зелеными чернилами. Марки не было.

Перевернув конверт дрожащими руками, Гарри увидел пурпурную восковую гербовую печать с изображением льва, орла, барсука и змеи по краям большой буквы Х.

«Эй, парень, поторопись! – крикнул дядя Вернон из кухни. – Чем ты там занимаешься, проверяешь, нет ли бомбы?» Он рассмеялся своей собственной шутке. Гарри вернулся на кухню, все еще разглядывая письмо. Он протянул открытку и счет дяде Вернону, сел и стал медленно открывать желтый конверт. Дядя Вернон вскрыл счет, скривился от отвращения и прищелкнул по открытке.

«Мардж разболелась, – сообщил он тете Петунии. – Что-то съела».

«Пап! – внезапно сказал Дадли. – Пап, Гарри пришло письмо». Гарри уже собирался открыть письмо из такого же тяжелого пергамента, как и конверт, когда дядя Вернон внезапно выхватил его.

«Это мое», – сказал Гарри, пытаясь отобрать письмо.

«Кто же тебе напишет?» – усмехнулся дядя Вернон, открывая письмо и читая. Его обычно красное лицо стало зеленым быстрее светофора. Но не перестало бледнеть. Через несколько секунд оно приобрело цвет бледно-серой, старой овсянки.

«Пе-пе-петуния!» – прошептал он.

Дадли попытался отобрать письмо, но дядя Вернон держал его высоко, и Дадли не мог дотянуться. Тетя Петуния взяла его и с любопытством прочитала первую строчку. Несколько секунд казалось, что она упадет в обморок. Она сглотнула и поперхнулась.

«Вернон! О, боже мой, Вернон!» Они посмотрели друг на друга, забыв, что Гарри и Дадли все еще в комнате.

Дадли не привык к тому, что о нем забывают. Он резко стукнул отца своей тростью.

«Я хочу прочитать письмо», – громко заявил он.

«Я тоже хочу его прочитать, – сказал Гарри разъяренно. – Потому что оно мое!»

«Убирайтесь, оба!» – прокаркал дядя Вернон, запихивая письмо обратно в конверт. Гарри не двинулся с места.

«Я ХОЧУ ПИСЬМО!» – крикнул он.

«Дай мне посмотреть!» – требовал Дадли.

«ВОН!» – заорал дядя Вернон, хватая Гарри и Дадли за загривки, вытаскивая в коридор и захлопывая за ними дверь. Гарри и Дадли молча схватились друг с другом, решая, кто будет подслушивать в замочную скважину; Дадли выиграл, поэтому Гарри в очках, зацепившихся за одно ухо, лежал на полу и слушал в щель под дверью.

«Вернон, – сказала тетя Петуния дрожащим голосом, – посмотри на адрес – как они вообще могли узнать, где он спит? Ты не думаешь, что они следят за домом?»

«Следят – шпионят – преследуют нас», – прошептал дядя Вернон злобно.

«Что нам делать, Вернон? Написать ответ? Сказать им, что мы не хотим?» Гарри видел, как начищенные туфли дяди Вернона ходят по кухне.

«Нет, – наконец сказал он. – Нет, мы их проигнорируем. Если они не получают ответ... Да, так будет лучше... Мы ничего не будем делать...»

«Но...»

«Петуния, я не потерплю такого в доме! Разве мы не решили, когда брали его, что раз и навсегда выйдем из него эту ерунду?» В этот вечер, когда дядя Вернон вернулся с работы, он сделал то, что никогда не делал: зашел к Гарри в чулан.

«Где мое письмо? – сказал Гарри в ту же минуту, как дядя Вернон протиснулся в дверь. – Кто мне писал?»

«Никто. Вышла ошибка, – сказал дядя Вернон коротко. – Я сжег его».

«Никакой ошибки не было, – горько произнес Гарри. – В нем было написано про мой чулан».

«МОЛЧАТЬ!» – рявкнул дядя Вернон, и парочка пауков свалилась с потолка. Он несколько раз глубоко вздохнул и попытался улыбнуться, правда, весьма неудачно.

«Гм – Гарри – насчет этого чулана. Твоя тетя и я подумали... ты уже довольно большой для него... Думаю, будет неплохо, если ты переедешь в спальню по соседству с Дадли».

«Почему?» – спросил Гарри.

«Не задавай вопросов! – рявкнул дядя Вернон. – Перенеси все наверх, сейчас же». В доме Десли было четыре спальни: дяди Вернона и тети Петунии, гостевая (обычно там спала сестра дяди Вернона, Мардж), спальня Дадли и еще одна, где Дадли хранил все вещи и игрушки, которые не помещались в его собственную. Гарри за один раз перенес наверх все, что у него было. Он сел на кровать и огляделся. Почти все в этой комнате было сломано. Видеокамера с последнего дня рождения лежала на маленьком танке, которым Дадли однажды переехал соседскую собаку; в углу стоял его самый первый телевизор, который он разбил ногой, когда отменили его любимую программу; там стояла большая клетка для попугая, которого Дадли обменял на настоящее духовое ружье, лежавшее на верхней полке; его ствол расплющился, когда однажды Дадли уселся сверху. На другой полке стояли книги. Это был единственный предмет в комнате, до которого, казалось, никогда не дотрагивались. Снизу доносился крик Дадли:

«Я не хочу, чтоб он там жил... Мне нужна эта комната... пусть убирается...» Гарри вздохнул и вытянулся на кровати. Вчера он дал бы все, чтобы оказаться здесь. Сегодня он бы с большим удовольствием сидел в чулане со своим письмом, чем здесь без него.

На следующее утро за завтраком все молчали. Дадли был в шоке. Он вопил, лупил отца тростью, притворился заболевшим, ударил мать, разбил крышу оранжереи черепахой и все еще не получил обратно свою комнату. Гарри думал о вчерашнем дне, горько спрашивая себя: почему он не открыл письмо в коридоре? Дядя Вернон и тетя Петуния бросали друг на друга мрачные взгляды. Когда пришла почта, дядя Вернон, который, казалось, пытался вести себя с Гарри повежливей, послал за ней Дадли. Они слышали, как он лупит по всему подряд своей тростью по дороге в холл. Потом он закричал:

«Здесь еще одно письмо! Мистеру Г. Поттеру, Самая Маленькая спальня, Бирючинный проезд 4...» Сдавленно вскрикнув, дядя Вернон подскочил и ринулся в холл, Гарри следом за ним. Дяде Вернону пришлось повалить Дадли на пол, чтобы отобрать у него письмо, а это было трудно, потому что Гарри висел у него на шее. Через минуту,

вырвавшись из свалки, в которой всем досталось тростью, дядя Вернон поднялся, глотая ртом воздух и сжимая в руке письмо Гарри.

«Пошел в чулан – я хотел сказать, в спальню, – он прохрипел Гарри. – Дадли, убирайся – сгинь».

Гарри кружил по своей новой комнате. Кто-то знал, что он переехал из чулана и что он не получил первое письмо. Тогда, наверное, они попробуют снова? На этот раз, он был уверен, что их затея удастся. У него был план.

Отремонтированный будильник зазвонил в шесть часов утра. Гарри быстро встал и оделся. Он не должен разбудить Десли. Он проскользнул вниз, не включая свет. Он собирался подождать почтальона на углу Бирючинного проезда и забрать письма для дома номер четыре. Его сердце громко стучало, когда он пересекал темный холл...

«ААААААА!»

Гарри подпрыгнул от неожиданности – он наступил на что-то большое и мягкое на дверном коврике – что-то живое. Включился свет, и Гарри с ужасом понял, что это большое и мягкое – лицо его дяди. Дядя Вернон спал на пороге в спальном мешке, чтобы быть уверенным, что Гарри не сделает то, что он как раз пытался. Он кричал на Гарри примерно полчаса, а потом сказал ему пойти и приготовить чаю. Гарри прошмыгнул на кухню, а к тому времени, как он вернулся, почта уже пришла, прямо на колени дяде Вернону. Гарри увидел, что на этот раз писем с зелеными чернилами было три.

«Я хочу...» – сказал он, но дядя Вернон рвал письма на мелкие кусочки. В этот день он не пошел на работу; он остался дома и забил отверстие для писем гвоздями.

«Увидишь, – прошамкал он тете Петунии с полным гвоздей ртом, – если они не смогут доставить письма, они бросят это дело».

«Не уверена, что это сработает, Вернон».

«О, эти люди думают совсем не так, как мы с тобой, Петуния», – сказал дядя Вернон, пытаясь забить гвоздь куском фруктового кекса, который она ему принесла.

В пятницу не меньше двенадцати писем пришли для Гарри. Так как их нельзя было пропихнуть в отверстие для почты, то их засунули под дверь и в щели между косяком и бросили в маленькое окошко в ванной на первом этаже. Дядя Вернон опять остался дома. Он сжег все

письма, взял молоток и гвозди и забил все щели между косяками парадного и черного входа так, что никто не мог выйти. Работая, он напевал

«Шагая по тюльпанам» и подпрыгивал от малейшего шума.

В субботу процесс вышел из-под контроля. Двадцать четыре письма для Гарри попали в дом, скрученные и спрятанные в две дюжины яиц, которые недоумевающий молочник передал тете Петунии в окно гостиной. Пока дядя Вернон звонил на почту и в молочный магазин, пытаясь гневно пожаловаться на кого-нибудь, тетя Петуния искрошила их на кухонном комбайне.

«Интересно, кому же все-таки ты так нужен?» – спросил Дадли у Гарри с удивлением. В воскресенье утром дядя Вернон уселся завтракать, выглядя усталым и совсем больным, но счастливым.

«По воскресеньям почту не носят, – заявил он радостно, размазывая джем по газете. – Никаких чертовых писем сегодня». Пока он это говорил, что-то просвистело в трубе и попало ему в затылок. В следующий момент, тридцать или сорок писем пуль вылетели из камина. Десли пригнулись, а Гарри подпрыгнул в воздух, пытаясь поймать хоть одно.

«Вон! ВОИ!» Дядя Вернон схватил Гарри поперек туловища и выкинул в коридор. Когда тетя Петуния и Дадли выскочили из кухни, он захлопнул дверь. Они слышали, как письма все еще падают в комнату, отскакивая от стен и пола.

«Хватит, – сказал дядя Вернон, пытаясь говорить спокойно и не чувствуя, как выдирает пучки из усов, – через пять минут чтобы все были готовы. Мы уезжаем. Просто упакуйте немного одежды. И без споров!» Он выглядел так дико без половины усов, что никто не посмел спорить. Через десять минут, взломав забитые гвоздями двери, они сидели в машине по дороге к скоростной магистрали. Дадли всхлипывал на заднем сиденье: отец ударил его за то, что он всех задержал, пытаясь упаковать телевизор, видеомаягнитофон и компьютер в спортивную сумку. Они ехали. И ехали. Даже тетя Петуния не посмела спросить, куда они едут. Время от времени дядя Вернон разворачивал машину и ехал в противоположном направлении:

«Оторваться... оторваться от них...» – бормотал он себе под нос. Они не останавливались, чтобы поесть. К вечеру Дадли уже выл. У него был самый ужасный день в жизни. Он проголодался, он

пропустил пять передач по телевизору, которые хотел посмотреть, и не разнес положенного количества монстров на компьютере. Наконец, дядя Вернон остановился около унылого отеля на окраине большого города. Дадли и Гарри досталась комната с двумя кроватями и затхлыми сырыми простынями. Дадли храпел, а Гарри сидел на подоконнике, смотрел вниз на огни проезжающих машин и думал... Они завтракали безвкусными кукурузными хлопьями и холодными помидорами, с металлическим привкусом, на тостах. Они почти закончили, когда к столу подошла хозяйка отеля:

«Извините, среди вас нет мистера Г. Поттера? У меня на конторке сотня писем».

Она протянула одно, чтобы они смогли разобрать адрес, написанный зелеными чернилами:

Мистеру Г. Поттеру, Комната 17, Гостиница
«У железной дороги», Город Коксовик

Гарри потянулся за письмом, но дядя Вернон ударил его по руке. Женщина смотрела на него с удивлением.

«Я возьму их» – сказал он, быстро вставая и следуя за ней к выходу из ресторана.

«Не лучше ли просто поехать домой, дорогой?» – предложила тетя Петуния робко через несколько часов, но, казалось, дядя Вернон не услышал. Никто не понимал, что он ищет. Он привез их в лесную чащу, вышел из машины, огляделся, покачал головой, залез обратно, и они поехали дальше. То же самое произошло на вспаханном поле, на подъемном мосту и на верхнем ярусе многоуровневой автостоянки.

«Папа сошел с ума, да, мам?» – спросил Дадли со скукой в голосе позже в тот день. Дядя Вернон остановился на побережье, запер их в машине и исчез. Пошел дождь. Большие капли стучали по крыше. Дадли захныкал.

«Сегодня понедельник, – сказал он матери. – Великий Гумберто сегодня вечером. Я хочу быть рядом с телевизором».

Понедельник. Что-то шевельнулось у Гарри в голове. Если сегодня понедельник – а Дадли обычно точно знает, какой день недели из-за телевизора – тогда завтра, во вторник, у него одиннадцатый день рождения. Конечно, нельзя сказать, что у него были веселые дни рождения – в прошлом году Десли подарили ему крючок для одежды и

пару старых носок дяди Вернона. Но ведь не каждый же день тебе исполняется одиннадцать лет. Дядя Вернон вернулся, улыбаясь. Он принес длинный тонкий пакет и не ответил, когда тетя Петуния спросила, что он купил.

«Я нашел идеальное место! – сказал он. – Пошли! Выходите из машины!»

Снаружи было очень холодно. Дядя Вернон кивнул в сторону острова, похожего на кусок скалы в море. Ютившаяся наверху этой скалы хижина казалась самой убогой из всех, что можно было себе представить.

«Сегодня вечером обещают шторм! – сказал дядя Вернон ликующе, хлопая в ладоши. – А этот джентльмен был так добр, что одолжил нам свою лодку!» Беззубый старичок вразвалочку подошел к ним, указывая с довольно неприятной усмешкой на старую гребную лодку, подпрыгивающую внизу на серых волнах.

«Я достал немного еды, – сказал дядя Вернон. – Свистать всех наверх!» В лодке было холодно. Ледяная морская вода, дождь, стекающий за шиворот и промозглый ветер, бьющий в лицо. После, казалось, нескольких часов они достигли утеса, где дядя Вернон, оступаясь и поскальзываясь, повел их наверх к несчастной хижине. Внутри было просто ужасно. Пахло водорослями, ветер свистел в щели в деревянных стенах, а в очаге было сыро и пусто. К тому же в хижине было всего две комнаты. Немного еды в понимании дяди Вернона оказались пакетом чипсов для каждого и четырьмя бананами. Он попытался зажечь огонь, но пакеты только дымили и сжимались.

«Парочка писем сейчас бы пригодилась, а?» – сказал он радостно. Он был в очень хорошем настроении. Вероятно, он думал, что никто не сможет добраться к ним в шторм и доставить почту. Гарри был согласен, и эта мысль его не радовала. Когда наступила ночь, разразился обещанный шторм. Брызги высоких волн разбивались о стены хижины, и яростный ветер стучал в грязные окна. Тетя Петуния нашла несколько заплесневелых одеял в соседней комнате и сделала постель для Дадли на изъеденном молью диване. Она и дядя Вернон улеглись на слежавшиеся комками матрасы во второй комнате, а Гарри предоставили возможность найти самый мягкий кусочек пола и съежиться под самым тонким и рваным одеялом. Шторм становился сильнее и сильнее. Гарри не мог уснуть. Он дрожал и ворочался,

пытаясь устроиться поудобнее, его желудок сжимался от голода. Храп Дадли тонул в низких раскатах грома, который начал греметь ближе к полуночи. Светящийся циферблат часов Дадли, которые свисали с края дивана вместе с его толстой рукой, сказал Гарри, что через десять минут ему исполнится одиннадцать лет. Он лежал и смотрел, как приближается его день рождения, любопытствуя, а вспомнят ли Десли о нем вообще, думая, где сейчас тот, кто писал письма. Осталось пять минут. Он услышал, как снаружи что-то скрипнуло. Он надеялся, что крыша не обрушится, хотя, может быть, если она обрушится, станет теплее. Четыре минуты. Может быть, дома будет так много писем, когда они вернутся, что удастся как-нибудь утащить одно. Три минуты. Почему море так громко бьется об остров? И (две минуты) что это был за странный хруст за дверью? Может, скала рушится в море?

Одна минута и ему будет одиннадцать. Тридцать секунд... двадцать... десять... девять... – может, разбудить Дадли, чтобы позлить – три... две... одна... БУМ. Хижина вздрогнула, и Гарри резко сел, уставившись на дверь. Кто-то был снаружи и стучался, чтобы его пустили.

Глава четвертая. Хранитель ключей

БУМ. Опять постучал кто-то. Дадли проснулся.

«Где пушка?» – растерянно спросил он. Сзади раздался грохот и дядя Вернон влетел в комнату. В руках он держал винтовку – теперь все поняли, что же было в длинном, узком свертке, который он привез.

«Кто там? – крикнул он. – Предупреждаю – я вооружен!» Последовала пауза. И вдруг как гроыхнуло... удар был настолько силен, что дверь аккуратно слетела с петель и с оглушительным треском приземлилась на пол. В дверном проеме появился настоящий великан. Лицо его было почти полностью закрыто длинными косматыми волосами и спутанной бородой, но похожие на темных блестящих жуков глаза сверкали сквозь все эти заросли. Великан протиснулся в хижину, пригнувшись, потому что его голова почти касалась потолка. Он наклонился, легко поднял дверь и повесил ее на прежнее место. Шум грозы стал тише... Великан оглядел всю компанию.

«Не могли бы вы предложить мне чашечку чая? Это было нелегкое путешествие...»

Он прошагал к дивану, где сидел Дадли, скованный страхом.

«Подвинься, толстяк», – проговорил незнакомец. Дадли пискнул и побежал к матери, замершей от ужаса позади дяди Вернона.

«А, вот и Гарри», – обрадовался великан. Гарри взглянул в дикое лицо и увидел, что в глазах-жуках притаилась улыбка.

«Когда я видел тебя в последний раз, ты был совсем еще младенцем, – сказал великан. – Ты похож на отца, но у тебя глаза матери». Дядя Вернон издал странный дребезжащий звук.

«Я требую, чтобы вы ушли, сэр! – сказал он. – Вы нарушаете право частной собственности!»

«А, заткнись, Десли», – сказал великан; он перегнулся через спинку дивана, выхватил ружье из рук дяди Вернона, завязал его узлом, как будто оно было резиновым, и бросил его в угол комнаты. Дядя Вернон пискнул, как раздавленная мышь.

«Ладно, Гарри, – как ни в чем не бывало продолжал великан, поворачиваясь спиной к Десли, – с Днем Рождения. Вот кое-что для тебя – я слегка помял его, но на вкус он замечательный». Из внутреннего кармана своего черного пальто он достал немного раздавленную коробку. Гарри дрожащими пальцами открыл ее. Внутри был большой, липкий шоколадный торт с надписью зеленой глазурью:

«С Днем Рождения, Гарри». Гарри взглянул на великана. Он собирался поблагодарить его, но слова где-то потерялись, и вместо этого он сказал:

«Кто вы?» Великан усмехнулся.

«И правда, я не представился. Рубеус Хагрид, хранитель ключей и земель Хогвартса». Он протянул свою огромную ладонь и потряс Гарри руку.

«Итак, как насчет чая? – сказал он, потирая руки. – Я бы не отказался от очень крепкого». Его взгляд упал на пустоту за каминной решеткой со скрученными пакетами из-под чипсов. Великан фыркнул. Он склонился над камином; что он сделал, никто не разглядел, но когда он отошел секундой позже, там пылал огонь. Он наполнил сырую хижину мерцающим светом, и Гарри почувствовал проникающее тепло, точно оказался в теплой ванне.

Гигант вернулся на диван, заскрипевший под его тяжестью, и начал доставать из карманов всякую всячину: медный котелок, мягкую упаковку сосисок, кочергу, чайник, несколько отбитых кружек и бутылку с какой-то янтарного цвета жидкостью, из которой он отхлебнул, прежде чем запустить процесс приготовления. Скоро хижина наполнилась звуками и запахом жареных сосисок. Никто не сказал ни слова, пока великан готовил, но когда он снял первые шесть сочных, чуть подгорелых сосисок с кочерги, Дадли заерзал. Дядя Вернон сказал резко:

«Не трогай ничего, чтобы он тебе ни дал, Дадли». Великан усмехнулся.

«Тебе, пончик, и твоему сыночку, толстеть дальше некуда, поэтому не волнуйся».

Великан передал сосиски Гарри, который так проголодался, что ему казалось, он не ел ничего вкуснее, и он никак не мог отвести глаз от великана. Наконец, так как никто, видимо, не собирался ничего объяснять, Гарри сказал:

«Извините, но я еще не знаю кто же вы все-таки такой». Великан сделал глоток чаю и утер рот тыльной стороной ладони.

«Зови меня Хагрид, – сказал он. – Как все. И как я сказал, я хранитель ключей в Хогвартсе. Ты в курсе про Хогвартс, конечно».

«Гм – нет», – сказал Гарри. Хагрид был шокирован.

«Извините», – быстро сказал Гарри.

«Извинить? – пролаял Хагрид, поворачиваясь к Десли, отступившим обратно в

тень. – Это они должны извиняться! Я знал, что ты не получил письма, но чтобы ты не был в курсе про Хогвартс! Ты никогда не интересовался, где твои предки всему научились?»

«Научились чему?» – спросил Гарри.

«ЧЕМУ? – прогремел Хагрид. – погоди минутку!»

Он поднялся на ноги. Казалось, он в гневе заполнил всю хижину. Десли жались к стене.

«Вы хотите сказать, – прорычал он Десли, – что этот мальчик – этот мальчик! – ничего не знает – ни о чем?»

Гарри подумал, что Хагрид зашел слишком далеко. Он ведь учился в школе, и его оценки были очень даже ничего.

«Я кое-что знаю, – сказал он. – Математику, например, или там еще что». Но Хагрид просто махнул рукой и произнес:

«Про наш мир, я хочу сказать. Твой мир. Мой мир. Мир твоих родителей».

«Какой мир?» Казалось, Хагрид сейчас взорвется.

«ДЕСЛИ!» – взревел он. Очень бледный дядя Вернон прошептал что-то вроде

«Мимблвимбл». Хагрид дико взглянул на Гарри.

«Но ты должен знать про отца и мать, – сказал он. – Я хочу сказать, что они знамениты. И ты знаменит».

«Что? Мои мама и папа не были знамениты, разве нет?»

«Ты не знаешь... Ты не знаешь...» – Хагрид запустил пятерню в свою шевелюру, устремив на Гарри дикий взгляд.

«Ты не знаешь, кто ты такой?» – спросил он наконец. Внезапно дядя Вернон подал голос.

«Немедля прекратите! Я запрещаю вам рассказывать мальчику что бы то ни было!» Даже более храбрый человек, чем дядя Вернон

дрогнул бы от того взгляда Хагрида; когда великан заговорил, в каждом слоге звучала ярость:

«Вы никогда не говорили ему? Никогда не говорили, что было в письме, которое ему оставил Дамблдор? Я был там! Я видел, как он его оставил, Десли! И вы не сказали ему ничего за все эти годы?»

«Не сказали чего?» – спросил Гарри нетерпеливо.

«СТОЙТЕ! Я ВАМ ЗАПРЕЩАЮ!» – пролаял дядя Вернон в панике. Тетя Петунья задохнулась от ужаса.

«А – идите вы оба к черту, – сказал Хагрид. – Гарри – ты волшебник». В хижине наступила тишина. Только шумело море, и свистел ветер.

«Я – кто?» – выдохнул Гарри.

«Волшебник, конечно, – сказал Хагрид, усаживаясь на диван, который заскрипел и просел еще ниже. – И будешь очень хорошим волшебником, когда подучишься. С такими родителями, как у тебя, кем ты еще можешь быть? И я думаю, сейчас как раз пора прочитать твое письмо». Гарри вытянул руку и взял наконец желтоватый конверт с изумрудно зеленой надписью:

Мистеру Г. Поттеру, Пол, Хижина-на-Скале, Море. Он вытащил лист и прочитал:

ШКОЛА ВОЛШЕБСТВА И КОЛДОВСТВА ХОГВАРТС
Директор: АЛБУС ДАМБЛДОР

(Орден Мерлина, Великий Волш. Первого Класса, Главн. Колдун, Верховн. Чародей Международной Конфед. Магов) Дорогой мистер Поттер! Мы рады сообщить Вам, что Вы приняты в школу волшебства и колдовства Хогвартс. Пожалуйста, прочтите прилагаемый список необходимых учебников и оборудования. Семестр начинается первого сентября. Ждем от вас совы не позднее тридцать первого июля.

Искренне Ваша, Минерва Мак-Гонагалл, Заместитель
директора

В голове Гарри роились вопросы, и он не знал, какой задать первым. Через несколько минут он произнес, запинаясь:

«Что значит, они ждут сову?»

«Старый дурак, чуть не забыл», – сказал Хагрид, хлопая ладонью по лбу с силой, которая могла бы свалить лошадь, и вытащил из

какого-то кармана сову – настоящую, живую, немного взъерошенную сову – длинное перо и свиток пергамента.

Высунув кончик языка, он нацарапал записку, которую Гарри прочитал вверх ногами:

Дорогой профессор Дамблдор, Передал Гарри письмо. Отвезу его завтра все купить. Ужасная погода. Надеюсь, у Вас все о'кей.

Хагрид

Хагрид свернул записку, отдал ее сове, которая зажала ее в клюве, подошел к двери и выбросил сову в шторм. Потом он вернулся и снова сел, как будто это было такое же обычное дело, как поговорить по телефону. Гарри понял, что стоит с открытым ртом, и быстро закрыл его.

«На чем я остановился?» – сказал Хагрид, но в этот момент, дядя Вернон, все еще бледный, но очень злой, подошел к камину.

«Он не поедет», – произнес он. Хагрид хрюкнул.

«Я бы хотел посмотреть, как маггл вроде тебя, его остановит», – сказал он.

«Кто?» – спросил Гарри с интересом.

«Маггл, – сказал Хагрид. – Так мы зовём не магический народ, вроде него. И тебе жутко не повезло, что ты вырос в семье самого большого маггла из всех, которых я когда-либо видел».

«Мы поклялись, когда взяли его, что положим конец этой чепухе, – сказал дядя Вернон. – Мы поклялись, что выбьем из него эту дурь! Волшебник!»

«Вы знали? – сказал Гарри. – Знали, что я волшебник?»

«Знали! – внезапно взорвалась тетя Петунья. – Знали! Конечно, мы знали! Как ты мог не быть, когда моя дорогая сестрица была тем, чем была? Она получила такое же письмо и исчезла в эту – эту школу – и приезжала домой каждые каникулы с полными карманами лягушачьей икры, и превращала чашки в крыс! Только я понимала, что она – выродок! А мои отец и мать, о нет, Лили то, Лили сё... Они гордились, что у них в семье ведьма!» Она остановилась набрать воздуха и продолжила. Казалось, она готовила эту речь всю жизнь.

«Потом она встретила этого Поттера в школе, они поженились, и появился ты, и конечно, я знала, что ты будешь таким же, таким же странным, таким же – ненормальным – и потом она взлетела на воздух

и предоставила нам разобраться с тобой!» Гарри побледнел. Когда он снова смог говорить, он произнес:

«Взлетели на воздух? Но вы всегда говорили мне, что они погибли в автокатастрофе!»

«В АВТОКАТАСТРОФЕ! – взревел Хагрид, подпрыгнув так яростно, что Десли торопливо отступили обратно в угол. – Как могли Лили и Джеймс Поттеры погибнуть в автокатастрофе? Это невероятно! Скандал! Гарри Поттер не знает своего прошлого, когда каждый ребенок в мире знает его имя!»

«Но почему? Что же случилось?» – спросил Гарри настойчиво. Ярость на его лице сменилась на озабоченность.

«Я никогда не ожидал такого, – сказал он обеспокоено. – Я не думал, когда Дамблдор обещал трудности, как мало ты знаешь. Эх, Гарри, я не знаю, тот ли я человек, чтобы объяснить тебе – но кто-то должен – не можешь же ты поехать в Хогвартс, не зная». Он бросил нехороший взгляд на Десли.

«Ну так вот, было б лучше, если б ты знал столько, сколько я могу тебе сказать... да я не так уж много и знаю, так, частично, потому что это большая тайна...» Он сел, несколько минут смотрел на огонь и наконец сказал:

«Я думаю, все начинается с человека, которого звали – просто невероятно, что ты не знаешь его имени, в то время как все знают...»

«Кто?»

«Ну – я не люблю называть его по имени, если только по необходимости. И никто не любит».

«Почему?»

«Гадкие горгульи, Гарри, люди все еще напуганы. Чтоб мне провалиться... Видишь ли, был волшебник, который стал... темным. Насколько вообще возможно. Ужасным. Самым ужасным. Его звали...» Хагрид сглотнул, но слова не пришли.

«Может, запишете?» – предложил Гарри.

«Неа, не знаю я как это пишется. Хорошо – Волдеморт, – Хагрид поежился. – И не заставляй меня повторять. Итак, этот – этот волшебник, примерно двадцать лет назад начал искать сторонников. Они появились – некоторые просто боялись, некоторые хотели заполучить его силу, потому что он был очень сильным, вот. Темные дни, Гарри. Не знаешь, кому доверять, нельзя по-дружески общаться с

другими волшебницами и магами... просто ужасные вещи происходили. Он брал вверх. Кто-то выступил против него – и он убил их. Ужасно. Единственным безопасным местом был Хогвартс. Представь, Дамблдор был единственным, кого Сам-Знаешь-Кто боялся. Он не пытался пробраться в школу, даже тогда.

«Твои предки, мама и папа, были самыми лучшими волшебниками, которых я знал. Главные префекты в год выпуска! Представь, почему Сам-Знаешь-Кто не пытался перетащить их к себе... наверное, знал, что они слишком близко к Дамблдору, чтобы перейти на Темную Сторону.

«Может, он думал, что сможет убедить их... может, просто хотел убрать с дороги. Все знают, что он оказался в деревне, где вы все жили, в Хэллоуин десять лет назад. Тебе был всего годик. Он пришел в дом и... и...» Хагрид внезапно вытащил очень грязный носовой платок и громогласно высморкался.

«Извини, – сказал он. – Но это очень грустно – я знал твоих родителей – очень хорошие люди – и вот...

«Сам-Знаешь-Кто убил их. А потом – и это самая большая тайна – он попытался убить тебя. Хотел сделать все шито-крыто, а может, ему тогда уже нравилось убивать. Но не смог. Ты не спрашивал, откуда у тебя шрам на лбу? Это не обычный порез. Такая штука появляется, если тебя коснулось очень могущественное проклятье... оно позаботилось о твоих родителях и даже о доме, но не сработало на тебе, и поэтому ты очень знаменит, Гарри. Никто не выжил после того, как он решил его убить, никто, кроме тебя, а ведь он убил некоторых лучших магов и волшебниц века – Мак-Киннонов, Бонсов, Преветтсов – а ты был совсем крохой – и уцелел». Что-то очень болезненное шевелилось у Гарри в голове. Когда история Хагрида подошла к концу, он опять увидел ослепительную вспышку зеленого света, отчетливее, чем когда-либо – и вспомнил еще кое-что: холодный, жестокий смех. Хагрид с грустью смотрел на него.

«Забрал тебя из разрушенного дома по приказу Дамблдора. Притащил тебя к этим...»

«Е-рун-да», – сказал дядя Вернон. Гарри подпрыгнул; он почти забыл, что Десли все еще здесь. К дяде Вернону вернулось мужество. Он свирепо смотрел на Хагрида, сжимая кулаки.

«Послушай меня, парень, – оскалился он. – Я думаю, ты немножко не такой, но вероятно, это можно выбить хорошей поркой – а что касается твоих родителей, так они это заслужили, и мир без них стал лучше, я так думаю – как я и говорил, если общаться со всякими там волшебниками, все это плохо кончится, что и случилось...»

Но в этот момент, Хагрид спрыгнул с дивана и вытащил потрепанный розовый зонт из складок плаща. Направив его как меч на дядю Вернона, он сказал:

«Я предупреждаю тебя, Десли – я тебя предупреждаю – еще одно слово...» Возможность быть нанизанным на зонт бородатым великаном, опять поубавила храбрости дяде Вернону, он оперся на стену и умолк.

«Вот так-то лучше», – сказал Хагрид, тяжело дыша и усаживаясь обратно на диван, который на этот раз просел до пола. У Гарри тем временем, появилась куча вопросов:

«А что случилось с Вол-, то есть Сам-Знаешь-Кем?»

«Хороший вопрос, Гарри. Исчез. Испарился. В ту же самую ночь, когда пытался убить тебя. Делая тебя еще более знаменитым. Это самая большая тайна, понимаешь... он становился все сильнее и сильнее, зачем ему пропадать?»

«Кто-то говорит, что он умер. Я думаю, он исчез. Не знаю, много ли в нем осталось человеческого, мог ли он вообще умереть? Кто-то говорит, что он выжидает своего часа, но я им не верю. Все, кто были на его стороне, перешли на нашу. Они как бы вышли из транса. Не думаю, что они смогли бы, если бы он собирался вернуться».

«Большинство считает, что он все еще среди нас, просто каким-то образом потерял большую часть своей силы. Что-то в тебе прикончило его, Гарри. Что-то пошло не так, как он рассчитывал той ночью – я не знаю, никто не знает – но что-то в тебе остановило его, вот как». Хагрид посмотрел на Гарри, его глаза лучились теплотой и расположением, но Гарри, вместо того, чтобы чувствовать себя польщенным и гордым, думал, что здесь какая-то ошибка. Волшебник? Он? Как он может быть? Всю жизнь его шпынял Дадли, третировали дядя Вернон и тетя Петунья; если он и в самом деле был волшебником, почему они не превращались в бородавчатых лягушек каждый раз, когда запирали его в чулане? Почему, если он однажды он

нанес поражение великому волшебнику, почему Дадли мог пинать его как футбольный мяч?

«Хагрид, – сказал он тихо, – я думаю, ты ошибся. Я не думаю, что я волшебник». К его удивлению Хагрид рассмеялся.

«Не волшебник? Никогда ничего не происходило, когда ты боялся или злился?» Гарри посмотрел в огонь. Теперь он вспоминал... обо всех вещах, которые приводили в ярость его дядю и тетю, когда он пугался или злился... преследуемый бандой Дадли, он вдруг оказался вне их досягаемости... боясь идти в школу с ужасной прической, он отрастил волосы... а в самый последний раз, разве он не отомстил, не понимая, что делает? Разве он не натравил на Дадли удава? Гарри посмотрел на Хагрида, улыбаясь, и увидел, что Хагрид с удовлетворением смотрит на него.

«Вот видишь? – сказал Хагрид. – Гарри Поттер не волшебник – подожди, ты будешь знаменитым в Хогвартсе». Но дядя Вернон не собирался сдаваться без боя.

«Разве я не сказал, что он не поедет? – прошипел он. – Он пойдет в Стоунволл Хай и будет благодарен за это. Я прочитал эти письма, ему нужен весь этот мусор – книги с заклинаниями, волшебные палочки...»

«Если он захочет, никакой маггл его не остановит, – прорычал Хагрид. – Запретить сыну Лили и Джеймса Поттеров учиться в Хогвартсе! Ты с ума сошел. Его имя всем известно, с тех пор, как он родился. И он будет учиться в лучшей школе волшебства и колдовства в мире. Семь лет и он себя не узнает. Он пообщается с ребятами своего сорта, у него будет замечательный директор Албус Дамблд...»

«Я НЕ СОБИРАЮСЬ ПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ КАКОЙ-НИБУДЬ СТАРЫЙ ДУРАК УЧИЛ ЕГО МАГИЧЕСКИМ ШТУЧКАМ!» – выкрикнул дядя Вернон. Но он зашел слишком далеко. Хагрид вытащил свой зонт и поднял его над головой:

«НИКОГДА, – прогремел он, – НЕ – ОСКОРБЛЯЙ – АЛБУСА – ДАМБЛДОРА – В МОЕМ – ПРИСУТСТВИИ!» Он взмахнул зонтом, кончик которого указал на Дадли – вспышка сиреневого света, треск, короткий визг, и в следующую секунду Дадли подпрыгнул на месте, держась руками за толстую задницу и воя от боли. Когда он повернулся спиной, Гарри увидел кучерявый свиной хвостик сквозь дыру на штанах. Дядя Вернон зарычал. Втащив тетю Петунию и

Дадли в соседнюю комнату, он бросил последний испуганный взгляд на Хагрида и захлопнул дверь. Хагрид посмотрел вниз на свой зонт и пригладил бороду.

«Не стоило выходить из себя, – сказал он печально. – Но ведь все равно не прокатило. Хотел превратить его в свинью, но, полагаю, он был так похож на свинтуса сам, что сделать оставалось немного». Он искоса посмотрел на Гарри из-под своих кустистых бровей.

«Буду в долгу, если ты никому не расколешься в Хогвартсе, – сказал он. – Мне – гм – не положено заниматься магией, вообще-то говоря. Мне разрешили чуть-чуть поколдовать, пока я буду искать тебя и передавать письмо – одна из причин, почему я делал это с таким рвением».

«Почему тебе нельзя использовать магию?» – спросил Гарри.

«Я тоже учился в Хогвартсе, но – гм – меня исключили, такие вот пироги. В третьем классе. Сломали волшебную палочку и все дела. Но Дамблдор разрешил мне остаться лесником. Классный мужик, Дамблдор».

«Почему тебя исключили?»

«Уже поздно, а у нас куча дел на завтра, – заявил Хагрид, делая вид, что не слышал Гарри. – Надо будет смотаться в город, купить тебе книги и все такое». Он снял свой черный плащ и бросил его Гарри.

«Можешь спать под ним, – сказал он. – Не бойся, если он вдруг зашевелится, думаю, в каком-то кармане все еще живет парочка мышей».

Глава пятая. Диагон аллея

На следующее утро Гарри проснулся рано. Он мог бы сказать, что уже светло, но боролся с искушением открыть глаза.

«Это был сон, – сказал он себе твердо. – Мне приснилось, что великан по имени

Хагрид пришел ко мне и сказал, что я буду учиться в школе для волшебников. Когда я открою глаза, я окажусь дома в своем чулане». Внезапно он услышал громкий стук.

«Это тетя Петуния стучит в дверь», – подумал Гарри с упавшим сердцем. Но он не открыл глаза. Это был такой приятный сон. Тук. Тук. Тук.

«Хорошо, – пробормотал Гарри, – я встаю». Он сел и тяжелый плащ Хагрида свалился с него. Хижина была полна солнечного света, шторм закончился, а Хагрид спал на просевшем диване; за окном сидела сова, стуча в стекло когтем и сжимая в клюве газету.

Гарри подпрыгнул от радости. Он чувствовал себя таким счастливым, как будто у него внутри раздувался воздушный шарик. Он подбежал к окну и распахнул его. Сова влетела внутрь и уронила газету на Хагрида, который продолжал спать. Потом сова села на пол и атаковала его плащ.

«Перестань!»

Гарри попытался прогнать сову, но она угрожающе нацелила клюв в его сторону и продолжила трепать плащ.

«Хагрид! – громко сказал Гарри. – Здесь сова».

«Заплати ей», – проворчал Хагрид с дивана.

«Что?»

«Она хочет получить деньги за доставку газеты. Посмотри в карманах». Казалось, плащ Хагрида сделан из одних карманов – связки ключей, жетончики для автоматов, мотки бечевки, мятная жвачка, чайные пакетики... наконец Гарри вытащил горсть странных монет.

«Дай ей пять кнутов», – сказал Хагрид сонно.

«Кнутов?»

«Это маленькие бронзовые монетки».

Гарри отсчитал пять маленьких бронзовых монет, и сова вытянула лапу, чтобы он мог положить их в привязанный к ней маленький кожаный мешочек. Потом она выпорхнула в открытое окно. Хагрид громко зевнул, сел и потянулся.

«Думаю, нам пора, Гарри, сегодня куча дел, надо смотаться в Лондон и прикупить тебе все для школы». Гарри вертел в руках волшебные монетки и разглядывал их. Он только что вспомнил кое о чем, и воздушный шарик внутри как будто прокололи.

«Гм – Хагрид?»

«Ммм?» – сказал Хагрид, натягивая свои огромные ботинки.

«У меня ведь совсем нет денег – ты слышал, что сказал дядя Вернон вчера вечером? Он не будет платить за мое обучение в школе».

«Об этом не волнуйся, – сказал Хагрид, вставая и почесывая голову. – Ты думаешь, твои предки ничего тебе не оставили?»

«Но ведь если дом был разрушен...»

«Они не хранили золото в доме, парень! Не, сперва мы наведемся в Гринготтс. Волшебный банк. Возьми сосиску, они ничего, даже холодные – а я бы не отказался от кусочка твоего тортика».

«У волшебников есть банки?»

«Только один. Гринготтс. Им владеют гоблины». Гарри уронил кусок сосиски.

«Гоблины?»

«Да – только совсем ненормальный ломанётся их грабить, я думаю. Никогда не порти отношения с гоблинами, Гарри. Гринготтс – самое безопасное место в мире, если хочешь что-нибудь спрятать – может, кроме Хогвартса. Мне по любому надо в Гринготтс. Для Дамблдора. И Хогвартса, – Хагрид гордо выпятил грудь. – Он обычно просит меня достать что-нибудь важное для него. Если поручил притащить что-то из Гринготтс, значит доверяет, понятно?»

«Все взял? Ну, тогда пошли». Гарри последовал за Хагридом на свежий воздух. Небо очистилось, и море искрилось в солнечных лучах. Лодка, нанятая дядей Верноном, все еще стояла у причала, полная воды.

«Как ты сюда добрался?» – спросил Гарри, оглядываясь в поисках другой лодки.

«Летел», – ответил Хагрид.

«Летел?»

«Да — но мы поплывем в этой. Считается, что я не могу использовать магию теперь, когда нашел тебя». Они уселись в лодку, Гарри все еще с удивлением смотрел на Хагрида, пытаясь представить его летящим.

«Хотя грести — это просто стыдно, — сказал Хагрид, бросая на Гарри один из своих косых взглядов. — Если мне удастся — гм — маленько ускорить процесс, не мог бы ты не вспомнить этого в Хогвартсе?»

«Конечно», — сказал Гарри, с нетерпением ожидая увидеть еще чуть-чуть магии. Хагрид опять вытащил свой розовый зонт, два раза ударил им по борту, и они устремились к земле.

«Почему только ненормальный станет грабить Гринготтс?» — спросил Гарри.

«Заклинания — зачаровывают, — сказал Хагрид, разворачивая газету. — Они говорят, жутко ценные вклады охраняют драконы. И, кроме того, тебе надо найти обратную дорогу — Гринготтс на сотню миль глубже Лондона, понимаешь? Глубже, чем метро. Ты помрешь с голоду, пытаясь выбраться, даже если наложишь лапу на что-нибудь». Гарри сидел и обдумывал сказанное, пока Хагрид читал газету Ежедневный Оракул. Гарри знал по опыту, что людей лучше оставить в покое, когда они читают газету, но он с трудом сдерживался, ведь у него никогда в жизни не было столько вопросов.

«Министерство Магии опять все путает», — сказал Хагрид, переворачивая страницу.

«А есть Министерство Магии?» — спросил Гарри, не успев остановиться.

«Конечно, — сказал Хагрид. — Они хотели назначить Дамблдора министром, еще бы. Но он никогда не покидает Хогвартс, поэтому назначили старика Корнелия Фаджа. Ужасный растяпа. Он заваливает Дамблдора совами каждое утро, советуясь».

«А что делает Министерство Магии?»

«Ну, их основная задача — держать магглов в неведении относительно существования волшебников и колдуний».

«Почему?»

«Почему? Представь, Гарри, всем захотелось бы решить проблемы с помощью магии. Нас бы замучили просьбами». В этот момент лодка мягко ткнулась носом в стену пирса. Хагрид свернул газету, и они

поднялись по каменным ступеням на улицу. Прохожие таращились на Хагрида, пока они шли через маленький городок на станцию. Гарри не мог их винить. Не только потому, что Хагрид был вдвое выше обычного человека, но еще потому, что он показывал пальцем на самые обычные вещи, например, автоматы для парковки, и говорил громко:

«Видишь, Гарри? Каких только вещей эти магглы не напридумывали, а?»

«Хагрид, – сказал Гарри, тяжело дыша, потому что ему пришлось бежать, чтобы не отстать. – Ты сказал, в Гринготтс есть драконы?»

«Они так говорят, – сказал Хагрид. – Я бы хотел себе дракона».

«Ты хочешь дракона?»

«Да, с детства – вот мы и пришли». Они добрались до станции. Через пять минут отправлялся поезд на Лондон. Хагрид, который не разбирался в «деньгах магглов» как он их называл, отдал купюры Гарри, чтобы тот купил билеты. Люди в поезде продолжали глазеть на них. Хагрид уселся, заняв два места, и начал вязать что-то очень похожее на круглую канареечно-желтую палатку.

«Твое письмо с тобой?», – спросил он, считая петли. Гарри вытащил конверт из кармана.

«Отлично, – сказал Хагрид. – Там список того, что тебе понадобится». Гарри развернул второй листок пергамента, который он заметил вчера вечером и прочитал:

ШКОЛА ВОЛШЕБСТВА и КОЛДОВСТВА ХОГВАРТС ФОРМА
Ученикам первого года требуется: Три комплекта мантий (черного цвета) Один колпак (черного цвета) Одна пара защитных перчаток (драконья кожа или что-то подобное) Один зимний плащ (черный с серебряными пуговицами) Пожалуйста, учтите, что вся одежда учеников должна иметь вышитые инициалы.

УЧЕБНИКИ У каждого ученика должен быть экземпляр следующих книг:

«Стандартная книга заклинаний» (первая ступень) Миранды Тетеревятник

«История магии» Батильды Хлоп

«Теория магии» Адалберта Ваффлинга

«Руководство по преобразованию для начинающих» Рвотны Переклю

«Тысяча магических трав и грибов» Ботрудии Споры
«Магические вытяжки и настойки» Мышьякия Плута
«Фантастические животные и где их найти» Тритона Обмандера
«Темные силы: руководство по самозащите» Квентина Тримбла
ДРУГОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

Волшебная палочка и котел (оловянный, стандартный размер номер два)

Набор стеклянных или хрустальных пробирок

Телескоп

Медные весы

Ученикам разрешается взять с собой сову ИЛИ кошку ИЛИ жабу.

ВНИМАНИЕ РОДИТЕЛИ, НАПОМИНАЕМ, ЧТО УЧЕНИКАМ ПЕРВОГО ГОДА НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ БРАТЬ С СОБОЙ МЕТЛЫ.

«Мы сможем купить все это в Лондоне?» – спросил Гарри громко.

«Просто надо знать места», – ответил Хагрид.

Гарри никогда не был в Лондоне. Хотя Хагрид, видимо, точно знал, куда они идут, он не привык добираться туда обычным путем. В метро он застрял в турникете и громко жаловался, что места в вагонах слишком маленькие и двигаются они медленно.

«Я не знаю, как магглы справляются без магии», – сказал он, когда они поднимались по сломавшемуся эскалатору, который вывел их на шумную улицу с длинными рядами магазинов.

Хагрид был таким большим, что легко пробирался сквозь толпу, Гарри оставалось только держаться следом. Они проходили мимо книжных и музыкальных магазинов, ресторанов и кинотеатров, но было похоже, что нигде не продают магических принадлежностей. Это была просто обычная улица с толпой обычных людей. Неужели и в самом деле внизу хранятся кучи волшебного золота? Неужели и вправду есть магазины, продающие книги с заклинаниями и метлы? Может это просто огромная шутка Десли? Если бы Гарри не знал, что у Десли нет чувства юмора, он бы так и подумал; хотя каким-то образом, даже если Хагрид говорил совсем удивительные вещи, Гарри не мог не верить ему.

«Вот оно, – сказал Хагрид, останавливаясь, – „Дырявый котел“. Знаменитое место». Снаружи знаменитое место выглядело как маленький, обшарпанный паб. Если бы Хагрид не показал на него, Гарри вообще бы не заметил. Люди спешили мимо, не обращая

внимания. Их взгляды скользили с большого книжного магазина на одной стороне улицы на музыкальный на другой, как будто они вообще не видели бара. У Гарри было забавное чувство, что только он и Хагрид на самом деле его видят. Прежде чем он сказал это вслух, Хагрид впихнул его внутрь. Для знаменитого места, внутри было слишком темно и мрачно. В углу сидели старушки и пили шерри из маленьких бокалов. Одна из них курила длинную трубку. Маленький человек в колпаке разговаривал с барменом, совершенно лысым и похожим на беззубый грецкий орех. Низкий гул голосов смолк, когда они вошли. Казалось, все знали Хагрида; они приветственно махали ему руками и улыбались, бармен потянулся за стаканом, говоря:

«Как обычно, Хагрид?»

«Не могу, Том. Я по делу Хогвартса», – сказал Хагрид, хлопая Гарри по плечу, так что у того подогнулись коленки.

«Боже мой, – сказал бармен, всматриваясь в Гарри, – это – не может быть...» Внезапно в «Дырявом котле» стало совсем тихо.

«Нет, вы взгляните, – прошептал бармен, – Гарри Поттер... Какая честь». Он выбежал из-за стойки, бросился к Гарри и пожал ему руку со слезами на глазах.

«Добро пожаловать, мистер Поттер, добро пожаловать». Гарри не знал, что ответить. Все смотрели на него. Старушка с трубкой пыталась затянуться, не чувствуя, что трубка погасла. Хагрид сиял. В следующий момент заскрипели стулья, и Гарри обнаружил, что пожимает руки всем, кто был в «Дырявом котле».

«Дорис Крокфорд, мистер Поттер, не могу поверить, что, наконец, познакомилась с вами».

«Я так счастлив, мистер Поттер, так счастлив».

«Всегда хотел пожать вашу руку – я трепещу».

«Я в восхищении, мистер Поттер, просто не могу выразить, фамилия Диггл, Дедалус Диггл».

«Я вас видел раньше! – сказал Гарри, и шляпа Диггла свалилась на пол от радости. – Вы однажды поклонились мне в магазине».

«Он помнит! – вскричал Дедалус Диггл, оборачиваясь. – Вы слышали? Он меня помнит!» Гарри продолжал пожимать руки – Дорис Крокфорд подходила уже не первый раз. Бледный молодой человек очень нервно протолкался вперед. Один его глаз подергивался.

«Профессор Квиррелл! – сказал Хагрид. – Гарри, профессор Квиррелл преподает в Хогвартсе».

«По-по-поттер, – заикаясь, произнес профессор Квиррелл, хватая Гарри за руку, – н-не могу в-выразить, к-к-как я рад, в-вас вст-третить».

«Какую магию вы преподаете, профессор Квиррелл?»

«За-защиту от тёмных сил, – пробормотал профессор Квиррелл, как будто с неохотой вспоминая. – Н-не то, что б-бы она в-вам требуется, а, Поттер? – он нервно засмеялся. – В-вы за формой и к-книгами, не так ли? Мне тоже н-надо купить к-книгу про вампиров», – было похоже, что эта мысль его ужасает. Но остальные не дали профессору Квирреллу поговорить с Гарри. Десять минут ушло на то, чтобы распрощаться со всеми. Наконец, Хагрид пробился через общий шум.

«Надо топать – у нас много покупок. Пошли, Гарри». Дорис Крокфорд пожала Гарри руку в последний раз, и Хагрид вывел его через бар в маленький, огороженный дворик, где не было ничего, кроме мусорного бака и сорняков. Хагрид подмигнул Гарри.

«Говорил тебе, а? Говорил, что ты знаменитый. Даже профессор Квиррелл трепетал при встрече с тобой. Хотя он конечно всегда трепещет».

«Он все время так нервничает?»

«О да. Бедный парень. Гениальные мозги. С ним все было о'кей, когда он читал книжки, а потом выбрался на годик, чтобы набраться опыта. Говорят, он встретил вампиров в Черном лесу, а потом были проблемы с ведьмой – он очень изменился. Боится собственных учеников, боится своего предмета, где мой зонт?» Вампиры? Ведьмы? У Гарри голова шла кругом. Хагрид тем временем считал кирпичи на стене над мусорным баком.

«Три вверх... Два в сторону, – прошептал он. – Хорошо, отойди, Гарри». Он три раза ударил в стену кончиком зонта.

Кирпич, до которого он дотронулся, дрогнул – изогнулся – в середине появилось маленькое отверстие – оно росло и росло – и в следующую секунду они оказались перед аркой, достаточно широкой даже для Хагрида, перед аркой на вымощенную булыжником улицу, которая поворачивала и пропадала из виду.

«Добро пожаловать, – сказал Хагрид. – На Диагон аллею». Он усмехнулся в ответ на удивление Гарри. Они прошли под аркой. Гарри быстро посмотрел через плечо и увидел, что арка опять превратилась в твердую стену. Солнце играло на гряде котлов рядом с ближайшим магазином.

«Котлы – Все Размеры – Медь, Латунь, Олово, Серебро – Самопомешивающиеся – Складные» – было написано на табличке.

«Тебе понадобится котелок, – сказал Хагрид. – Но сначала нужно забрать денежки». Гарри мечтал, чтобы у него было еще восемь глаз. Он крутил головой во все стороны, пока они шли по улице, пытаясь разглядеть все сразу: магазины, предметы на улице, людей, делающих покупки. Полная женщина рядом с аптекой качала головой, когда они проходили мимо, и говорила:

«Печень дракона, семнадцать сиклей за унцию, они с ума сошли...» Низкие слабые крики доносились из темного магазина, вывеска на котором гласила: «Большой совиный магазин Ейлопса – Золотистые, Ушастые, Амбарные, Коричневые и Полярные совы». Несколько мальчиков возраста Гарри торчали, как пришитые, возле витрины с метлами.

«Смотри, – услышал Гарри, – Нимбус-2000 – самая быстрая...» Были магазины, продающие мантии, магазины, продающие телескопы и странные серебряные инструменты, которые Гарри никогда не видел, витрины, забитые бочонками с селезенками летучей мыши и глазами угря, неустойчивыми кипами книг с заклинаниями, писчими перьями и свитками пергамента, бутылочками с зельями, лунными глобусами...

«Гринготтс», – сказал Хагрид. Они дошли до снежно-белого здания, возвышавшегося над магазинами. Рядом с полированными бронзовыми дверями, одетый в алую униформу с золотом, стоял...

«Да, это гоблин», – тихо пояснил Хагрид, пока они поднимались по белым ступеням. Гоблин был примерно на голову ниже Гарри. У него было смуглое, умное лицо, борода клинышком и, как заметил Гарри, очень длинные пальцы и ступни. Он поклонился, когда они зашли внутрь. Они увидели еще одни двери, на этот раз серебряные, с выгравированными словами:

Входи, незнакомец, но думай о том,
Что жадного вора не выпустят вон,
Что те, кто чужое берут задарма,
Те после оплатят всю цену сполна.
И если ты ищешь в том, что мы храним,
Предмет, никогда не бывавший твоим,
То, вор, проникающий тайно, учти:
Не только сокровище можешь найти.

«Вот я и говорю, надо быть сумасшедшим, чтобы додуматься их ограбить», – сказал Хагрид. Двое гоблинов поклонились им, когда они проходили через серебряные двери в огромный мраморный зал. Еще около сотни гоблинов сидели на высоких табуретах за длинной стойкой, записывали что-то в счетоводных книгах, взвешивали монеты на латунных весах, изучали драгоценные камни под лупой. Двери, ведущие из зала, невозможно было сосчитать, еще больше гоблинов с людьми заходили и выходили из них. Хагрид и Гарри пробрались к стойке.

«Доброе утро, – сказал Хагрид свободному гоблину. – Мы пришли снять немножко денег со счета мистера Поттера».

«У вас есть его ключ, сэр?»

«Где-то был», – сказал Хагрид и начал выкладывать содержимое карманов на стойку, рассыпав горсть заплесневелых собачьих галет на счетоводную книгу гоблина. Гоблин поморщился. Гарри наблюдал, как гоблин справа взвешивает кучку рубинов, размером с крупные угольки.

«Вот он», – сказал Хагрид наконец, вынимая маленький золотой ключ. Гоблин придирчиво осмотрел его.

«Кажется, он в порядке».

«И у меня есть письмо от профессора Дамблдора, – сказал Хагрид, важно выпячивая грудь. – Оно по поводу Сами-Знаете-Чего в подвале семьсот тринадцать».

Гоблин тщательно прочитал письмо.

«Очень хорошо, – сказал он, возвращая его Хагриду. – Я сейчас найду кого-нибудь, кто проводит вас в оба подвала. Грифук!» Грифук тоже был гоблином. Когда Хагрид запихнул собачьи галеты обратно в карман, они с Гарри последовали за Грифуком в еще одну дверь из зала.

«А что это Сам-Знаешь-Что в подвале семьсот тринадцать?» – спросил Гарри с любопытством.

«Не могу тебя просветить, – сказал Хагрид таинственно. – Это большой секрет. Дело Хогвартса. Дамблдор доверился мне. Сказать тебе будет стоить мне больше, чем просто потеря работы». Грифук придержал для них дверь. Гарри, ожидавший снова увидеть мрамор, был удивлен. Они стояли в узком каменном коридоре, освещенном факелами. Чуть дальше он понижался, и в полу появлялись рельсы. Грифук свистнул, и маленькая тележка стремительно кинулась к ним. Они забрались в нее – Хагрид с трудом – и отправились. Сначала они пробирались через лабиринт кривых коридорчиков. Гарри пытался запомнить: налево, направо, направо, налево, прямо, налево – но это было невозможно. Дребезжащая тележка, казалось, знала свой путь, потому что Грифук не управлял ей. Глаза Гарри слезились от холодного воздуха, но он не закрывал их. Однажды ему показалось, что он увидел язык огня в одном из коридоров, но когда обернулся посмотреть, не дракон ли это, было уже поздно... они спускались все глубже и глубже, мимо мелькнуло подземное озеро с огромными сталактитами и сталагмитами, растущими из пола и потолка.

«Я никогда не знал, – крикнул Гарри Хагриду сквозь шум тележки, – в чем разница между сталактитом и сталагмитом?»

«В сталагмите есть буква „М“ – сказал Хагрид. – И не спрашивай меня сейчас, а то мне будет плохо». Он и в самом деле приобрел зеленый цвет и, когда тележка, наконец, остановилась рядом с маленькой дверью в стене коридора, Хагриду пришлось опереться на стену, чтобы колени перестали дрожать. Грифук отпер дверь. Из-за нее выползло большое облако зеленого дыма и когда оно рассеялось, Гарри шумно втянул воздух. Внутри лежали россыпи золотых монет. Колонки серебра. Кучи маленьких бронзовых Кнутов.

«Все твое», – улыбнулся Хагрид. Все Гарри – это невероятно. Десли не знали об этом, иначе отобрали бы все у него все не успел бы он и глазом моргнуть. Как часто они жаловались, что Гарри стоит им кучу денег? И все это время у него было маленькое состояние глубоко под Лондоном. Хагрид помог Гарри переложить немного в сумку.

«Золотые – это галлеоны, – объяснил он. – Семнадцать серебряных сиклей – это галлеон, двадцать девять кнутов – это сикль, все очень просто. Ну думаю, этого тебе хватит на пару семестров, остальное

пусть хранится здесь, – он повернулся к Грифуку. – Подвал семьсот тринадцать теперь, и не могли бы вы ехать помедленней?»

«Только одна скорость», – отрезал Грифук. Теперь они ехали вниз и набирали скорость. Воздух становился все холодней и холодней, с каждым стремительным поворотом. Они громохкая промчались над ущельем, и Гарри свесился из тележки, пытаясь разглядеть дно, но Хагрид застонал и втолкнул его обратно за шиворот. У подвала номер семьсот тринадцать не было замочной скважины.

«Отойдите», – сказал Грифук строго. Он дотронулся до двери своим длинным пальцем, и она просто исчезла.

«Если бы кто-нибудь кроме гринготтских гоблинов попытался это сделать, его бы просто протащило сквозь дверь в ловушку», – сказал Грифук.

«Как часто вы проверяете, есть ли кто-то внутри?» – спросил Гарри.

«Примерно каждые десять лет», – сказал Грифук с издевательской ухмылкой. Гарри был уверен, что внутри находится что-то сверхъестественное, раз принимаются такие меры безопасности, ожидая увидеть, по меньшей мере, горы украшений, – но сперва он подумал, что там вообще пусто. Но потом он увидел невзрачный маленький пакет, завернутый в коричневую бумагу, на полу. Хагрид подобрал его и запихнул внутрь своего огромного плаща. Гарри жутко хотелось узнать, что это такое, но он знал, что лучше не спрашивать.

«Пойдем обратно в эту чертову тележку, и не болтай со мной на обратной дороге, лучше, если я подержу рот на замке», – сказал Хагрид. Еще один дикий рейс, и они стояли, жмурясь от яркого света на пороге Гринготтс. Гарри не знал, куда кидаться теперь, когда у него была полная сумка денег. Ему не надо было знать, в каком соотношении галлеоны меняются на фунты, чтобы понимать, что он держит в руках больше денег, чем у него было за всю жизнь. Даже больше, чем было у Дадли.

«Можем смотаться тебе за формой, – сказал Хагрид, кивая в сторону вывески

«Мадам Малкин – одежда на все случаи жизни». – Ты не возражаешь, если я сбегаю в «Дырявый котел»? Ненавижу эти тележки в Гринготтс». Он все еще выглядел больным, поэтому Гарри вошел к

мадам Малкин один, очень волнуясь. Мадам Малкин была коренастой улыбающейся колдуньей, одетой во все розово-лиловое.

«Хогвартс, да? – сказала она, когда Гарри открыл рот. – Просто столпотворение. С одного молодого человека снимают мерку прямо сейчас». Сзади на табурете стоял мальчик с худым и острым лицом, а вторая колдунья закалывала булавками подол его длинной черной мантии. Мадам Малкин поставила Гарри на соседний табурет, натянула ему на голову черную мантию и начала подворачивать его на нужную длину.

«Привет, – сказал мальчик. – Тоже в Хогвартс?»

«Да», – сказал Гарри.

«Мой папа покупает мне учебники тут рядом, а мама смотрит волшебные палочки дальше по улице, – продолжал мальчик. Он говорил однотонно и холодно, лениво растягивая слова. – А потом я потащу их посмотреть на метлы. Я не понимаю, почему первачкам не разрешают привозить свои. Я думаю, мне удастся убедить отца достать мне одну и я протащу ее как-нибудь». Гарри сразу же вспомнил о Дадли.

«У тебя есть метла?» – продолжал мальчишка.

«Нет», – сказал Гарри.

«Совсем не играешь в квиддитч?»

«Нет», – опять сказал Гарри, думая, что такое квиддитч?

«А я да – отец говорит, будет просто преступлением, если меня не возьмут в команду моего колледжа, и я могу сказать, что согласен. Ты знаешь, в каком ты будешь колледже?»

«Нет», – сказал Гарри, чувствуя себя идиотом.

«Ну, никто не знает, пока не попадет туда, ведь правда, но я знаю, что буду в Слитерине, там училась вся наша семья – представь, попадешь в Хаффлпафф, я думаю, я свалю тогда, а ты?»

«Ммм», – только и ответил Гарри, желая сказать что-нибудь более интересное.

«Эй, взгляни на того мужика!» – внезапно сказал мальчишка, кивая на витрину. Там стоял Хагрид, подмигивая Гарри и показывая на два больших мороженных, с которыми в магазин было нельзя.

«Это Хагрид, – сказал Гарри, радостно сознавая, что знает то, чего этот парень не знает. – Он работает в Хогвартсе».

«А, – сказал мальчишка, – я слышал о нем. Кем-то вроде слуги, да?»

«Хранителем ключей», – поправил его Гарри. Мальчишка нравился ему все меньше и меньше с каждой минутой.

«Точно. Я слышал он как дикарь – живет в хижине возле школы, время от времени напивается, пытается колдовать и зажигает костер в своей постели».

«А я думаю, он великолепен», – отрезал Гарри.

«Правда, – протянул мальчик с легкой усмешкой. – Почему он с тобой? Где твои родители?»

«Они умерли», – сказал Гарри коротко, ему не хотелось посвящать этого парня в детали.

«Ой, мне жаль, – вздохнул последний, хотя в голосе не было ни капли сожаления. – Но они были нашего сорта, да?»

«Они были волшебником и волшебницей, если ты это хочешь сказать».

«Мне кажется, им вообще не следует принимать людей другого сорта, как ты думаешь? Они другие, их никогда не воспитывали по-нашему. Некоторые даже не слышали о Хогвартсе, пока не получили письма. Я думаю, нужно обучать только потомков древних волшебных семей. Как твоя фамилия, кстати?» Но прежде чем Гарри смог ответить, мадам Малкин сказала:

«С тобой все, дорогой», и Гарри совсем не огорченный, схватился за этот предлог прекратить разговор и слез с табурета.

«Ну, тогда увидимся в Хогвартсе», – сказал мальчишка. Гарри молча уплетал мороженое, которое ему купил Хагрид (шоколад с малиной и ореховой стружкой).

«Что случилось?» – спросил Хагрид.

«Ничего», – солгал Гарри. Они остановились, чтобы купить пергамент и перья. Гарри немножко развеселился, когда обнаружил чернила, меняющие цвет при письме. Когда они выходили из магазина, он спросил:

«Хагрид, что такое квиддитч?»

«Черт, Гарри, я забываю, как мало ты знаешь – не знать, что такое квиддитч!»

«Не заставляй меня чувствовать себя еще хуже», – сказал Гарри. Он рассказал Хагриду о мальчике у мадам Малкин.

«... и он сказал, что дети из семей магглов не должны обучаться».

«Ты не из семьи магглов. Если бы он знал, кто ты – он вырос с твоим именем, если его предки маги. Ты же видел, как тебя приняли в „Дырявом котле“, когда ты там объявился. Да и вообще, что он об этом знает, лучшие волшебники, которых я видел, происходили из самых обычных магглских семей, возьми, к примеру, свою мать! И посмотри, какая у нее сестра!»

«Так что такое квиддитч?»

«Это наш спорт. Волшебный спорт. Это – это как футбол в магглском мире – все следят за играми – игроки летают на метлах и орудуют четырьмя мячами – сложновато вот так объяснить правила».

«А что такое Слитерин и Хаффлпафф?»

«Это колледжи. Их четыре. Все говорят, Хаффлпафф самый бесполезный, но...»

«Держу пари, я попаду в Хаффлпафф», – сказал Гарри мрачно.

«Лучше Хаффлпафф, чем Слитерин, – произнес Хагрид печально. – Еще ни один волшебник или волшебница не стали темными, не побывав в Слитерине. Сам-Знаешь-Кто, например».

«Вол-, то есть Сам-Знаешь-Кто учился в Хогвартсе?»

«Давным-давно», – сказал Хагрид. Они купили Гарри учебники в магазине под названием «Завитки и Кляксы», где полки были до потолка забиты книгами, большими, как гранитные плиты в кожаном переплете; книгами, размером с почтовую марку в шелковой обложке, книгами, с забавными значками и даже книгами, в которых ничего не было. Даже никогда не читавший Дадли сошел бы с ума от желания получить такую книжку. Хагриду с трудом удалось оттащить Гарри от «Проклятий и контрпроклятий (заколдуйте своих друзей и одурманьте своих врагов новейшими методами мщения: выпадением волос, ватностью ног, прилипанием языка и многим, многим другим...)» профессора Вендета Виридиана.

«Я хочу найти, как проклясть Дадли», – упирался Гарри.

«Я не сказал бы, что это плохая идея, но ты не должен использовать магию в мире магглов, за исключением редких случаев, – урезонивал его Хагрид. – И к тому же, ты пока не сможешь в них разобраться, тебе нужно еще долго учиться, пока ты достигнешь этого уровня». Еще Хагрид не разрешил Гарри купить большой золотой котел («в твоем списке сказано – оловянный»), но они купили хорошие

весы, чтобы взвешивать ингредиенты для настоек и складной латунный телескоп. Потом они зашли в аптеку, где было бы очень уютно, если бы не ужасающий запах: смесь тухлых яиц и гнилой капусты. На полу стояли бочонки с разными скользкими штуковинами; банки с травами, кореньями и яркими порошками выстроились по стенам; связки перьев, нитки с нанизанными клыками и когтями свисали с потолка. Пока Хагрид покупал у мужчины за прилавком компоненты обычных настоек, Гарри изучал серебряные рога единорогов за двадцать один галлеон каждый и маленькие черные глазки жуков (пять кнутов – ковшик). Выйдя из аптеки, Хагрид снова проверил список.

«Только волшебная палочка – а, я еще не купил тебе подарок на день рождения».

Гарри почувствовал, что краснеет.

«Ты не обязан...»

«Я знаю, что не обязан. Вот что я скажу, я куплю тебе зверушку. Не жабу, жабы вышли из моды давным-давно – и я не люблю кошек, у меня на них аллергия. Я подарю тебе сову. Все дети мечтают иметь сову, они страшно полезны, таскают почту и все такое». Через десять минут они вышли из

«Большого совиного магазина Ейлопса», в котором было темно и много шелеста и щелканья и огромных светящихся глаз. Гарри тащил клетку с большой полярной совой, спящей, засунув голову под крыло. Он благодарил, заикаясь, чувствуя себя профессором Квирреллом.

«Не стоит, – говорил Хагрид сипло. – Не думаю, что у тебя было много подарков, когда ты жил у Десли. Теперь к Олливандеру – единственное место, где продают волшебные палочки, и у тебя будет самая лучшая палочка». Волшебная палочка... Гарри ждал с нетерпением. Последний магазин был узким и темным. Облупившиеся золотые буквы над дверью гласили: «Олливандер: изготовители лучших волшебных палочек с 382 года до н.э.». Одна волшебная палочка лежала на выцветшей фиолетовой подушечке в пыльной витрине. Колокольчик зазвонил где-то в глубине магазина, когда они вошли внутрь. Это была маленькая комната, пустая, за исключением одного высокого стула, на который уселся Хагрид и стал ждать. У Гарри было странное чувство, как будто он вошел в библиотеку с очень строгими правилами; он проглотил множество новых вопросов,

пришедших на ум, и принялся разглядывать узкие коробочки аккуратными столбиками подпиравшие потолок. Почему-то, по спине побежали мурашки. Сама пыль и тишина этого места, казалось, хранили какую-то таинственную магию.

«Добрый день», – произнес мягкий голос. Гарри подпрыгнул. Хагрид, должно быть тоже подпрыгнул, потому что стул издал громкий скрип, и Хагрид моментально оказался на ногах. Перед ними стоял старичок, его огромные бледные глаза светились как луны в полумраке магазина.

«Э, здравствуйте», – сказал Гарри неловко.

«Ах, да, – сказал старичок. – Да, да. Я так и думал, что скоро тебя увижу. Гарри Поттер, – он не спрашивал, он утверждал. – У тебя глаза твоей матери. Казалось, только вчера она заходила сюда, купить свою первую волшебную палочку. Десять с четвертью дюймов, свистящую при взмахе, ивовую. Хорошая палочка для волшебства». Мистер Олливандер придвинулся ближе. Гарри надеялся, что он моргнет. Серебристые глаза были похожи на змеиные.

«Твой отец, с другой стороны, предпочитал красное дерево. Одиннадцать дюймов. Гибкая. Чуть сильнее и хороша для преобразования. Я говорю, твой отец предпочитал – на самом деле это палочка выбирает волшебника, конечно». Мистер Олливандер и Гарри стояли теперь почти нос в носу. Гарри видел свое отражение в этих туманных глазах.

«И это куда...»

Мистер Олливандер дотронулся длинным белым пальцем до шрама в форме молнии на лбу Гарри.

«Мне жаль, что я продал палочку, которая сделала это, – сказал он мягко. – Тринадцать с половиной дюймов. Сильная палочка, очень сильная, а в плохих руках... если бы я знал, что она собирается совершить в мире...» Он покачал головой и, к облегчению Гарри, заметил Хагрида.

«Рубеус! Рубеус Хагрид! Как я рад увидеть вас снова... Дуб, шестнадцать дюймов, довольно гибкая, не так ли?»

«Да, сэр, была», – сказал Хагрид.

«Хорошая палочка. Но я полагаю, ее сломали, когда вас исключили?» – внезапно строго сказал мистер Олливандер.

«Гм – да, сэр, – ответил Хагрид, переминаясь с ноги на ногу. – Хотя кусочки все еще у меня», – добавил он радостно.

«Но вы не используете их?» – спросил мистер Олливандер резко.

«О, нет, сэр», – быстро сказал Хагрид. Гарри заметил, что он крепко сжал свой розовый зонт.

«Гммм, – сказал мистер Олливандер, бросая на Хагрида пронизывающий взгляд. – Теперь – мистер Поттер. Дайте подумать, – он вытащил из кармана длинный сантиметр с серебряными делениями. – В какой руке ты держишь палочку?»

«Гм – в правой», – сказал Гарри.

«Вытяни руку. Вот так, – он измерил Гарри от плеча до пальцев, от запястья до локтя, от плеча до пола, от колена до подмышки и охват головы. Пока он измерял, он говорил. – В каждой волшебной палочке Олливандеров основная часть состоит из сильных магических компонентов. Мы используем гриву единорогов, хвостовые перья фениксов и струны сердца драконов. Нет ни одной олливандеровской палочки, похожей на другую, как нет одинаковых единорогов, фениксов или драконов. И, конечно, ты никогда не добьешься таких же результатов с волшебной палочкой другого мага». Гарри внезапно понял, что сантиметр, который мерил расстояние между ноздрями, делает это самостоятельно. Мистер Олливандер порхал вокруг полок, снимая коробочки.

«Думаю, хватит, – сказал он, и сантиметр кучкой упал на пол. – Вот, мистер Поттер. Попробуйте эту. Бук и струны драконова сердца. Девять дюймов. Приятная и гибкая. Просто возьмите и взмахните». Гарри взял палочку и (чувствуя себя идиотом) помахал ей немножко, но мистер Олливандер почти сразу же выхватил ее и его руки.

«Клен и перья феникса. Семь дюймов. Превосходная. Попробуйте...» Гарри попробовал, но едва успел ее поднять, как мистер Олливандер выхватил и эту.

«Нет, нет – эбонит и грива единорога, восемь с половиной дюймов, пружинящая. Давайте, давайте, попробуйте эту». Гарри пробовал. И пробовал. Он не знал, чего ждет мистер Олливандер. Стопка опробованных палочек поднималась на стуле все выше и выше, но чем больше палочек доставал мистер Олливандер с полок, тем, казалось, счастливее он становился.

«Трудный покупатель, а? Не волнуйся, мы подберем тебе превосходную палочку где-то здесь... интересно... почему бы и нет... необычная комбинация... остролист и феникс, одиннадцать дюймов, хорошая и гибкая».

Гарри взял палочку. Он почувствовал неожиданное тепло в пальцах. Он поднял ее над головой и взмахнул, и поток красных и желтых искр вспыхнул в пыльной комнате как фейерверк, отбрасывая танцующие пятна света на стены. Хагрид гикал и хлопал, а мистер Олливандер воскликнул:

«О, браво! В самом деле, великолепно... Так, так, так, как занимательно... как занимательно...» Он положил палочку для Гарри в коробку и завернул в коричневую бумагу, все еще бормоча

«Занимательно... занимательно...»

«Извините, – спросил Гарри, – но что занимательного?» Мистер Олливандер наградил его серебристым взглядом.

«Я помню каждую палочку, которую продал, мистер Поттер. Каждую. Случилось так, что феникс, перо которого в твоей палочке, дал еще одно перо – одно единственное. Это и в самом деле занимательно, что тебе была предназначена эта палочка, в то время как ее брат стал причиной этого шрама». Гарри сглотнул.

«Да, тринадцать с половиной дюймов. Тис. И правда занимательно, как такие вещи случаются. Палочка выбирает мага, запомни... Думаю, нам стоит ожидать великих дел от тебя, мистер Поттер... В конце концов, Тот-Кого-Нельзя-Называть-По-Имени совершал великие вещи – ужасные, да, но великие». Гарри поежился. Он не был уверен, что мистер Олливандер ему очень нравится. Он заплатил семь галлеонов за свою палочку и мистер Олливандер с поклоном проводил их из магазина. Послеполуденное солнце висело в небе, когда Хагрид и Гарри пошли обратно по Диагон аллее, обратно через стену, обратно через Дырявый Котел, сейчас пустой. Гарри молчал, пока они шли по дороге; он даже не заметил, как много людей косились на них в метро, из-за свертков всевозможной формы и снежно-белой совы, спящей в клетке на коленке у Гарри. Вверх по эскалатору на Паддингтонский вокзал; Гарри понял, где они, когда Хагрид похлопал его по плечу.

«Есть время перекусить до отхода поезда», – сказал он.

Он купил Гарри гамбургер, и они присели на пластиковые сиденья и поели. Гарри смотрел по сторонам. Все казалось таким странным и

незнакомым.

«Ты в порядке, Гарри? Что-то ты долго молчишь», – сказал Хагрид. Гарри не был уверен, что сможет объяснить. У него был лучший день рождения в жизни, и все-таки... он пожевал гамбургер, подбирая слова.

«Все думают, я особенный, – сказал он наконец. – Все эти люди в Дырявом Котле, профессор Квиррелл, мистер Олливандер... Но я ничего не знаю о магии. Как они могут ожидать что-то сверхъестественное? Я знаменит, а я даже не помню из-за чего. Я не знаю, что случилось, когда Вол-, то есть, я хочу сказать, в ту ночь, когда погибли мои родители». Хагрид наклонился через стол. Сквозь густую бороду и брови виднелась очень добрая улыбка.

«Не волнуйся, Гарри. Ты быстро научишься. Все сначала учатся в Хогвартсе, все будет в порядке. Будь собой. Это трудно, я знаю. Ты выделяешься, а это всегда трудно. Но тебе будет здорово в Хогвартсе, как мне было, да и сейчас тоже, на самом деле». Хагрид посадил Гарри на поезд, который должен был отвезти его обратно к Десли, и протянул ему конверт.

«Твой билет в Хогвартс, – сказал он. – Первого сентября – вокзал Кинг Кросс – на билете все написано. Какие-нибудь проблемы с Десли пошли мне письмо своей совой, она знает, где меня найти... Увидимся, Гарри».

Поезд тронулся. Гарри хотел смотреть на Хагрида, пока он не исчезнет из виду; он поднялся с места и прижался носом к стеклу, но когда моргнул, Хагрид исчез.

Глава шестая. Платформа девять и три четверти

Нельзя сказать, что последний месяц в семье Десли Гарри провел весело. Правда, Дадли так боялся Гарри, что не оставался с ним в одной комнате, тетя Петуния и дядя Вернон не запирали его в чулане, не заставляли его что-то делать, даже не кричали на него – они просто с ним не разговаривали. Сердитые и испуганные, они вели себя так, как будто стул, на котором он сидел, был пустым. Хотя это можно было назвать улучшением, через некоторое время Гарри надоело такое отношение. Он сидел в своей комнате в компании с совой. Он решил назвать ее Хедвиг, это имя он нашел в «Истории магии». Его учебники были очень интересны. Он валялся на кровати, читая допоздна, а Хедвиг влетала и вылетала в окно. К счастью, тетя Петуния больше не заходила в комнату пропылесосить, потому что Хедвиг приносиладохлых мышей. Каждый день перед сном Гарри вычеркивал еще один день из календаря, который он повесил на стену, считая, сколько осталось до первого сентября. В последний день августа он решил, что, пожалуй, лучше поговорить с тетей и дядей, чтобы они подкинули его до Кинг Кросс на следующий день, поэтому он спустился в гостиную, где они смотрели телевикторину. Гарри покашлял с целью сообщить им, что он здесь, и Дадли тут же с криком вылетел из комнаты.

«Гм... Дядя Вернон?» дядя Вернон хрюкнул, чтобы показать, что он слушает.

«Я должен быть на Кинг Кросс завтра – чтобы поехать в Хогвартс.» дядя Вернон хрюкнул снова.

«Не могли бы вы подвезти меня?» Хрюк. Гарри предположил, что это значит да.

«Благодарю вас». Он уже собрался вернуться к себе наверх, когда дядя Вернон действительно заговорил.

«Забавно добираться до школы волшебников поездом. Волшебные ковры все истрепались, что ли?» Гарри ничего не ответил.

«И вообще – где эта школа?»

«Я не знаю, – ответил Гарри. – Я еще там ни разу не был». Он вытащил из кармана билет, который ему дал Хагрид.

«Я просто должен сесть на поезд с платформы девять и три четверти в одиннадцать часов», – прочитал он вслух. Тетя и дядя удивленно вытаращили глаза.

«С какой платформы?»

«Девять и три четверти».

«Не мели вздор, – сказал дядя Вернон. – Платформы девять и три четверти не существует».

«Так сказано в моем билете».

«Бред, – отрезал дядя Вернон, – бред сивой кобылы. Ты все поймешь. Только подожди до завтра. Ну хорошо, мы подбросим тебя до Кинг Кросс. Все равно мы собираемся завтра в Лондон, иначе бы я и не побеспокоился».

«Зачем вы собираетесь в Лондон?» – спросил Гарри, пытаясь оставаться дружелюбным.

«Везем Дадли в больницу, – прорычал дядя Вернон. – Надо удалить этот ужасный хвостик прежде, чем он пойдет в Смелтинг». На следующее утро Гарри проснулся в пять часов утра и был слишком возбужден, чтобы уснуть снова. Он встал, натянул джинсы, так как не хотел идти на станцию в мантии волшебника – лучше переодеться в поезде. Он еще раз проверил список, чтобы убедиться, что у него есть все необходимое, проверил Хедвиг в ее клетке, затем зашагал по комнате, ожидая, пока встанут Десли. Два часа спустя, огромный, тяжелый чемодан Гарри, был погружен в автомобиль Десли, тетя Петуния уговорила Дадли сесть рядом с Гарри, и они наконец тронулись в путь. Они прибыли на Кинг Кросс в половине одиннадцатого. Дядя Вернон бросил чемодан Гарри на тележку и покатил на станцию. Гарри думал, что это непохоже на дядю Вернона, до тех пор, пока тот не остановился лицом к платформам с противной усмешкой на лице.

«Прекрасно, вот ты и здесь, парень. Посмотрим. Платформа девять – платформа десять. Твоя платформа должна быть где-то посередине, но ее, кажется, не построили пока, не правда ли?» Он был абсолютно прав, конечно. Здесь был большой пластиковый номер девять над

одной платформой и большой пластиковый номер десять над другой рядом с ней, а в середине совсем ничего.

«Приятного семестра», – сказал дядя Вернон с той же противной усмешкой. Он не сказал больше ни слова и ушел. Повернувшись, Гарри увидел, как Десли уезжают. Все трое смеялись. У Гарри пересохло во рту. Что ему делать? Он и так уже начал привлекать странные взгляды из-за клетки с Хедвиг. Он должен был спросить кого-нибудь. Он остановил проходящего охранника, но не осмелился упомянуть платформу девять и три четверти. Охранник никогда не слышал о Хогвартсе и, когда Гарри не смог даже сообщить ему, в какой части страны он находится, он начал раздражаться, видимо, полагая, что это глупая шутка Гарри. Впадая в отчаянье, Гарри спросил про поезд, отходящий в одиннадцать часов, но охранник ответил, что такого нет. В конце концов, он зашагал прочь, что-то бурча о бездельниках. Гарри старался не паниковать. Судя по большим часам, висящим над расписанием поездов, у него оставалось десять минут до отправления поезда на Хогвартс и никаких идей как на него попасть. Он был в полном отчаянии, посреди станции с чемоданом, который вряд ли смог бы поднять, с карманом, полным волшебных денег и большой совой. Хагрид, очевидно, забыл сообщить ему что-то, что он должен сделать, что-нибудь вроде дотрагивания до третьего кирпича слева, чтобы попасть на Диагон Аллею. Он подумал, может стоит вытащить волшебную палочку и начать простукивать будку кондуктора между платформами девять и десять. В этот момент рядом с ним прошла группа людей, и он уловил несколько слов:

«...и толпа магглов, конечно...» Гарри резко обернулся. Говорящая оказалась пухленькой женщиной, идущей с четырьмя мальчиками. Все они были ярко-рыжими. И все толкали перед собой чемоданы, как у Гарри, и у них была сова! Сердце Гарри забилось, и он толкнул свою тележку вслед за ними. Они остановились, он тоже, достаточно близко, чтобы было слышно, о чем они говорят.

«Так, какой номер платформы?» – спросила мать мальчиков.

«Девять и три четверти! – запищала маленькая девочка, такая же рыжая, как и державшая ее за руку женщина. – Мама, а я не могу пойти?..

«Ты еще маленькая, Джинни, теперь – тихо. Хорошо, Перси, ты идешь первым». Старший мальчик двинулся к платформам девять и

десять. Гарри наблюдал, боясь моргнуть и пропустить момент – но как только мальчик достиг барьера, разделяющего две платформы, его заслонила большая толпа туристов, и когда последний рюкзак исчез из вида, мальчика уже не было.

«Фред, ты следующий», – сказала пухлая женщина.

«Я не Фред, я Джордж, – сообщил мальчик. – Уважаемая дама, и после этого вы называете себя моей матерью? Разве вы не видите, что я Джордж?»

«Извини, Джордж, дорогой».

«Просто шутка, я Фред», – сообщил мальчик, и пошел. Его близнец крикнул, чтобы он поторопился, и секундой Фред позже исчез – но как он сделал это? Теперь третий брат бодро подходил к барьеру, вот он был почти там – и затем, совсем внезапно, его уже не было нигде. А внешне ничего не изменилось, как будто и не было мальчика.

«Извините», – сказал Гарри пухленькой женщине.

«Привет, дорогой, – сказала она. – Первый раз в Хогвартс? Мой Рон тоже новичок».

Она указала на последнего и младшего из своих сыновей. Он был высоким, тонким и долговязым, с веснушками, большими руками и ногами и длинным носом.

«Да, – кивнул Гарри. – Дело в том, что... дело в том, что я не знаю как...»

«Как выйти на платформу?» – сказала она любезно, и Гарри кивнул.

«Не беспокойся, – сказала она. – Все что ты должен сделать, это пройти прямо в барьер между платформами девять и десять. Не останавливайся и не бойся, что врежешься в него, это очень важно. Лучше пробегись, если волнуешься. Иди сейчас, перед Роном».

«Гм... о'кей», – сказал Гарри. Он повернул тележку и пристально посмотрел на барьер. Тот выглядел весьма твердым. Он начал двигаться к нему. Люди толкали его, следуя на платформы девять и десять. Гарри пошел быстрее. Когда он шарахнется об этот барьер, у него точно будут проблемы... наклоняясь ниже к тележке, он перешел на бег... барьер становился все ближе и ближе... даже если бы он захотел, он не смог бы остановиться... тележка не повиновалась ему... остался фут... он закрыл глаза, приготовившись к столкновению... Ничего не произошло... он продолжал бежать... он открыл глаза.

Алый паровоз стоял около платформы, заполненной людьми. Знак сверху гласил «Хогвартс экспресс», одиннадцать часов. Гарри оглянулся и увидел отделанную железом арку с надписью «Платформа Девять и Три Четверти» там, где был барьер. У него получилось!

Дым поднимался над головами болтающей толпы, в то время как кошки всех цветов вились там и тут между ногами. Первые вагоны уже были заполнены учениками, некоторые свешивались из окон, чтобы поговорить со своими семьями, некоторые боролись за места. Гарри толкал свою тележку дальше по платформе в поисках свободного места. Он прошел мимо круглолицего мальчика, говорившего:

«Бабушка, я опять потерял жабу».

«Ох, Невилл», – услышал он вздох бабушки. Вокруг мальчика с коробкой собралась небольшая толпа.

«Дай нам посмотреть, Ли, пожалуйста». Мальчик поднял крышку ящика, и люди вокруг него завопили, потому что что-то внутри высунуло длинную волосатую ногу. Гарри продирался сквозь толпу, пока не нашел пустое купе в конце поезда. Сначала он занес Хедвиг, а затем начал толкать свой чемодан к двери поезда. Он попытался поднять его на подножку, но с трудом приподнял раз или два, и уронил на ногу.

«Помочь?» – это был один из рыжих близнецов, за которыми он шел через барьер.

«Да, пожалуйста», – Гарри запыхался.

«Эй, Фред! Иди сюда и помоги!» С помощью близнецов, чемодан Гарри наконец затолкали в угол купе.

«Спасибо», – сказал Гарри, убирая с глаз влажную челку.

«Что это?» – вдруг сказал один из близнецов, указывая на шрам-молнию Гарри.

«Чтоб мне провалиться! – сказал другой близнец. – Ты...»

«Он! – согласился первый близнец. – Правда?» – спросил он у Гарри.

«Что?» – спросил Гарри.

«Гарри Поттер», – хором сказали близнецы.

«А, он, – сказал Гарри. – То есть я». Оба мальчика с восхищением глазели на него, и Гарри почувствовал, что краснеет. Затем, к его облегчению, с перрона донесся голос.

«Фред? Джордж? Вы там?»

«Уже идем, мама». Взглянув на Гарри, близнецы попрыгали с поезда. Гарри сел около окна, откуда, наполовину спрятавшись, он мог бы наблюдать за рыжеволосой семьей на платформе и слышать, что они говорят. Их мать как раз вынимала носовой платок.

«Рон, у тебя что-то на носу». Парень попытался увернуться, но она схватила его и начала тереть ему кончик носа.

«Мам – отстань», – сказал он, пытаясь освободиться.

«Ааах, что там у малышки Ронни на носу?» – сказал один из близнецов.

«Заткнись», – сказал Рон.

«Где Перси?» – спросила их мать.

«Он сейчас придет». Широко шагая, появился старший брат. Он уже переоделся в черную мантию Хогвартса, и Гарри обратил внимание на сияющий серебряный значок с буквой «П» на его груди.

«Не могу стоять здесь долго, мама, – сказал он. – У префектов два купе впереди...»

«Ох, ты разве префект, Перси? – сказал один из близнецов с большим удивлением. – Ты должен был сказать нам, мы ведь и не знали».

«Подожди-ка, кажется я помню, он что-то говорил об этом», – добавил второй.

«Лишь раз...»

«Или два...»

«В минуту...»

«Все лето...»

«Ох, замолчите», – сказал префект Перси.

«Но ведь он получил новую форму?» – сказал один из близнецов.

«Потому что он префект, – сказала их мать с обожанием. – Хорошо, дорогой, желаю удачи – пришли мне сову, когда прибудешь». Она поцеловала Перси в щеку, и он ушел. Затем она повернулась к близнецам.

«Теперь, вы двое – в этом году вы будете вести себя хорошо. Если я получу еще одну сову, сообщающую мне что вы – что вы – взорвали туалет или...»

«Взорвали туалет? Мы никогда не взрывали туалет».

«Хотя классная идея, спасибо, мам».

«Не смешно. И приглядывайте за Роном».

«Не беспокойся, с малышкой Ронни ничего не случится».

«Заткнись», – сказал Рон снова. Он был почти таким же высоким как близнецы, и на носу все еще виднелось розовое пятно, там, где его потеряла мать.

«Эй, ма, догадайся, кого мы только что встретили в поезде?» Гарри быстро отклонился назад, так чтобы они не смогли его увидеть.

«Ты знаешь, этот черноволосый мальчик, который стоял возле нас на станции? Угадай, кто он?»

«Кто?»

«Гарри Поттер!» Гарри услышал голос маленькой девочки.

«Ох, мам, могу я пройти в поезд и посмотреть на него, мам, ну пожалуйста...»

«Ты уже видела его, Джинни, и бедный мальчик не в зоопарке, чтобы вы таращились на него. Это он, действительно, Фред? Откуда вы знаете?»

«Спросили его. Увидели его шрам. Он действительно там – как молния».

«Бедный – не удивительно, что он был один, а я-то думала. Он так вежливо спросил, как пройти на платформу».

«Да ладно тебе, думаешь, он помнит, как выглядит Сам-Знаешь-Кто?» Их мать вдруг сказала очень сурово:

«Я запрещаю вам спрашивать его, Фред. Нет, даже не смей. Как будто ему нужно напоминать об этом в самый первый день в школе».

«Все в порядке, не бойсь!» Прозвучал свисток.

«Торопитесь!» – сказала их мать, и трое мальчиков вскарабкались на поезд. Они выглянули из окна для прощального поцелуя, и их маленькая сестра начала плакать.

«Не надо, Джинни, мы пришлем тебе сотню сов».

«Мы пришлем тебе туалетный стульчак из Хогвартса».

«Джордж!»

«Просто шутка, мам». Поезд тронулся. Гарри видел машущую рукой маму мальчиков и их сестру, наполовину смеющуюся, наполовину плачущую, она бежала, чтобы не отстать от поезда, пока он не набрал скорость, потом отстала и махала им вслед. Гарри смотрел, как она исчезает за поворотом. Дома мелькали в окне. Он был взволнован. Он не знал, куда едет, но это должно было быть лучшим

событием его жизни. Дверь купе сдвинулась, открываясь, и вошел младший рыжий мальчик.

«Здесь кто-нибудь сидит? – спросил он, указывая на место напротив Гарри. – Везде занято». Гарри покачал головой и мальчик сел. Он глянул на Гарри, затем быстро отвернулся к окну, притворяясь, что не смотрел. Гарри увидел черную точку на его носу.

«Эй, Рон». Вернулись близнецы.

«Слушай, мы собираемся пойти в середину поезда – у Ли Джордана гигантский тарантул».

«Да», – пробормотал Рон.

«Гарри, – сказал другой близнец, – мы не представились? Фред и Джордж Висли. И это Рон, наш брат. Увидимся позже».

«Пока», – сказали Гарри и Рон хором. Близнецы закрыли дверь купе за собой.

«Ты действительно Гарри Поттер?» – выпалил Рон. Гарри кивнул.

«Ох – хорошо, я подумал, что это одна из шуток Фреда и Джорджа, – сказал Рон.

– И у тебя действительно есть – ну знаешь...» Он указал на лоб Гарри. Гарри откинул назад челку, чтобы показать шрам. Рон пристально посмотрел.

«Это где Сам-Знаешь-Кто...»

«Да, – сказал Гарри, – но я абсолютно ничего не помню».

«Совсем?» – спросил Рон нетерпеливо.

«Ну – вспышку зеленого света, но больше ничего».

«Ничего себе», – сказал Рон. Он сидел и смотрел на Гарри некоторое время, затем, как будто внезапно понял, что делает, снова быстро посмотрел в окно.

«В вашей семье все волшебники?» – спросил Гарри, для которого Рон был так же интересен, как и он для него.

«Гм – да, я думаю так, – сказал Рон. – Я думаю, мамина вторая кузина, она – бухгалтер, но мы никогда не говорим про нее».

«Так ты уже должен знать кучу всяких магических штучек». Было ясно, что Висли – одна из тех старинных волшебных семей, про которые говорил бледный мальчик с Диагон аллеи.

«Я слышал, ты жил с магглами, – сказал Рон. – На что это похоже?»

«Ужасно – то есть, конечно, не всегда. Мои тетя, и дядя, и кузен, просто невыносимы. Хотел бы я иметь трех братьев волшебников».

«Пять, – сказал Рон. Почему-то, он помрачнел. – Я шестой в нашей семье иду в Хогвартс. Можно сказать, мне есть к чему стремиться. Билл и Чарли уже отучились – Билл был главным префектом, а Чарли капитаном квиддитчной команды. Теперь Перси – префект. От Фреда и Джорджа много неприятностей, но они получают хорошие отметки, и все думают, что они забавны. Все ожидают от меня того же, что и от них, но если дождутся, это будет уже совсем не так здорово, потому что они ведь были первыми. И потом, с пятью братьями у тебя никогда не будет ничего нового. У меня старая форма Билла, старая волшебная палочка Чарли, и старая крыса Перси». Рон достал из своей куртки жирную, серую спящую крысу.

«Его зовут Скабберс и он абсолютно бесполезен, он почти никогда не просыпается. Перси получил сову от папы за то, что стал префектом но они не могли позволить... я хочу сказать, Скабберс достался мне взамен». Уши Рона порозовели. Он, видимо, решил, что сказал слишком много, потому что вернулся к разглядыванию пейзажа за окном. Гарри не считал, что быть не в состоянии позволить себе сову это стыдно. В конце концов, у него вообще не было никаких денег еще месяц назад, он так и сказал Рону, и про старую одежду Дадли и про подарки ко дню рождения. Это, казалось, ободрило Рона.

«... и пока Хагрид не сказал мне, я ничего не знал о том, что я волшебник и о моих родителях или Волдемorte...» Рон открыл рот от удивления.

«Что?» – сказал Гарри.

«Ты сказал имя Сам-Знаешь-Кого! – произнес Рон, потрясенный. – Я думал уж ты-то...»

«Я не пытаюсь быть храбрым или что-нибудь в этом роде, называя его имя, – сказал Гарри, – я просто никогда не знал, что не должен. Понимаешь, что я хочу сказать? Мне надо учиться... Могу поспорить, – добавил он, высказывая впервые что-то, что сильно волновало его в последнее время, – могу поспорить, я буду худшим учеником класса».

«Не будешь. Куча людей приезжают из семей магглов, и они быстро учатся». Пока они разговаривали, поезд выехал из Лондона. Теперь он летел мимо полей, где паслись коровы и овцы. Они немного помолчали, глядя как мелькают поля и дороги. Около половины

первого в коридоре что-то прогрохотало, улыбающаяся женщина сдвинула дверь их купе и спросила:

«Что-нибудь перекусить, мальчики?» Гарри, который не завтракал, вскочил на ноги, уши Рона снова порозовели и он пробормотал, что у него с собой бутерброды. Гарри вышел в коридор. У него никогда не было денег на конфеты, и теперь, когда его карманы звенели золотом и серебром, он был готов купить столько батончиков «Марс», сколько смог унести – но «Марса» не было. Зато были Бобы Берти Боттс с Любым Вкусом, Лучшая Дующаяся Жвачка Друбла, Шоколадные Лягушки, Тыквенный Пирог, Котелковые Кексы, Лакричные Палочки и множество других странных вещей, которые Гарри никогда не видел. Не желая пропускать что-нибудь, он взял понемногу всего и заплатил одиннадцать серебряных Сиклей и семь бронзовых Кнутов. Рон смотрел, как Гарри принес все это в купе и свалил на свободное сиденье.

«Голодный, что ли?»

«Очень», – сказал Гарри, откусывая большой кусок тыквенного пирога. Рон вытащил большой пакет и развернул его. Внутри было четыре сэндвича. Он вытянул один из них и сказал:

«Она всегда забывает, что я не люблю говядину».

«Меняю на это, – сказал Гарри, беря пирог. – Возьми...»

«Тебе не понравится, она невкусно готовит, – сказал Рон. – У нее никогда не было много времени, – добавил он быстро, – понимаешь, пять сыновей».

«Давай, бери пирог», – сказал Гарри, у которого никогда прежде не было ничего, что он мог бы разделить с кем-нибудь. Это было здорово, сидеть с Роном, и есть всю дорогу пироги, кексы, и конфеты, которые он купил (сэндвичи лежали забытые).

«Что это? – спросил Гарри Рона, держа пакет шоколадных лягушек. – Они не настоящие, нет?» Он начинал чувствовать, что ничто его не удивит.

«Нет, – сказал Рон. – Посмотри, какая там карточка. У меня нет Агриппы».

«Кого?»

«Ох, конечно, ты не знаешь – в шоколадных лягушках есть карточки, понимаешь, для коллекционирования – знаменитые волшебницы и маги. У меня около пятисот, но нет Агриппы и

Птолемея». Гарри развернул свою шоколадную лягушку и вытащил карточку. На ней было лицо человека. Он носил очки в форме полумесяца, имел длинный, кривой нос, и густые серебряные волосы, бороду, и усы. Под изображением было написано: Албус Дамблдор.

«Так это Дамблдор!» сказал Гарри.

«Не говори мне, что ты никогда не слышал о Дамблдоре! – сказал Рон. – Могу я взять лягушку? Я смог бы получить Агриппу – благодарю». Гарри повернул свою карточку и прочитал: Албус Дамблдор, в настоящее время директор Хогвартса.

Многие считают его величайшим магом современности, Дамблдор особенно известен за победу над темным колдуном Гриндевалдом в 1945, за открытие двенадцати способов использования крови дракона, и работы в алхимии в соавторстве с Николя Фламельем. Профессор Дамблдор обожает камерную музыку и боулинг.

Гарри перевернул карточку и увидел, к своему удивлению, что лицо Дамблдора исчезло.

«Он ушел!»

«А ты что думал, он будет торчать здесь целый день? – сказал Рон. – Он вернется. Нет, у меня уже есть Моргана, у меня их около шести... хочешь эту? Ты можешь начать собирать». Глаза Рона неотрывно смотрели на кипу еще не развернутых шоколадных лягушек.

«Давай сам, – сказал Гарри. – Но знаешь, в мире магглов, люди остаются на фотографиях».

«Правда? Они что, совсем не двигаются? – изумился Рон. – Странно!» Гарри смотрел, как Дамблдор вернулся обратно на карточку и ласково улыбнулся ему. Рон был больше занят уничтожением лягушек, чем разглядыванием карточек знаменитых волшебниц и магов, но Гарри не мог отвести от них взгляд. Скоро у него были не только Дамблдор и Моргана, но и Хегист Вудкрофт, Алберик Граннион, Цирцея, Парацельс и Мерлин. Он наконец оторвался от друиды Клиодны, которая почесывала нос, чтобы открыть пакет Бобов с Любым Вкусом.

«Ты поосторожнее с этим, – предупредил Рон Гарри. – Когда говорят любой вкус, они имеют в виду именно любой вкус – понимаешь, можешь получить обычный вкус шоколада, мяты и

мармелада, но зато потом тебе достанется шпинат, ливер и печенка». Рон взял зеленый боб, посмотрел на него внимательно, укусил.

«Бррр – видел? Капуста». Они хорошо провели время, лопая Бобы с Любым Вкусом. Гарри получил тосты, кокосовый орех, печеные бобы, землянику, карри, траву, кофе, сардины, и даже осмелел настолько, чтобы надкусить один странный серый, который Рон не хотел трогать, и который оказался перцем. Сельская местность, теперь мелькающая в окне, становилась все более дикой. Ухоженные поля закончились. Теперь шел лес, петляющие реки, и темно-зеленые холмы. В дверь их купе постучали, и вошел круглолицый мальчик, мимо которого Гарри проходил на платформе девять и три четверти. Казалось, он сейчас заревёт.

«Извините, – сказал он, – вы совсем не видели жабы?» Когда они покачали головами, он пожаловался:

«Я потерял ее! Она постоянно убегает!»

«Она вернется», – сказал Гарри.

«Да, – сказал мальчик несчастно. – Хорошо, если вы увидите...» Он вышел.

«Не знаю, почему он так беспокоится, – заметил Рон. – Если бы я вез с собой жабу, я потерял бы ее так быстро, как смог. Хотя, я ведь тащу Скабберса, поэтому уж лучше помолчу». Крыса все еще дремала на коленке Рона.

«Он может умереть, и ты не увидишь разницы, – сказал Рон с отвращением. – Я попытался вчера перекрасить его, чтобы сделать его чуточку интереснее, но заклинание не сработало. Я покажу тебе, смотри...»

Он порылся в своем сундуке и вытащил уже не новую волшебную палочку. Она была местами отколота и на конце блестело что-то белое.

«Грива единорога скоро выпадет». Не успел он поднять свою волшебную палочку, как дверь купе открылась снова. Вернулся мальчик, потерявший жабу, но на этот раз с ним была девочка. Она уже переоделась в школьную форму Хогвартса.

«Вы не видели жабу? Невилл потерял ее», – сказала она. У нее был командный голос, густые каштановые волосы, и большие передние зубы.

«Мы уже сказали ему – мы не видели» – отрезал Рон, но девочка не слушала, она смотрела на палочку в его руке.

«О, вы тренируетесь? Давай посмотрим». Она села. Рон смутился.

«Гм – хорошо». Он прокашлялся.

«Солнечный свет, маргаритки и масло, глупая крыса пусть перекрасится».

Он взмахнул палочкой, но ничего не случилось. Скабберс остался серым и крепко спящим.

«Ты уверен, что это настоящее заклинание? – спросила девочка. – Значит не очень хорошее, правда? Я попыталась сделать несколько простых заклинаний для практики, и все они получились. В моей семье совсем нет магов, это было таким сюрпризом, когда я получила письмо, но я была так обрадована, конечно, я думаю, это самая лучшая школа колдовства, я так слышала – и я выучила наизусть все книги нашего курса, конечно, я просто надеюсь, что это будет достаточно – я Эрмиона Грангер, между прочим, а вы?» Все это было сказано очень быстро. Гарри взглянул на Рона и с облегчением увидел по его ошеломленному лицу, что он тоже не выучил все книги курса наизусть.

«Я Рон Висли», – пробормотал Рон.

«Гарри Поттер», – сказал Гарри.

«Правда? – воскликнула Эрмиона. – Я знаю все о тебе, конечно – у меня есть несколько книг для дополнительного чтения, и ты в Современной истории магии и в Возвышении и падении темных сил и в Крупных волшебных событиях двадцатого столетия».

«Я?» – спросил Гарри ошеломленно.

«Господи, ты не знал, я бы нашла все что смогла, если бы это касалось меня, – сказала Эрмиона. – Кто-нибудь знает, в каком колледже он будет? Я тут поспрашивала, и я надеюсь оказаться в Гриффиндоре, этот кажется лучше всех; я слышала сам Дамблдор был в нем, но я думаю Рэйвенкло тоже не худший вариант... Во всяком случае, нам лучше поискать жабу Невилла. А вам двоим лучше переодеться, знаете, я думаю, мы там скоро будем». Она вышла, забрав потерявшего жабу мальчика.

«Где бы я ни был, надеюсь, ее там не будет, – сказал Рон. Он бросил волшебную палочку обратно в чемодан. – Тупое заклинание – мне его дал Джордж, спорю, он знал, что оно никудышное».

«В каком колледже твои братья?» – спросил Гарри.

«В Гриффиндоре, – ответил Рон. Уныние казалось, вселилось в него снова. – Мама и папа тоже учились там. Я не знаю, что они

скажут, если я туда не попаду. Я думаю, Рэйвенкло не слишком плохо, но представляю, что будет, если меня определят в Слитерин».

«Это колледж, в котором был Вол-, то есть Сам-Знаешь-Кто?»

«Да», – сказал Рон. Он шлепнулся обратно на свое место, выглядя подавленным.

«Ты знаешь, я думаю, что концы усов Скабберса немного посветлели, – сказал Гарри, пытаясь отвлечь мысли Рона от колледжа. – А что твои старшие братья делают теперь, когда они отучились?» Гарри было интересно, чем может заниматься волшебник, закончивший школу.

«Чарли в Румынии, изучает драконов, а Билл в Африке, делает что-то для Гринготтс, – сказал Рон. – Ты слышал, что случилось в Гринготтс? Это было в Ежедневном Оракуле, но я думаю, что ты не получал его с магглами – кто-то попытался ограбить надежно охраняемый подвал». Гарри вытаращился.

«Правда? Что с ними случилось?»

«Ничего, вот почему это такая большая новость. Их не поймали. Папа говорит, что это, очевидно, был могущественный темный колдун, только такой мог залезть в Гринготтс, но они думают, что он ничего не взял, вот что странно. Конечно, все пугаются, когда случается что-нибудь подобное, боятся, что за этим стоит Сам-Знаешь-Кто». Гарри повертел новости в голове. Он начинал чувствовать укол страха каждый раз, когда упоминался Сам-Знаешь-Кто. Он предположил, что это часть жизни в мире магии, но было намного проще говорить

«Волдеморт» и не бояться.

«За какую команду квиддитча ты болеешь?» – спросил Рон.

«Да я не знаю ни одной», – признался Гарри.

«Правда? – удивился Рон. – Ох, да ты подожди, это же лучшая игра в мире...» – и он стал объяснять зачем нужны четыре мяча и семь игроков, описывать знаменитые матчи, на которых он был с братьями, и метлы, которые он хотел бы иметь, если бы у него были деньги. В тот момент, когда он просвещал Гарри по поводу тонкостей игры, дверь купе открылась снова, но на этот раз это был не Невилл – мальчик без жабы, и не Эрмиона Грангер.

Вошли три мальчика, и Гарри узнал среднего сразу: это был бледный парнишка из магазина одежды мадам Малкин. Он смотрел на Гарри с намного большим интересом, чем на Диагон аллее.

«Это правда? – спросил он. – Все говорят, что в хвосте поезда в этом купе Гарри Поттер. Это ты, не правда ли?»

«Да», – сказал Гарри. Он смотрел на других мальчиков. Оба были коренастыми и выглядели внушительно. Стоя по бокам от бледного мальчика, они были похожи на телохранителей.

«Это Крабб и Гойл», – сообщил бледный мальчик беззаботно, заметив, куда смотрит Гарри. – И мое имя Малфой, Драко Малфой». Рон слегка кашлянул, скрывая смехок. Драко Малфой посмотрел на него.

«Думаешь у меня странное имя? Нет нужды спрашивать кто ты. Мой отец говорил мне – у всех Висли рыжие волосы, веснушки и больше детей, чем они могут себе позволить». Он повернулся к Гарри:

«Ты скоро обнаружишь, что некоторые семьи волшебников – значительно лучше, чем другие, Поттер. Ты не должен общаться с людьми третьего сорта. Я могу помочь тебе в этом». Он протянул Гарри руку для рукопожатия, но Гарри не ответил ему.

«Я думаю, что я могу сам выбрать себе друзей, спасибо», – сказал он холодно. Драко Малфой не покраснел, но его щеки приобрели более розовый оттенок.

«Я был бы осторожнее на твоём месте, Поттер, – сказал он медленно. – Если ты не будешь немного повежливей, пойдешь по пути своих родителей. Они тоже не смогли определиться вовремя. Держись рядом со сбродом вроде Висли и Хагрида, и сам станешь таким». Гарри и Рон встали.

«Повтори это снова», – сказал Рон, его лицо приобрело такой же оттенок, как его волосы.

«Ах, вы собираетесь бороться с нами, да?» – Малфой усмехнулся.

«Если вы не уберётесь сейчас же», – сказал Гарри, более храбро, чем он чувствовал, поскольку Крабб и Гойл были намного больше его или Рона.

«Но нам совсем не хочется уходить, правда, мальчики? Мы съели всю нашу еду, а у вас пока есть что поесть».

Гойл протянулся к Шоколадным Лягушкам рядом с Роном – Рон, прыгнул вперед, но прежде, чем он коснулся Гойла, тот испустил ужасный крик.

Скабберс повис на его пальце, острые маленькие зубы крепко вцепились в сустав Гойла – Крабб и Малфой отступили, пока он

размахивал Скабберсом и, когда тот наконец отцепился и шмякнулся об окно, все трое сразу исчезли. Возможно, они решили, что там есть еще крысы, притаившиеся среди сладостей, или возможно они слышали шаги, поскольку секундой позже вошла Эрмиона Грангер.

«Что здесь происходит?» – спросила она, глядя на сладости, раскиданные по полу и Рона, поднимающего Скабберса за хвост.

«Думаю, он в нокауте, – сказал Рон Гарри. Он взгляделся пристальнее. – Нет – ты посмотри – он опять спит!»

«Ты уже встречался с Малфоем?» Гарри рассказал об их встрече на Диагон Аллее.

«Я слышал о его семье, – сказал Рон мрачно. – Они были одними из первых, вернувшихся на нашу сторону после исчезновения Сам-Знаешь-Кого. Сказали, что были околдованы. Мой папа не верит этому. Он говорит, отцу Малфоя не нужен предлог, чтобы перейти на темную сторону, – он повернулся к Эрмионе. – Мы можем помочь тебе в чем-то?»

«Вы лучше поторопитесь и переоденьтесь, я только что бегала вперед и спросила машиниста, и он сообщил, что мы почти приехали. Вы не дрались, нет? А то у вас будут проблемы ещё до того, как мы приедем!»

«Скабберс дрался, мы нет, – сказал Рон, хмурясь. – Не могла бы ты выйти, пока мы переодеваемся?»

«Хорошо – я вошла только потому, что люди снаружи ведут себя по-детски, бегая туда-сюда по коридору, – сказала Эрмиона с презрением в голосе. – И у тебя нос грязный, между прочим, ты знаешь?» Рон свирепо посмотрел ей вслед, а Гарри выглянул в окно. Там уже совсем стемнело. Он едва разглядел горы и леса под темно-пурпурным небом. Поезд, казалось, замедлил ход. Он и Рон сняли свои куртки и натянули длинные черные мантии. Рону она была немного коротка, из-под края виднелись кроссовки. Через поезд эхом пронесся голос:

«Мы прибудем в Хогвартс через пять минут. Пожалуйста, оставьте багаж в поезде, его отнесут в школу отдельно». Желудок Гарри сжался от волнения, а Рон, он видел, побледнел под своими веснушками. Они втиснули в свои карманы остатки сладостей и присоединились к набившейся в коридор толпе. Поезд замедлил ход и наконец остановился. Люди выходили на небольшую, темную платформу.

Гарри дрожал на холодном ночном воздухе. Затем над головами учеников, качаясь, появилась лампа, и Гарри, услышал знакомый голос:

«Эй, новички! Сюда! Как ты, Гарри?» Большое волосатое лицо Хагрида сияло над морем голов.

«За мной – больше нет новичков? Потопали! Новички за мной!»

Скользя и спотыкаясь, они следовали за Хагридом вниз по узкой крутой дорожке. Тут было так темно со всех сторон, что Гарри подумал, наверное, это очень толстые деревья. Никто не говорил. Невилл, мальчик, терявший жабу, всхлипнул раз или два.

«Через секунду вы увидите Хогвартс, – сказал Хагрид через плечо, – сейчас, только повернем». Послышалось громкое

«Ооооох!» Узкая дорожка внезапно вывела на край большого черного озера. На верху высокой горы на другой стороне стоял, сверкая окнами в звездном небе, огромный замок с башенками и башнями.

«Не больше четырех на лодку!» – сказал Хагрид, указывая на флот маленьких лодок, стоящих в воде у берега. Гарри и Рон последовали в лодку с Невиллом и Эрмионой.

«Все сели?» – закричал Хагрид, который сидел в лодке один.

«Отлично, тогда – ВПЕРЕД!» И флот маленьких лодок тронулся, скользя поперек озера, гладкого как стекло. Все молчали, глядя на большой замок наверху. Он возвышался над ними, пока они подплывали ближе и ближе к утесу, на котором он стоял.

«Опустите головы!» – крикнул Хагрид, когда первые лодки достигли скалы; они все нагнули свои головы, и маленькие лодки пронесли их через занавес плюща, который прятал широкий проход в скале. Они проплыли по темному туннелю, который, казалась, вел прямо под замком, пока не достигли подземной гавани, где они вскарабкались на камни.

«Эй, ты там! Это твоя жаба?» – сказал Хагрид, проверявший лодки, пока они выбирались.

«Тревор!» – завопил Невилл счастливо, протягивая руки. Затем они прошли по коридору в скале вслед за лампой Хагрида, выйдя наконец на ровную, влажную лужайку справа в тени замка. Они поднялись по каменным ступеням и собрались вокруг огромной, дубовой входной двери.

«Все здесь? Ты там, пока еще не потерял свою жабу?» Хагрид поднял гигантский кулак и три раза постучал в двери замка.

Глава седьмая. Сортировочная шляпа

Дверь сразу распахнулась. За ней стояла высокая темноволосая колдунья в одежде изумрудно-зеленых тонов. У нее было очень суровое лицо, и Гарри подумал, что она не тот человек, которого можно позлить.

«Новички, профессор Мак-Гонагалл», – сказал Хагрид.

«Спасибо, Хагрид. Я их забираю».

Она широко распахнула дверь. Вестибюль был таким огромным, что в нем спокойно бы уместился весь дом Десли. По стенам горели факелы, как в Гринготтс, потолок поднимался так высоко, что его не было видно, а огромная мраморная лестница вела вверх. Они последовали за профессором Мак-Гонагалл по вымощенному каменными плитами полу. Гарри слышал жужжание голосов из двери справа – должно быть вся остальная школа уже там – но профессор Мак-Гонагалл привела их в пустую маленькую комнату. Они столпились, стоя ближе друг к другу, чем стояли бы обычно, нервно озираясь вокруг.

«Добро пожаловать в Хогвартс, – сказала профессор Мак-Гонагалл. – Банкет по поводу нового семестра скоро начнется, но прежде чем занять места в Большом Зале, вы будете рассортированы по своим колледжам. Сортировка – очень важная церемония, потому что, пока вы в Хогвартсе, колледж будет чем-то вроде вашей семьи. У вас будут занятия с учениками вашего колледжа, вы будете спать в башне вашего колледжа и проводить свободное время в гостиной».

«Четыре колледжа носят названия Гриффиндор, Хаффлпафф, Рэйвенкло и Слитерин. У каждого колледжа своя история, каждый выпускал выдающихся волшебников и волшебниц. Пока вы в Хогвартсе, ваши успехи будут приносить вашему колледжу очки, в то время как нарушение правил будет вести за собой их потерю. В конце каждого года колледж с большим количеством очков будет удостоен

Кубка колледжей, это большая честь. Я надеюсь, вы будете хорошими учениками, в каком бы колледже вы не оказались.

«Церемония Сортировки пройдет через несколько минут в присутствии всей школы. Я предлагаю вам привести себя в порядок, пока вы ждете».

Ее взгляд задержался на мгновение на плаще Невилла, сбившимся на левый бок, и на испачканном носе Рона. Гарри нервно попытался пригладить волосы.

«Я вернусь, когда все будет готово, – сказала профессор МакГонагалл. – Пожалуйста, ведите себя тихо». Она вышла из комнаты. Гарри сглотнул.

«А как они сортируют по колледжам?» – спросил он Рона.

«Какой-то тест, я думаю. Фред сказал, это очень больно, но я думаю, он шутил». Сердце Гарри подпрыгнуло. Тест? Перед всей школой? Но он совсем не знает магии – что он будет делать? Этого он не ожидал. Он обеспокоено оглянулся и увидел, что все тоже испуганны. Тишина нарушалась шепотом Эрмионы Грангер, которая очень быстро повторяла все выученные заклинания, думая, что ей понадобится. Гарри старался не слушать. Он никогда так не волновался, никогда, даже когда нес домой записку из школы, в которой говорилось, что он каким-то образом перекрасил парик учительницы в синий цвет. Он сосредоточился на двери. В любую секунду с неотвратимостью судьбы могла вернуться профессор МакГонагалл. Потом случилось то, что заставило его подпрыгнуть на фут – несколько человек вскрикнули.

«Что за...?» Гарри втянул воздух. Остальные последовали его примеру. Двадцать привидений просочились через заднюю стену. Жемчужно-белые и прозрачные они скользили по комнате, болтая друг с другом и не глядя на новичков. Казалось, они спорили. Похожее на маленького толстого монаха привидение говорило:

«Прости и забудь, я говорю, нам надо дать ему второй шанс...»

«Мой дорогой Фриар, разве мы не дали Пивзу все шансы, какие он заслуживал? Он марает нашу репутацию, а ведь он даже не приведение – эй, что вы все здесь делаете?» Привидение в кружевной рубашке и трико внезапно заметило первачков. Никто не ответил.

«Новенькие! – сказал толстый Фриар, улыбаясь. – Сейчас будут Сортировать?» Несколько человек безмолвно кивнули.

«Надеюсь увидеть вас в Хаффлпаффе! – сказал Фриар. – Мой старый колледж, знаете ли».

«Проходите, – сказал строгий голос. – Церемония сортировки сейчас начнется». Профессор Мак-Гонагалл вернулась. Одно за другим привидения исчезли в противоположной стене.

«Постройтесь в линию, – приказала новичкам профессор Мак-Гонагалл, – и следуйте за мной». Чувствуя, что ноги стали свинцовыми, Гарри встал за мальчиком с волосами песочного цвета, а Рон за ним, и они вышли из комнаты, через вестибюль, сквозь двойные двери в Большой Зал. Гарри никогда не смог бы вообразить такое странное и великолепное место. Его освещали тысячи и тысячи свечей, порхавшие в воздухе над четырьмя столами, за которыми сидели остальные ученики. На столах сверкали золотые тарелки и кубки. На другой стороне зала, стоял еще один стол, за которым сидели преподаватели. Профессор Мак-Гонагалл провела новичков к столам так, что они выстроились в ряд лицом к ученикам и спиной к преподавателям. Сотни лиц, напротив них, казались бледными фонарями в мигающем свете свечей. Здесь и там серебристо светились привидения. Главным образом, чтобы избежать пристальных взглядов, Гарри посмотрел вверх и увидел бархатно-черный потолок, усыпанный звездами. Он услышал шепот Эрмионы:

«Он заколдован, чтобы выглядеть как небо снаружи. Я читала об этом в Истории Хогвартса». Было трудно поверить, что потолок вообще есть и Большой Зал не стоит просто под открытым небом. Гарри посмотрел по сторонам и увидел, как профессор Мак-Гонагалл ставит стул на четырех ножках перед новичками. Наверх она положила высокую волшебную шляпу. Шляпа была в заплатках, с обтрепанными полями и ужасно грязная. Тетя Петуния не позволила бы такой находиться в доме. Может быть, им придется попробовать вытащить из нее кролика, подумал Гарри наугад – заметив, что все в зале теперь смотрят на шляпу, он тоже посмотрел на нее. Несколько секунд стояла абсолютная тишина. Потом шляпа дернулась. Шов на тулье разошелся и шляпа запела:

Кажусь я не самой прекрасной на свете,
Не стоит решать все по краю полей.
Я съем себя сразу, как только найдёте
Находчивей шляпу, чем я и модней.
Вы ваш котелок начерните до блеска,
Избавьте от складок высокий колпак,
Я – шляпа из Хогвартса, молвлю я веско
И я превзойти их могу просто так.
Не спрячете вы в голове своей место,
Что мудрая Шляпа не сможет найти.
Примерьте меня, и скажу я вам честно,
В какой из колледжей вам стоит пойти.
Быть может для вас Гриффиндор предназначен,
В стенах его храбрые сердцем живут,
Он рыцарством, мужеством, силой означен,
И все гриффиндорцы отвагой сльвут.
А может быть вам Хаффлпафф предначертан –
Для верности и справедливости дом.
Готов хаффлпаффец учиться усердно,
Терпением брать и тяжелым трудом.
Вас ждет Рэйвенкло, веселый и мудрый,
Здесь самый смекалистый собран народ,
Проворный, находчивый и остроумный
Хорошего друга в любом тут найдет.
Быть может вам стоит пойти в Слитерин,
И там обучаясь, науки постичь,
Его ловкачи найдут сотню причин
Любыми из средств своих целей достичь.
Давай же, дружок, скорей на коня,
Не бойся и колебанья оставь,
В надежных руках (хоть их нет у меня)
Ты будешь, лишь голову шляпе подставь.

Весь зал разразился аплодисментами, когда шляпа закончила свою песню. Она поклонилась всем четырем столам и опять замерла.

«Значит, нам придется только надеть шляпу! – прошептал Рон Гарри. – Я убью Фреда, он обещал что-то вроде поединка с троллем».

Гарри слабо улыбнулся. Да, примерить шляпу, значительно проще, чем произнести заклинание, но все равно, не при таком же количестве зрителей! Шляпа требовала слишком многого; Гарри не чувствовал в себе никакой храбрости или остроумия на данный момент. Если бы шляпа упомянула колледж для тех, у кого подгибаются колени, то это было бы как раз то, что нужно. Профессор Мак-Гонагалл выступила вперед, сжимая длинный свиток пергамента.

«Когда я назову ваше имя, вы наденете шляпу и сядете на стул, – сказала она. – Аббот, Ханна!»

Розовощекая девочка с двумя светлыми хвостиками вышла из строя, надела Шляпу, которая сразу упала ей на глаза и села. Прошла минута...

«ХАФФЛПАФФ!» – крикнула шляпа. Стол справа приветственно заплодировал, пока Ханна шла к ним. Гарри видел, как привидение Фриара радостно машет ей.

«Бонс, Сюзанна!»

«ХАФФЛПАФФ!» – опять закричала шляпа, и Сюзанна быстро присоединилась к Ханне.

«Бут, Терри!»

«РЭЙВЕНКЛО!» Второй слева стол разразился аплодисментами; несколько человек встали и пожали Терри руку.

«Броклхерст, Мэнди», – тоже отправилась в Рэйвенкло, а

«Браун, Лаванда» стала первой новенькой в Гриффиндоре, и самый левый стол приветствовал ее; братья-близнецы Висли громко свистели.

«Балстроуд, Миллисент» попала в Слитерин. Возможно, это все его воображение, но после того, что Гарри слышал про Слитерин, он думал, что это не лучший выбор.

Ему стало совсем плохо. Он вспомнил, как их разбивали по командам на физкультуре в школе. Его всегда выбирали последним, не потому что он плохо играл, а потому что никто не хотел, чтобы Дадли решил, будто он им нравится.

«Финч-Флечли, Джастин!»

«ХАФФЛПАФФ!» Иногда, заметил Гарри, Шляпа выкрикивала название колледжа сразу, но иногда она молчала довольно долго.

«Финниган, Шэймус», парнишка с песочного цвета волосами перед Гарри, сидел на стуле почти минуту, прежде чем Шляпа определила его в Гриффиндор.

«Грангер, Эрмиона!» Эрмиона подбежала к стулу и быстро натянула Шляпу на голову.

«ГРИФФИНДОР!» – крикнула шляпа. Рон застонал.

Ужасная мысль поразила Гарри, как обычно бывает, когда волнуешься. А что если его вообще не выберут? Что если он будет вот так сидеть целую вечность, натянув шляпу на голову, пока профессор Мак-Гонагалл не стащит ее и скажет, что, наверное, произошла ошибка и отправит его обратно на поезде? Когда назвали Невилла Лонгботтома, мальчишка, терявший жабу, споткнулся на пути к стулу. Шляпа долго молчала. Когда она наконец крикнула «ГРИФФИНДОР!», Невилл вскочил и кинулся к столу, не сняв ее, и ему пришлось вернуться и под всеобщий хохот передать ее «Мак-Дугал, Мораг». Малфой развязно вышел вперед, когда назвали его имя, его желание осуществилось моментально: едва шляпа коснулась его головы она крикнула «СЛИТЕРИН!» Малфой присоединился к Краббу и Гойлу, выглядя очень довольным. Уже оставалось не так много новичков.

«Мун», «Нотт», «Паркинсон», потом двое близняшек «Патил» и «Патил», потом «Перкс, Салли-Энн» и потом, наконец, «Поттер, Гарри!» Когда Гарри выступил вперед, внезапно по залу побежал шепот.

«Она сказала Поттер?»

«Гарри Поттер?»

Последнее, что видел Гарри, перед тем как шляпа упала ему на глаза, был целый зал людей, тянущих шеи, чтобы получше рассмотреть его. В следующую секунду он видел только темную подкладку шляпы. Он стал ждать.

«Гмм, – сказал тоненький голосок у него в ухе. – Трудно. Очень трудно. Много отваги, это видно. И очень неплохие мозги. Есть талант, ах, Боже мой, да – и жажда самоутверждения, еще интереснее... Куда мне тебя определить?» Гарри вцепился в края стула и думал: не Слитерин, пожалуйста, только не Слитерин.

«Не Слитерин, а? – сказал тоненький голосок. – Ты уверен? Ты можешь стать великим, это все у тебя в голове, а Слитерин поможет тебе на этом пути, не сомневаешься, нет? Ну, если ты уверен – пусть будет ГРИФФИНДОР!» Гарри услышал, как последнее слово шляпа крикнула на весь зал. Он снял ее и нетвердо пошел к левому столу. Он

с таким облегчением осознал, что не попал в Слитерин, и едва замечал, что ему хлопают громче всех. Префект Перси вскочил и энергично пожал ему руку, а близнецы Висли скандировали:

«Нам достался Поттер! Нам достался Поттер!» Гарри сел напротив привидения в кружевной рубашке, которое он видел раньше. Привидение похлопало его по руке, и Гарри испытал внезапное ужасное чувство, как будто ее засунули в ведро с ледяной водой. Теперь он четко видел Высокий стол. На его ближайшем конце сидел Хагрид, который поймал его взгляд и показал ему два больших пальца. Гарри подмигнул в ответ. Там, в центре Высокого стола, в золотом кресле, сидел Албус Дамблдор. Гарри сразу узнал его по фотографии из шоколадной лягушки, которую он съел в поезде. Серебряные волосы Дамблдора были единственным предметом в зале, светившимся так ярко, как и привидения. Гарри заметил профессора Квиррелла, нервного молодого человека из «Дырявого котла». Он очень своеобразно смотрелся в большом фиолетовом тюрбане. Теперь возле стула стояло только трое новичков.

«Томас, Дин», темнокожий мальчик, даже выше Рона, присоединился к Гарри за столом Гриффиндора.

«Турпин, Лиза» отправилась в Рэйвенкло, и настал черед Рона. Он приобрел уже бледно-зеленый оттенок. Гарри скрестил пальцы под столом, и секундой позже Шляпа крикнула: «ГРИФФИНДОР!» Гарри хлопал вместе со всеми, когда Рон свалился на стул рядом с ним.

«Отлично, Рон, великолепно», – напыщенно произнес префект Перси, в то время как «Забини, Блэйз» отправилась в Слитерин. Профессор Мак-Гонагалл свернула свиток и забрала Шляпу. Гарри посмотрел на свою пустую золотую тарелку. Он только что понял, как сильно проголодался. Тыквенные пироги остались в далеком прошлом.

Албус Дамблдор поднялся на ноги. Он широко улыбался ученикам, как будто ничто не доставляло ему больше удовольствия, чем видеть их здесь.

«Добро пожаловать! – сказал он. – Добро пожаловать в Хогвартс! Прежде чем мы начнем банкет, я бы хотел произнести несколько слов. Вот они: Простофиля! Плакса! Чудак! Прищепка!»

«Спасибо!» Он снова уселся. Все хлопали и смеялись. Гарри не знал смеяться или нет.

«Он – немного не в себе?» – спросил он Перси неуверенно.

«Не в себе? – сказал Перси беззаботно. – Он гений! Лучший волшебник в мире! Но чуть-чуть сумасшедший, да. Картошки, Гарри?» Гарри открыл рот. Блюда перед ним ломились от угощений. Он никогда не видел столько всего, что ему хотелось съесть: жареная говядина, цыплята, свиные и бараньи ребрышки, сосиски, бекон и стэйк, вареная картошка, жареная картошка, чипсы, Йоркширский пудинг, горох, морковка, соус, кетчуп и, почему-то, мятные леденцы. Десли никогда специально не морили Гарри голодом, но он никогда не ел столько, сколько ему хотелось. Дадли всегда съедал то, что хотелось Гарри, даже если потом ему было плохо. Гарри положил себе на тарелку всего понемногу, кроме мятных леденцов, и начал есть. Все было восхитительно.

«Как все превосходно выглядит», – грустно сказала привидение напротив Гарри, глядя как он отрезает стэйк.

«А вы не...?»

«Я не ел почти четыре сотни лет, – сказала привидение. – Мне это, конечно, ни к чему, но иногда жаль. Думаю, я не представился? Сэр Николя де Мимси-Порпиньон к вашим услугам. Домашнее привидение гриффиндорской башни».

«Я вас знаю! – внезапно сказал Рон. – Мои братья говорили о вас – вы Почти Безголовый Ник!»

«Я бы предпочел, чтобы меня называли сэр Николя де Мимси...» – высокомерно начало приведение, но парень с волосами песочного цвета, Шэймус Финниган, перебил его.

«Почти безголовый? Как можно быть почти безголовым?» Сэр Николя выглядел очень огорченным, как будто их разговор пошел совсем не потому пути, на который он рассчитывал.

«Вот так», – сказал он раздраженно. Он схватил себя за левое ухо и потянул. Его голова отделилась от шеи и упала на плечо, как будто на шарнирах. Очевидно, кто-то пытался обезглавить его, но не слишком преуспел. Удовлетворенно глядя на их ошеломленные лица, Почти Безголовый Ник вернул свою голову на место, откашлялся и сказал:

«Итак, новенькие! Я надеюсь, вы поможете нам выиграть состязание колледжей в этом году? Гриффиндор никогда не терял кубок так надолго. Слитерин уже пять лет держит первое место. Кровавый Барон стал просто невыносим – он привидение Слитерина». Гарри бросил взгляд на стол Слитерина и увидел ужасное привидение,

сидящее там с пустыми вытаращенными глазами, изможденным лицом и в одеждах, покрытых серебряной кровью. Оно расположилось как раз рядом с Малфоем, который, как с радостью заметил Гарри, был не очень доволен этим соседством.

«А когда он перемазался в крови?» – с интересом спросил Шэймус.

«Мы никогда не спрашивали», – сказал Почти Безголовый Ник деликатно. Когда все съели столько, сколько смогли, остатки еды исчезли с тарелок, которые заблестели как прежде. Через секунду появились десерты. Огромные мороженые с любым вкусом, какой только можно себе вообразить, яблочные пироги, пироги с патокой, шоколадные эклеры и пирожки с джемом, трюфеля, клубника, желе, рисовые пудинги... Когда Гарри клал на тарелку еще кусочек пирога, разговор зашел о семьях.

«Я пятьдесят на пятьдесят, – сказал Шэймус. – Мой папка – маггл. Мама не говорила ему, что она ведьма, пока они не поженились. Представьте, какой у него был шок». Все засмеялись.

«А ты, Невилл?» – сказал Рон.

«Меня воспитала бабушка, и она ведьма, – сказал Невилл. – Но в семье долго думали, что я родился магглом. Мой дядя Алги пытался застать меня врасплох и выжать хоть чуточку магии – он столкнул меня с пирса в Блэкпуле, я почти утонул – но пока мне не исполнилось восемь, ничего не случилось. Однажды дядя Алги пришел к ужину, я высовывался из чердачного окна, и он держал меня за ноги, а когда тетя Энид передала ему меренгу, он случайно меня выпустил. Но я не упал, а запрыгал по саду к дороге. Они все жутко обрадовались, а бабушка плакала от счастья. И надо было видеть их лица, когда я получил письмо – они боялись, что во мне слишком мало магии, чтобы учиться здесь. Дядя Алги так обрадовался, что подарил мне жабу».

По другую сторону от Гарри Перси Висли и Эрмиона разговаривали о занятиях («Я надеюсь, они начнутся прямо сейчас, ведь надо так много выучить, мне особенно интересно Преобразование, понимаешь, превратить что-то во что-нибудь другое, конечно, это очень сложно...»; «Вы начнете с маленького, всего лишь спички в иголки и все такое...»). Гарри, которому снова стало тепло и уютно, посмотрел на Высокий стол. Хагрид пил из своей чаши. Профессор Мак-Гонагалл разговаривала с профессором Дамблдором. Профессор Квиррелл в нелепом тюрбане говорил с учителем, у

которого были сальные черные волосы, крючковатый нос и восковая кожа. Это произошло внезапно. Крюконосый посмотрел через тюрбан Квиррелла прямо Гарри в глаза – и острая горячая боль резанула по шраму на лбу.

«Ой!» – Гарри схватился рукой за лоб.

«Что такое?» – спросил Перси.

«Н-ничего». Боль исчезла так же внезапно, как и появилась. Труднее было избавиться от ощущения, которое Гарри получил от этого взгляда – ощущения, что крюконосый его возненавидел.

«Кто этот учитель, разговаривающий с профессором Квирреллом?» – спросил он Перси.

«А, ты уже знаешь Квиррелла? Неудивительно, что он так нервничает, это профессор Снэйп. Он ведет алхимию, но ненавидит этот предмет – все знают, что он хочет занять место Квиррелла. Он знает ужасно много про защиту от темных сил, я про Снэйпа говорю, конечно». Гарри наблюдал за Снэйпом еще немного, но тот больше не посмотрел на него.

Наконец, десерты тоже исчезли, и профессор Дамблдор опять поднялся на ноги. В зале стало тихо.

«Гм – еще несколько слов, после того, как все наелись. У меня есть, что сказать вам в начале этого семестра.

«Новички должны запомнить, что лес – запретное место для всех учеников. И некоторым студентам постарше, тоже не стоит этого забывать». Дамблдор блеснул глазами на близнецов Висли.

«Мистер Филч, дворник, также просил меня напомнить, никакой магии в коридоре на переменах.

«Тренировки команд квиддитча начнутся на второй неделе семестра. Всем, кто хочет попасть в команду, следует обратиться к мадам Хуч.

«И, наконец, я должен сообщить вам, что в этом году коридор в правом крыле на третьем этаже закрыт для всех, кто не хочет умереть очень болезненной смертью». Гарри засмеялся, но он был одним из немногих.

«Он что, серьезно?» – прошептал он Перси.

«Должно быть, – сказал Перси, глядя на Дамблдора. – Странно, обычно он объясняет, почему мы не можем зайти куда-то – в лесу,

например, много опасных животных, все это знают. Но я думаю, он мог бы сказать нам, префектам, по крайней мере».

«А теперь, перед тем, как идти спать, давайте споем школьную песню!» – крикнул Дамблдор. Гарри заметил, что преподаватели начали натянуто улыбаться. Дамблдор слегка взмахнул палочкой, как будто пытаясь прогнать муху, устроившуюся на ее конце, и с нее слетела золотая ленточка, которая поднялась над столами и начала закручиваться, как змейка, в слова.

«Выбирайте свою любимую мелодию, – сказал Дамблдор. – Начали!» И зал наполнился какофонией:

Наш старый и добрый Хогвартс, Ты вместе опять собрал нас: И стариков почтенных, И маленьких шалунов. Мы снова пришли учиться, Придется нам потрудиться Ведь в головах лишь ветер, Мечты и обрывки снов. А ты расскажи опять нам, Что знали и что не знали, Чтоб лучше запоминали До усыхания мозгов.

Все закончили петь в разное время. Наконец, остались только близнецы Висли, поющие очень медленный похоронный марш. Дамблдор махал палочкой в такт, пока они допевали последние строчки, и когда они замолчали, хлопал громче всех.

«Ах, музыка, – сказал он, вытирая глаза. – Она выше магии, которой мы здесь занимаемся! А теперь спать. Бегом!» Новички Гриффиндора последовали за Перси сквозь болтающую толпу из Большого Зала, вверх по мраморной лестнице. Ноги Гарри снова передвигались с трудом, но только от того, что он устал и отяжелел от съеденного. Он слишком хотел спать, чтобы удивляться, что люди на портретах, мимо которых они проходили, шептались и показывали на них пальцами, или что дважды Перси провел их коридорами, спрятанными за раздвижными панелями и висящими гобеленами. Они взбирались какими-то лестницами, зевая и спотыкаясь, и Гарри начал думать, сколько же им еще идти, когда они внезапно остановились. Связка палок порхала в воздухе перед ними, и когда Перси сделал шаг вперед, они начали кидаться в него.

«Пивз, – прошептал Перси новичкам. – Полтергейст, – он повысил голос. – Пивз, покажись». В ответ раздался громкий, неприличный звук, как будто кто-то выпустил воздух из воздушного шарика.

«А может, мне сгонять за Кровавым Бароном?» Хлопок, и маленький человечек со злым лицом, темными глазами и большим

ртом появился в воздухе, он сидел, скрестив ноги, и держал связку палок.

«Ооооооооох! – прокудахтал он со злобой. – Малышня! Как забавно!» Он ринулся на них. Они пригнулись.

«Убирайся, Пивз! Или Барон об этом узнает, клянусь!» – прорычал Перси. Пивз показал ему язык и пропал, бросив палки Невиллу на голову. Они слышали, как он удалялся, стуча по доспехам стоявших в коридоре рыцарей.

«Опасайтесь Пивза, – предупредил их Перси, когда они снова пустились в путь. – Кровавый Барон – единственный, кто имеет над ним власть, нас, префектов, он вообще не слушается... Вот мы и пришли». В конце коридора висел портрет очень толстой дамы в розовом шелковом платье.

«Пароль?» – сказала она.

«Капут Драконус» – ответил Перси, и портрет качнулся вперед, открывая круглую дыру в стене. Они все пролезли сквозь нее – Невиллу пришлось помочь – и оказались в комнате отдыха, уютной и круглой, уставленной мягкими креслами.

Перси показал девочкам и мальчикам двери в их спальни. Поднявшись по винтовой лестнице – вероятно, это была одна из башен – они нашли свои постели: пять кроватей под темно-красными бархатными пологам. Их чемоданы уже были здесь. Слишком усталые, чтобы говорить, они натянули пижамы и забрались в постели.

«Классно тут кормят, правда? – прошептал Рон Гарри из-под своего полога. – Скабберс, отстань! Он жует простыни». Гарри собирался спросить Рона, не прихватил ли он с собой пирога с патокой, но почти сразу же заснул. Наверное, он съел слишком много, потому что ему приснился странный сон. На голове у него был тюрбан профессора Квиррелла, который говорил ему, что он должен немедленно перевестись в Слитерин, потому что это его судьба. Гарри сказал тюрбану, что не хочет в Слитерин, тот становился все тяжелее и тяжелее; он попытался сорвать его, но лишь натянул плотнее – там был Малфой, который смеялся, пока Гарри сражался с тюрбаном – потом он превратился в крючконосого учителя, Снэйпа, чей смех стал холодным и жестоким – потом вспышка зеленого света и Гарри проснулся, вспотевший и дрожащий. Он перевернулся на другой бок и

опять заснул, а когда проснулся на следующее утро, начисто забыл все, что ему снилось.

Глава восьмая. Учитель алхимии

«Вон, смотри».

«Где?»

«Рядом с высоким рыжим парнем».

«В очках?»

«Ты видел его лицо?»

«Нет, ты видел его шрам?» Шепот преследовал Гарри с того момента, как он покинул спальню на следующее утро. Ученики высовывались из классов, вставали на цыпочки, чтобы посмотреть на него, несколько раз ходили туда-сюда по коридору, чтобы еще раз окинуть его взглядом. Гарри мечтал, чтобы они перестали, потому что пытался сконцентрироваться на поиске дороги в кабинеты. В Хогвартсе было сто сорок две лестницы: широкие и длинные, узкие и шаткие; некоторые, например, в пятницу, могли привести в другое место; а кое-где были исчезающие ступеньки, которые надо запомнить и перепрыгнуть. Потом еще были двери, которые не открывались, если их вежливо не попросишь или не пощекочешь в определенном месте, и двери, которые дверями не являлись, а только притворялись, а на самом деле были твердыми стенами. Запомнить было трудно еще потому, что все вокруг, казалось, двигалось. Люди с портретов ходили друг к другу в гости, и Гарри был уверен, что железные доспехи могут перемещаться. Привидения тоже особо не радовали. Весьма неприятное ощущение, когда одно из них появлялось вдруг из двери, которую ты пытался открыть. Почти Безголовый Ник с радостью указывал новичкам Гриффиндорцам дорогу, но Полтергейст Пивз стоил двух запертых дверей и лестницы с секретом, если встретишь его, когда опаздываешь на занятие. Он мог сбросить на голову мусорное ведро, выдернуть ковер из-под ног, забросать мелом или незаметно подкрасться сзади, схватить за нос и крикнуть:

«ПОПАЛСЯ!» Еще хуже Пивза, если только такое возможно, был дворник, Аргус Филч. Гарри и Рон умудрились попасть ему под горячую руку в самое первое утро. Он поймал их в тот момент, когда они пытались пробиться в дверь, которая, к несчастью, оказалось, вела

в запретный коридор на третьем этаже. Он не поверил, что они заблудились, и был уверен в их грабительских намерениях, и угрожал посадить их под замок в подземелье, когда их выручил профессор Квиррелл, проходивший мимо.

У Филча была кошка по кличке Миссис Норрис, тощее серое создание с глазами на выкате, точь-в-точь как у самого Филча. Она патрулировала коридоры в одиночку. Но стоило только нарушить правило в ее присутствии, переступить черту хоть на самую малость, как она неслась к Филчу, размахивая хвостом, и он появлялся, тяжело дыша, через пару секунд. Филч знал секретные коридоры в школе лучше всех (за исключением, может быть, близнецов Висли) и мог материализоваться где угодно с внезапностью привидения. Все ученики ненавидели его, и самой заветной мечтой не одного поколения, было однажды пнуть Миссис Норрис хорошенько. И, кроме того, если ты уж нашел кабинет, были и сами занятия. Магия, как быстро узнал Гарри, не просто взмах волшебной палочки и забавный стишок. Им приходилось изучать ночное небо в телескопы каждую среду в полночь, заучивать названия разных созвездий и движение планет. Три раза в неделю в оранжереях за замком у них было Травоведение, которое преподавала коренастая маленькая колдунья по имени профессор Росток, и там они учили, как выращивать странные растения и грибы и узнавали, для чего их используют. Самым скучным предметом была История Магии, и она была единственным предметом, который вело привидение. Профессор Биннс – старенький человечек, заснул однажды перед камином в комнате отдыха, утром проснулся и отправился в класс, оставив свое тело в кресле. Биннс гудел дальше и дальше, пока они неразборчивыми каракулями записывали имена и даты, путая Злодейку Рвотну и Урика Чудака. Профессор Флитвик, учитель Колдовства, был низеньким невзрачным волшебником, которому приходилось взбираться на кипу книг, чтобы видеть класс из-за своей конторки. На первом занятии он начал делать переключку, и, когда дошел до имени Гарри, издал радостный писк и рухнул на пол. Профессор Мак-Гонагалл являла собой прямую противоположность. Гарри был абсолютно прав, решив, что она не тот учитель, которого можно позлить. Умная и строгая, она ввела их в курс дела, как только они успели сесть на первом занятии.

«Преобразование – один из самых сложных и опасных предметов, которые вы будете изучать в Хогвартсе, – сказала она. – Любой, кто вздумает лодырничать у меня на занятии, будет выгнан и не вернется. Это было предупреждение». Потом она трансформировала стол в свинью и обратно. Все очень впечатлились и с нетерпением стали ждать своей очереди, но очень скоро поняли, что до того момента, как они начнут превращать мебель в образцы фауны, пройдет еще очень много времени. Сделав кучу сложных записей, они получили каждый по спичке и стали пытаться превратить ее в иголку. К концу занятия спичка изменилась только у Эрмионы Грангер; профессор Мак-Гонагалл показала всему классу спичку, ставшую серебряной и заостренной и подарила Эрмионе одну из своих редких улыбок. Занятием, которого все ждали с нетерпением, была защита от темных сил, но уроки Квиррелла оказались своего рода шуткой. Его кабинет пропах чесноком, все говорили, что это для отпугивания вампира, с которым Квиррелл познакомился в Румынии, и теперь боялся, что он когда-нибудь вернется. Он рассказал им, что его тюрбан подарил ему африканский принц в благодарность за то, что Квиррелл избавил его от надоедливого зомби, но они были не слишком уверены в том, что верят ему. Во-первых, когда Шэймус Финниган спросил с любопытством, как Квиррелл дрался с зомби, тот покраснел и перевел разговор на погоду; во-вторых они чувствовали странный запах, исходивший от его тюрбана, а близнецы Висли настаивали, что он тоже битком набит чесноком, чтобы Квиррелл чувствовал себя в безопасности где бы то ни было. Гарри с облегчением узнал, что он не единственный, кто не разбирается в магии. Большинство учеников было из семей магглов и не имело ни малейшего понятия, что они маги или волшебницы, до того, как получить письмо. Учить надо было так много, что даже люди вроде Рона не обладали большим преимуществом. Пятница стала звездным днем Гарри и Рона. Они наконец нашли дорогу в Большой зал ни разу не потерявшись.

«Что у нас сегодня?» – спросил Гарри, посыпая кашу сахаром.

«Две пары алхимии со Слитерином, – сказал Рон. – Снэйп – глава слитеринского колледжа. Говорят, он всегда отдает им предпочтение – посмотрим, правда ли это».

«Хорошо бы Мак-Гонагалл отдавала предпочтение нам», – сказал Гарри. Профессор Мак-Гонагалл была главой Гриффиндора, но это ее

не останавливало и не далее как вчера она выдала им огромное домашнее задание. Как раз в этот момент пришла почта. Гарри уже привык к этому, но в первое утро он испытал сильное удивление, увидев, как около сотни сов разом влетели в Большой зал во время завтрака и, кружа над столами, принялись разыскивать своих владельцев, чтобы уронить письма и свертки им на колени. Пока еще Хедвиг ничего не принесла Гарри. Иногда она прилетала вместе со всеми, чтобы ущипнуть его за ухо и съесть кусочек тоста перед сном в советне с другими школьными совами. Однако этим утром она перепорхнула через вазу с мармеладом и сахарницу и уронила письмо Гарри в тарелку. Гарри сразу же открыл его. Очень корявым почерком там было выведено:

Дорогой Гарри, Я знаю, у тебя нет занятий в пятницу днем, и почему бы тебе не заскочить ко мне на чашку чая в районе трех? Хочу услышать все о твоих успехах на первой неделе. Пришли ответ с Хедвиг.

Хагрид

Гарри одолжил у Рона перо, нацарапал

«Конечно, приду, увидимся позже» на другой стороне и отправил с Хедвиг. Гарри повезло, что он предвкушал чай у Хагрида, потому что урок алхимии оказался самой ужасной вещью из всех, которые с ним до сих пор происходили. На банкете по поводу открытия семестра у Гарри создалось впечатление, что Снэйпу он не понравился. К концу первой пары, он знал, что ошибся. Гарри не то что бы не нравился Снэйпу – тот его ненавидел. Уроки алхимии проходили внизу, в одном из подземелий. Там было холодней, чем в замке, и неуютно даже без заспиртованных животных, которые стояли по стенам в стеклянных банках. Снэйп, как и Флитвик, начал занятие с переключки и, так же как Флитвик, сделал паузу на фамилии Гарри.

«Ах, да, – сказал он мягко. – Наша новая – знаменитость». Драко Малфой и его приятели Крабб и Гойл захихикали, прикрываясь ладошкой. Снэйп закончил переключку и оглядел класс. У него были такие же черные глаза, как у Хагрида, но в них не было той теплоты, что была у Хагрида. Они были холодны и пусты и наводили на мысли о темных туннелях.

«Вы здесь, чтобы в совершенстве овладеть тонким искусством приготовления снадобий, – начал он. Он говорил практически шепотом, но они ловили каждое слово – как и профессор МакГонагалл, Снэйп умел держать аудиторию – как и профессору МакГонагалл, Снэйпу не надо было прилагать ни малейших усилий, чтобы в классе стояла абсолютная тишина. – Так как здесь практически нет дурацких размахиваний волшебной палочкой, большинство из вас решит, что это не волшебство. Я не ожидаю, что вы и в самом деле поймете красоту нежно булькающего котла с его блестящим ароматом, хрупкую энергию жидкости, которая движется по венам, очаровывая разум, обостряя чувства... Я могу научить вас, как поймать славу, приготовить триумф, даже помешать смерти – если вы не похожи на ту компанию болванов, которую мне обычно приходится учить». Тишину можно было намазывать на хлеб. Гарри и Рон обменялись многозначными взглядами. Эрмиона Грангер ерзала на краешке стула в нетерпении доказать, что она не болван.

«Поттер! – сказал Снэйп внезапно. – Что я получу, если добавлю порошок корня златоцветника к настою полыни?»

Порошок чего к настою чего? Гарри бросил взгляд на Рона, но тот тоже не знал, что ответить; Эрмиона вскинула руку.

«Я не знаю, сэр», – сказал Гарри. Губы Снэйпа скривились в усмешке.

«Так, так – слава это еще не все». Он проигнорировал руку Эрмионы.

«Попробуем еще раз. Поттер, куда бы ты направился, если бы я попросил тебя достать мне безоаровый камень?» Эрмиона тянула руку так сильно, что еще чуть-чуть и взлетела бы, но у Гарри не было даже смутной мысли, что такое безоаровый камень. Он пытался не смотреть в сторону Малфоя, Крабба и Гойла, которые тряслись от смеха.

«Я не знаю, сэр».

«Так и думал, что вы не откроете книгу перед занятием, а, Поттер?» – Гарри заставил себя смотреть прямо в эти холодные глаза. Он прочитал учебники, пока летом жил у Десли, но неужели Снэйп думает, что он запомнил каждое слово из Тысячи волшебных трав и грибов? Снэйп продолжал игнорировать дрожащую руку Эрмионы.

«В чем разница, Поттер, между борцом и капюшоном монаха?» На этот раз Эрмиона вскочила, вытягивая руку к потолку.

«Я не знаю, – сказал Гарри тихо. – Но я думаю, Эрмиона знает, почему бы вам не спросить ее, сэр?» Кое-кто засмеялся; Гарри перехватил взгляд Шэймуса, и Шэймус подмигнул ему. Снэйп, однако, остался недоволен.

«Сядь, – рявкнул он на Эрмиону. – К твоему сведению, Поттер, златоцветник и настой полыни – настолько сильное снотворное, что получило название „глоток живой смерти“. Безоаровый камень – это камень из желудка козы, он спасет тебя от большинства ядов. А насчет бореца и капюшона монаха, это одно и то же растение, которое также носит название аколит. Ну? Почему вы не записываете?» По классу прокатился лихорадочный поиск перьев и пергамента. Сквозь этот шум Снэйп произнес:

«И с Гриффиндора снимается одно очко за твою дерзость, Поттер». Дела Гриффиндора на уроке алхимии и дальше шли неважно. Снэйп разбил их на пары и дал задание смешать простое зелье для лечения нарывов. Он дрейфовал по классу в своей длинной черной мантии, следя как они взвешивают сухую крапиву и растирают змеиные зубы, критикуя всех, кроме Малфоя, который ему, казалось, понравился. Он как раз приказал всем посмотреть, как великолепно Малфой поджарил рогатых слизняков, когда облако кислотно-зеленого дыма и громкое шипение наполнили подземелье. Невилл умудрился каким-то образом расплавить котелок Шэймуса, и их раствор растекался по полу, прожигая дыры в башмаках учеников. Через несколько секунд весь класс стоял на стульях, а Невилл, облившийся раствором, когда лопнул котелок, выл от боли, в то время как его руки и ноги покрывались большими красными волдырями.

«Идиот! – прорычал Снэйп, взмахом волшебной палочки заставляя раствор исчезнуть. – Я надеюсь, ты не добавил иглы дикобраза перед тем, как снять его с огня?» Невилл начал хныкать, когда волдыри вскочили у него на носу.

«Отведи его в больничное крыло», – зашипел Снэйп на Шэймуса. Потом он повернулся к Гарри и Рону, которые работали рядом с Невиллом.

«Эй – Поттер – почему ты не сказал ему, что нельзя класть иглы? Думал, ты будешь превосходно смотреться на его фоне его ошибки, да? Еще одно очко снимается с Гриффиндора по твоей вине». Это было

так нечестно, что Гарри открыл рот, чтобы возразить, но Рон незаметно пнул его.

«Не стоит, – прошептал он. – Говорят, Снэйп может совсем озвереть, если с ним спорить». Когда они поднялись из подземелья час спустя, Гарри думал на полную катушку, но настроение у него было паршивое. Он потерял два очка для Гриффиндора на первой же неделе – почему Снэйп так его ненавидит?

«Не расстраивайся, – сказал ему Рон. – Снэйп всегда снимает очки с Фреда и Джорджа. Могу я пойти с тобой к Хагриду?» Без пяти три они покинули замок и направились к Хагриду. Его маленькая деревянная хижина стояла на опушке Запретного леса. Арбалет и пара галош валялись на крыльце.

Когда Гарри постучал в дверь, они услышали скрежет когтей и несколько громких «гав!» Потом донесся голос Хагрида:

«Назад, Клык, назад». Большое, заросшее густой бородой лицо Хагрида показалось в дверном проеме.

«Секунду, – сказал он. – Клык, назад, кому сказал». Он впустил их, удерживая за ошейник огромного черного волкодава. Внутри была только одна комната. С потолка свисали окорока и фазаны, медный чайник кипел над камином, в углу стояла огромная кровать, застеленная лоскутным одеялом.

«Чувствуйте себя как дома», – сказал Хагрид, отпуская Клыка, который кинулся прямо к Рону и начал облизывать ему уши. Как и Хагрид, Клык не был таким свирепым, как казался.

«Это Рон», – сказал Гарри Хагриду, который лил кипяток в огромный заварочный чайник и выкладывал на тарелку кексы с характерным каменным стуком.

«Еще один Висли, да? – сказал Хагрид, бросая взгляд на веснушки Рона. – Я потратил половину жизни, выуживая твоих братишек из Леса». Кексы, похожие на бесформенные кучки, с натыканным в них изюмом, яростно сопротивлялись попыткам поцарапать их зубами, но Гарри и Рон делали вид, что так и надо, пока рассказывали Хагриду о своих первых занятиях. Клык положил голову на колено Гарри и распустил слюни. Гарри и Рон с удовольствием слушали, как Хагрид называет Филча «этот старый шлагбаум».

«А кошку, Миссис Норрис, я хотел бы однажды познакомить с Клыком. Представляете, стоит мне зайти в школу, и она повсюду

таскается за мной. Никак не отвяжется – это Филч ее науськал». Гарри рассказал Хагриду об уроке у Снэйпа. Хагрид, как и Рон, сказал, чтобы Гарри не расстраивался, потому что Снэйпу вообще мало кто нравится.

«Мне кажется, он меня ненавидит».

«Чепуха! – сказал Хагрид. – Разве у него есть повод?» Но Гарри подумал, что Хагрид неспроста избегал его взгляда, когда говорил это.

«Как твой братишка Чарли? – спросил Хагрид у Рона. – Он мне всегда нравился – он хорошо ладит с животными». Гарри подумал, не переменил ли Хагрид тему разговора специально. Пока Рон рассказывал Хагриду о работе Чарли с драконами, Гарри подобрал кусочек газеты, который лежал под чехлом для чайника. Это была вырезка из Ежедневного Оракула:

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ ОБ ОГРАБЛЕНИИ ГРИНГОТТС
Расследование пришло к выводу, что налет на Гринготтс тридцать первого июля, был делом рук неизвестных темных волшебников или волшебниц. Гринготтские гоблины настаивают на том, что ничего не было украдено. Вещи из подвала, в котором искали, забрали ранее в тот день.

«Но мы не скажем вам, что там было, не суйте нос не в свое дело», – сказал гринготтский пресс-гоблин сегодня.

Гарри вспомнил, что Рон говорил ему в поезде, как кто-то пытался ограбить Гринготтс, но он не упомянул число.

«Хагрид! – сказал Гарри. – Ограбление в Гринготтс случилось в мой день рождения! Может, оно даже происходило, когда мы были там!» На этот раз Хагрид несомненно опасался смотреть Гарри в глаза. Он хрюкнул и предложил им еще один каменный кекс. Гарри снова перечитал заметку. Вещи из подвала, в котором искали, забрали ранее в тот день. Хагрид опустошил подвал семьсот тринадцать, если это можно было назвать опустошением, забрав маленький грязный сверток. Может, он был тем, что разыскивали воры? Когда Гарри и Рон возвращались в замок к ужину, с карманами, набитыми каменными кексами, потому что они были слишком вежливы, чтобы отказаться, Гарри думал, что еще ни один урок не дал ему столько пищи для размышлений, как чай у Хагрида. Получается, что Хагрид забрал сверток как раз вовремя? Где он сейчас? И знал ли Хагрид что-то о Снэйпе, что он не хотел сказать Гарри?

Глава девятая. Полуночная дуэль

Гарри никогда не подумал бы, что будет ненавидеть кого-нибудь больше, чем Дадли, пока не встретил Драко Малфоя. Но первокурсники из Гриффиндора изучали вместе со слитеринцами только алхимию, поэтому они не часто с ним сталкивались. Во всяком случае, до тех пор, пока не заметили в гостиной объявление, которое заставило всех застонать. В четверг начинались уроки полетов – Гриффиндор и Слитерин будут обучаться вместе.

«Как обычно, – мрачно заметил Гарри. – Если чего мне и не хватало, так это выставить себя дураком на помеле перед Малфоем.» Ему больше всего на свете хотелось научиться летать.

«Но ты ведь не можешь знать, что опростоволосишься, – резонно заметил Рон. – Ну да, Малфой, конечно, вечно твердит, как он хорошо играет в квиддитч, но, бьюсь об заклад, это все болтовня». Малфой, действительно, много говорил о полетах. Он громко жаловался, что первокурсников не принимают в команды квиддитча, и рассказывал длинные хвастливые истории, которые всегда кончались тем, как ему еле удалось удрать от магглов на вертолетах. Хотя в этом он был не одинок – из слов Шэймуса Финнигана выходило, что большую часть своего детства он провел, носясь над деревьями на помеле. Даже Рон рассказывал любому, кто его слушал, как он едва не столкнулся с дельтапланом на старой метле Чарли. Все отпрыски колдовских семейств постоянно обсуждали квиддитч. Рон уже здорово поспорил о футболе с Дином Томасом, их соседом по комнате. Рон не мог взять в толк, что может быть такого особенного в игре с одним мячом, где никто не летает. Гарри однажды застал Рона, тыкающего в плакат Дина, изображавший футбольную команду «Вест Хэм», пытаясь заставить игроков двигаться. Невилл ни разу в жизни не сидел на метле, поскольку бабушка его никогда и близко к метлам не подпускала. Честно говоря, Гарри думал, что у нее на это были все причины – Невилл ухитрялся попадать в невероятное количество историй, даже когда твердо стоял на земле. Эрмиона Грангер нервничала насчет полетов немногим меньше Невилла. Это было

нечто, что невозможно заучить наизусть из книг – хоть она и пыталась. За завтраком в четверг она довела их всех до белого каления полезными советами по полетам, извлеченными ей из библиотечной книжки под названием «Квиддитч сквозь века». Невилл ловил каждое слово, отчаянно пытаясь ухватить хоть что-то, что могло бы помочь удержаться на метле, но все остальные остались очень довольны, когда лекция Эрмионы была прервана прибытием почты. После записки Хагрида Гарри не получил ни единого письма, что, конечно, не преминул заметить Малфой, чей филин всегда приносил ему пакеты сладостей из дома, и он злорадно распаковывал их за столом Слитерина. В этот раз Невиллу сова принесла маленький пакетик от бабушки. Он взволнованно открыл его и показал им стеклянный шар размером с шарики для игр, наполненный каким-то белым дымом.

«Это напоминар! – пояснил он. – Бабушка знает, что я все забываю – а эта штука напоминает, если забыл что-то сделать. Смотрите, держишь крепко – вот так, и если он покраснеет – ой!...» – он нахмурился, поскольку напоминар внезапно засветился красным.

«А ты что-то забыл...» Невилл попытался вспомнить, что же он забыл, но в этот момент Драко Малфой, проходивший мимо гриффиндорского стола, выхватил напоминар у него из рук. Гарри и Рон вскочили. Они решили, что у них наконец появился повод подраться с Малфоем, но профессор Мак-Гонагалл, замечавшая проблемы быстрее, чем кто-либо из учителей, в один миг выросла рядом.

«Что происходит?»

«Малфой отнял мой напоминар, профессор». С ухмылкой Малфой быстро бросил напоминар обратно на стол.

«Да я просто взглянул», – сказал он и пошел прочь, сопровождаемый Краббом и Гойлом. В половине четвертого Гарри, Рон и остальные гриффиндорцы отправились на площадку для первого летного урока. Стоял ясный день, дул легкий бриз, и волны перекачивались по траве, когда они спускались к ровной лужайке, расположенной напротив Запретного леса, деревья которого мрачно покачивались вдалеке. Слитеринцы уже пришли, и двадцать метел были разложены аккуратными рядами на земле. Гарри вспомнил, как Фред и Джордж Висли жаловались на школьные метлы, говоря, что некоторые начинают вибрировать, если залететь слишком высоко, или

вечно поворачивают влево. Появилась учительница – мадам Хуч. У нее были короткие седые волосы и желтые ястребиные глаза.

«Ну, чего ждете? – крикнула она. – Становитесь каждый около метлы. Давайте, пошевеливайтесь». Гарри глянул вниз на свою метлу. Она была старой, и прутьики торчали в разные стороны.

«Вытяните правую руку над метлой, – скомандовала мадам Хуч, – и прикажите ей ВВЕРХ!»

«ВВЕРХ!» – крикнули все. Метла Гарри сразу легла ему в руку, но она была одной из немногих. У Эрмионы Грангер она просто перекатилась по земле, а у Невилла вообще не шевельнулась. Наверное, метлы как лошади, понимали, когда их боятся; голос Невилла дрожал, и это ясно давало понять, что взлетать ему совсем не хотелось. После этого мадам Хуч показала им, как держать метлу, чтобы она не выскальзывала из руки, и прошла по рядам, поправляя хватку. Гарри и Рон были в восторге, когда она сказала Малфою, что он всю жизнь держал метлу неправильно.

«А теперь, когда я дам свисток, оттолкнитесь от земли как следует, – сказала мадам Хуч. – Держите метлы крепко, поднимитесь на несколько футов, а потом обратно вниз, слегка наклонив метлу. По моему свистку – три... два...»

Но Невилл, который нервничал, переминался с ноги на ногу и боялся остаться на земле, оттолкнулся раньше, чем свисток коснулся губ мадам Хуч.

«Вернись, парень!» – крикнула она, но Невилл летел вверх, как пробка из бутылки – двенадцать футов... двадцать... Гарри видел его побелевшее от испуга лицо, обращенное к убегавшей вниз земле, видел, как он открыл рот, соскользнул боком с метлы и... БАМ – глухой неприятный хруст, и вот Невилл лежит, скорчившись лицом вниз на траве. Его метла, тем временем, поднимаясь все выше и выше, лениво дрейфовала в сторону Запретного Леса и, наконец, скрылась из виду. Мадам Хуч склонилась над Невиллом, ее лицо было еще белей, чем у него.

«Сломано запястье, – услышал Гарри. – Ну, давай парень – все в порядке. Давай, поднимайся». Она обернулась к остальным.

«Чтоб никто из вас не двигался, пока я отвожу этого мальчика в лазарет! Оставьте метлы, где лежат, или вылетите из Хогвартса раньше, чем успеете сказать „квиддитч“. Давай, дорогой». Невилл,

весь в слезах, поковылял прочь, сжимая запястье и опираясь на мадам Хуч. Едва только они отошли за пределы слышимости, Малфой расхохотался.

«Видали лицо этого болвана?» Остальные Слитеринцы присоединились к нему.

«Заткнись, Малфой», – крикнула Парвати Патил.

«Ой, да ты, никак, втюрилась в Лонгботтома? – парировала Панси Паркинсон, девчонка из Слитерина с неприятным выражением лица. – Никогда бы не подумала, что тебе нравятся жирные маленькие плаксы, Парвати».

«Глядите! – крикнул Малфой, наклоняясь вперед и подбирая что-то из травы. – Дурацкая вещица, которую Лонгботтому бабка прислала». Напоминар блеснул на солнце, когда он поднял его вверх.

«Дай сюда, Малфой», – спокойно сказал Гарри. Разговоры прекратились, и все взгляды устремились на них. Малфой расплылся в гнусной улыбке.

«Пожалуй, оставлю ее где-нибудь, чтоб Лонгботтом нашел – ну, например, – на дереве?»

«Дай сюда!» – крикнул Гарри, но Малфой вскочил на метлу и взлетел. Он не врал, он и впрямь летал хорошо. Поднявшись до верхушки дуба, он крикнул:

«Иди и возьми, Поттер!» Гарри схватился за метлу.

«Нет! – закричала Эрмиона Грангер. – Мадам Хуч сказала не двигаться, ты нас всех втянешь в историю!» Гарри и не думал слушать ее. Кровь стучала у него в ушах. Он взобрался на метлу, оттолкнулся посильней от земли и взмыл вверх. Ветер раздувал его волосы, его мантия полоскалась сзади – и в приступе отчаянной радости он понял, что нашел то, что ему доступно без обучения – это было легко и прекрасно. Он чуть потянул метлу вверх, чтобы подняться повыше и услышал визг девчонок на земле и восхищенные вопли Рона. Он резко развернул помело в воздухе, чтобы оказаться лицом к лицу с Малфоем. Малфой замер.

«Отдай, – прокричал Гарри, – или я сброшу тебя вниз!»

«Да неужели?!» – ответил Малфой, пытаясь ухмыльнуться, но выглядя при этом встревоженным. Каким-то образом Гарри знал, что делать. Он нагнулся вперед и крепко схватился за помело обеими руками, метла рванулась к Малфою, как копье. Малфой едва успел

вовремя убратся с дороги; Гарри выполнил резкий разворот кругом, все также крепко держа метлу. Ребята внизу заплодировали.

«Здесь нет Крабба и Гойла, чтобы спасти твою шею, Малфой», – крикнул Гарри. Та же мысль, похоже, посетила и Малфоя.

«Ну так лови, если сможешь!», – крикнул он, высоко подбрасывая шарик, и спикировал вниз к земле. Гарри увидел, как будто в замедленной съемке, как шарик поднимается и начинает падать. Он наклонился вперед и толкнул метлу вниз – в следующую секунду он уже набирал скорость в крутом пике, догоняя шарик. Ветер свистел в ушах, заглушая крики зрителей – он протянул руку – поймал шарик в полуметре от земли, как раз вовремя, чтобы выровнять метлу, и мягко приземлился на траву, бережно сжимая в кулаке напоминанр.

«ГАРРИ ПОТТЕР!» Его сердце ушло в пятки быстрее, чем только что пикировала его метла. К ним бежала профессор Мак-Гонагалл. Дрожа, он поднялся на ноги.

«Еще никогда, за все время в Хогвартсе...» Профессор Мак-Гонагалл почти онемела от шока, и ее очки гневно блестели.

«Да как ты посмел – ты ведь мог сломать себе шею...»

«Он не виноват, профессор...»

«Молчать, мисс Патил».

«Но Малфой...»

«Хватит, мистер Висли. Поттер, следуйте за мной». Плетясь за профессором Мак-Гонагалл, шагавшей к замку, Гарри видел торжествующие лица Малфоя, Крабба и Гойла. Ему было совершенно ясно, что его исключат. Он хотел сказать что-то в свою защиту, но голос не слушался. Профессор Мак-Гонагалл шагала, даже не глядя на него; чтобы поспевать за ней ему приходилось бежать трусцой. Да, он не протянул и двух недель. А сейчас ему придется в десять минут запаковать свой чемодан. Что скажут Десли, когда он появится у них на пороге? Они взошли на крыльцо, поднялись по мраморной лестнице, а профессор Мак-Гонагалл так и не сказала ему ни слова. Она распахивала двери и шагала по коридорам; несчастный Гарри тащился за ней. Наверное, она вела его к Дамблдору. Он подумал о Хагриде, которого исключили, но позволили остаться лесничим. Возможно, он мог бы стать помощником Хагрида. Сердце его сжалось, когда он представил себе, как Рон и остальные становятся волшебниками, а он ковыляет по округе, таская мешок Хагрида.

Профессор Мак-Гонагалл остановилась у одной из классных комнат. Она открыла дверь и просунула внутрь голову.

«Простите, профессор Флитвик, можно забрать у вас Вуда на секундочку?»

«Кто такой Вуд?» – подумал Гарри. Вуд оказался крепко сложенным пятикурсником, который вышел из класса с озадаченным видом.

«Вы двое, за мной», – скомандовала профессор Мак-Гонагалл, и они зашагали дальше по коридору. Вуд с интересом поглядывал на Гарри.

«Сюда». Профессор Мак-Гонагалл указала на классную комнату, в которой не было никого за исключением Пивза, который деловито выписывал на доске непечатные выражения.

«Вон отсюда, Пивз!» – рывкнула она. Пивз швырнул мелок в корзину, которая громко звякнула и, ругаясь, вылетел прочь. Профессор Мак-Гонагалл захлопнула за ним дверь и повернулась к двум ученикам.

«Поттер, это Оливер Вуд. Вуд – я нашла тебе ловца». Озадаченное выражение на лице Вуда сменилось довольным.

«Вы серьезно, профессор?»

«Абсолютно, – твердо ответила профессор Мак-Гонагалл. – Этот мальчик просто рожден для неба. Никогда ничего подобного не видела. Ты в первый раз летал на метле, Поттер?» Гарри молча кивнул. Он не понимал, что происходит, но, похоже, его не собирались исключать, и он снова начал слегка ощущать свои ноги.

«Он поймал вот такой шарик, спикировав с пятидесяти футов, – сообщила

профессор Мак-Гонагалл Вуду. – И даже не поцарапался. Сам Чарли Висли не смог бы так». Вуд выглядел так, будто все его мечты наконец-то сбылись.

«Когда-нибудь видел, как играют в квиддитч, Поттер?» – взволнованно спросил он.

«Вуд – капитан команды Гриффиндора», – пояснила профессор Мак-Гонагалл.

«Да, он сложен как раз для Ловца, – сказал Вуд, обходя вокруг Гарри и разглядывая его. – Легкий... быстрый... надо будет достать

ему приличную метлу, профессор – Нимбус-2000 или Чистюлю-7, пожалуй».

«Я поговорю с профессором Дамблдором и посмотрю, можем ли мы обойти правило для первокурсников. Нам нужна команда лучше, чем та, которую Слитерин разделал в прошлогоднем матче, и я несколько недель не могла взглянуть в лицо Северусу Снэйпу...» Профессор Мак-Гонагалл сурово поглядела поверх очков на Гарри.

«Я хочу слышать, что ты упорно тренируешься, Поттер, или я могу и передумать насчет твоего наказания». Затем она внезапно улыбнулась.

«Твой отец гордился бы тобой, – добавила она. – Он сам был отличный игрок в квиддитч».

«Да ты шутишь!» Был ужин. Гарри только что закончил рассказывать Рону, что случилось, когда он ушел за профессором Мак-Гонагалл. Рон не донес до рта кусок стейка и пирог с почками, но он забыл о них.

«Ловец? – не поверил он, – Но первогодкам никогда... ты, должно быть, будешь самым молодым игроком столетия».

«Так мне Вуд и сказал», – ответил Гарри, пережевывая пирог. Он был особенно голоден после дневных переживаний. Рон был настолько изумлен и потрясен, что просто сидел и таращился на Гарри.

«На будущей неделе я начинаю тренироваться, – сообщил Гарри. – Только никому не говори. Вуд хочет держать это в секрете». Фред и Джордж Висли вошли в зал, заметили Гарри и поспешили к ним.

«Здорово, – тихо сказал Джордж. – Вуд нам рассказал. Мы тоже в команде – Отбивающие».

«Точно говорю, в этом году мы возьмем кубок по квиддитчу, – сказал Фред. – Мы не выигрывали с тех пор, как ушел Чарли, но в этом году команда будет отличная. Ты, должно быть, хорош, Гарри, Вуд только что не прыгал, когда рассказывал нам».

«Ну да ладно, нам пора идти, Ли Джордан утверждает, что нашел новый секретный проход из школы».

«Спорю – это тот самый, за статуей Грегори Вкрадчивого, который мы нашли в первую же неделю. До скорого». Едва Фред и Джордж исчезли, как появились намного менее желанные визитеры: Малфой с эскортом из Крабба и Гойла.

«Последний ужин, Поттер? Когда у тебя поезд обратно к магглам?»

«А ты здорово осмелел на земле, когда с тобой твои маленькие друзья», – холодно произнес Гарри. Конечно, Крабб и Гойл были отнюдь не маленькими, но поскольку за Высоким столом напротив сидели учителя, они только и могли, что хрустеть кулаками и хмуриться.

«Готов, когда угодно встретиться с тобой наедине, – сказал Малфой. – Этой ночью, если хочешь. Колдовская дуэль. Только на волшебных палочках – без контакта. В чем дело? Никогда не слышал раньше о колдовских дуэлях, я полагаю?»

«Конечно, слышал, – парировал Рон, поворачиваясь. – Я его секундант, а кто твой?» Малфой оценивающе оглядел Крабба и Гойла.

«Крабб, – сказал он. – В полночь устраивает? Встретимся в Призовой Комнате, она никогда не запирается». Когда Малфой ушел, Рон и Гарри переглянулись.

«Что такое колдовская дуэль? – спросил Гарри. – И что ты имел в виду, говоря, что ты мой секундант?»

«Ну, секундант займет твоё место в случае твоей смерти, – легкомысленно объяснил Рон, наконец принимаясь за остывший пирог, но, заметив выражение лица Гарри, быстро добавил. – Но люди погибают только на настоящих дуэлях, ну, с настоящими волшебниками. Ты и Малфой можете разве что попускать искры друг в друга. Ни один из вас не знает магию настолько, чтобы нанести другому вред. Спорим, он думал, что ты откажешься».

«А что если я взмахну палочкой, и ничего не случится?»

«Брось её на землю и врежь ему по носу», – предложил Рон.

«Простите». Они подняли глаза. Это была Эрмиона Грангер.

«Тут что, нельзя спокойно поесть?» – возмутился Рон. Эрмиона не обратила на него внимания и обратилась к Гарри.

«Я случайно услышала, о чем ты говорил с Малфоем...»

«Да уж как же иначе», – пробормотал Рон.

«... ты не должен ходить по школе ночью, подумай о тех очках, которые снимут с Гриффиндора из-за тебя, если вас поймают, а это обязательно случится. Не будь эгоистом».

«Знаешь, тебя это действительно не касается», – ответил Гарри.

«Всего хорошего», – добавил Рон. Как бы то ни было, все это нельзя было назвать идеальным завершением дня, размышлял Гарри, лежа без сна позже в своей кровати и слушая, как засыпают Дин и

Шэймус (Невилл еще не вернулся из лазарета). Рон весь вечер давал ему советы типа:

«Если он попробует насрать на тебя проклятье, лучше уклонись, потому что я не могу вспомнить, как их заблокировать». Велика была вероятность, что их поймает Филч или Миссис Норрис, и Гарри чувствовал, что испытывает свою удачу, нарушая еще одно школьное правило за этот день. С другой стороны, из темноты продолжала ухмыляться ему физиономия Малфоя – это был хороший шанс побить его лицом к лицу. И пропустить этого он не мог.

«Половина двенадцатого, – прошептал, наконец, Рон, – пора идти». Они надели банные халаты, прихватили волшебные палочки, прокрались через башню, вниз по винтовой лестнице в гостиную Гриффиндора. Несколько углей еще тлело в камине, превращая кресла в скрюченные черные тени. Они почти дошли до прохода в портрете, когда из ближайшего кресла донесся голос:

«Не могу поверить, что ты собираешься сделать это, Гарри». Блеснул свет фонаря. Это была Эрмиона Грангер, в розовом халате и мрачном настроении.

«Ты!... – со злостью воскликнул Рон. – Отправляйся обратно в постель!»

«Я почти что сказала твоему брату, – огрызнулась Эрмиона, – Перси – ведь он префект, так пусть положит этому конец». Гарри не мог поверить, чтобы кто-то оказался столь навязчивым.

«Пошли», – позвал он Рона, отодвинул портрет Толстушки и протиснулся в дыру. Но Эрмиона не думала так легко сдаваться. Она пролезла за Роном сквозь дыру, шипя на них, как рассерженная гусыня.

«Вам нет дела до Гриффиндора, только до себя самих. Я не хочу, чтобы Слитерин выиграл Кубок, а вы растеряете все очки, которые я получила от профессора Мак-Гонагалл за Переключающее заклинание».

«Иди спать».

«Ну, хорошо, но я вас предупредила, просто вспомните, что я говорила, когда завтра отправитесь домой на поезде, вы такие...» Но им так и не удалось узнать, какие они. Эрмиона повернулась к портрету Толстушки, чтобы вернуться обратно и... оказалась перед

пустым холстом. Толстушка ушла с ночным визитом, а Эрмионе обратный путь в Гриффиндорскую башню был закрыт.

«Что же мне делать?» – плаксиво спросила она.

«Это твоя проблема, – ответил Рон. – Нам надо идти, мы сейчас опоздаем». Но они не дошли и до конца коридора, как Эрмиона догнала их.

«Я пойду с вами», – заявила она.

«Не пойдешь».

«А ты думаешь, я тут буду стоять и ждать, пока меня поймает Филч? Если он найдет нас троих, я расскажу ему правду, что пыталась вас остановить, а вы меня поддержите».

«Ну, ты достала...» – громко сказал Рон.

«Заткнитесь, вы оба, – резко оборвал их Гарри. – Я что-то слышал». Они замолчали и услышали чье-то сопение.

«Миссис Норрис?» – выдохнул Рон, вглядываясь в темноту. Но это была не Миссис Норрис. Это был Невилл. Он свернулся на полу и крепко спал, но резко вскочил, когда они подобрались ближе.

«Слава Богу! Вы меня нашли! Я тут уже несколько часов, не мог вспомнить новый пароль, чтоб добраться до спальни».

«Потише, Невилл. Пароль „свиное рыло“, но сейчас он тебе не поможет, Толстушка куда-то смылась».

«Как твоя рука?», – спросил Гарри.

«Отлично, – ответил Невилл, демонстрируя. – Мадам Помфрей вылечила все за минуту».

«Хорошо, послушай, Невилл, нам кое-куда надо, увидимся позже».

«Не бросайте меня! – завопил Невилл, вскакивая на ноги. – Я не хочу здесь оставаться один, Кровавый Барон уже два раза пролетал мимо». Рон взглянул на часы и со злостью посмотрел на Эрмиону и Невилла.

«Если из-за вас нас поймают, я не успокоюсь, пока не выучу Проклятие привидения, о котором рассказывал Квиррелл, и не применю его на вас». Эрмиона открыла было рот, наверное, чтобы сообщить Рону, как именно использовать Проклятие привидения, но Гарри шикнул на нее и сделал им знак идти вперед. Неслышно прошли они по коридорам, испещренным полосами лунного света, лившегося из высоких окон. На каждом повороте Гарри ждал столкновения с Филчем или Миссис Норрис, но им везло. Они пробежали по лестнице

на четвертый этаж и на цыпочках дошли до призовой комнаты. Малфоя и Крабба еще не было. Хрустальные шкафы с призами поблескивали там, где их касался лунный свет. Кубки, щиты, блюда и статуи мерцали серебром и золотом в темноте. Они стояли у стены, не сводя глаз с дверей на противоположном конце зала. Гарри вытащил палочку на случай, если Малфой выскочит и сразу начнет. Ползли минуты.

«Он опаздывает. Может струсил?» – прошептал Рон.

Шум у соседней двери заставил их подпрыгнуть. Гарри только успел поднять свою палочку, как они услышали чей-то разговор – и это был не Малфой.

«Понюхай тут, моя милая, они могли спрятаться в углу». Это был Филч, говорящий с Миссис Норрис. В ужасе Гарри бешено замахал остальным идти за ним как можно скорее; они бесшумно и стремительно перебежали к двери, подальше от голоса Филча. Едва халат Невилла скрылся за углом, как они услышали, что Филч вошел в призовую комнату.

«Они где-то здесь, – донеслось до них его бормотание, – наверное, прячутся».

«Сюда!», – беззвучно шепнул остальным Гарри, и они в оцепенении двинулись по длинной галерее, заставленной доспехами. Они слышали, что Филч подбирается все ближе. Внезапно Невилл издал испуганный писк и бросился бежать – споткнулся, ухватился за Рона и они вдвоем рухнули прямо на один из доспехов. Лязга и грохота, казалось, было достаточно, чтобы разбудить весь замок.

«БЕЖИМ!» – завопил Гарри, и все четверо рванули по галерее. Оглядываясь, не преследует ли их Филч, они завернули за угол и пронеслись по одному коридору, потом по другому. Гарри бежал впереди, совершенно не имея понятия, куда они бегут. Они продрались сквозь гобелен и оказались в скрытом проходе, пробежали по нему и выскочили рядом с кабинетом колдовства, который, как они знали, находился в милях от призовой комнаты.

«Я думаю, мы оторвались», – сказал Гарри, тяжело дыша, облокотясь о холодную стену и вытирая лоб. Невилл согнулся вдвое, тяжело дыша и что-то бормоча.

«Я... я говорила вам, – выдохнула Эрмиона, теребя нитку на груди. – Я же говорила».

«Надо вернуться в гриффиндорскую башню, – сказал Рон, – и как можно быстрее».

«Малфой тебя надул, – сказала Гарри Эрмиона. – Теперь-то ты понимаешь? Он и не собирался встречаться с тобой – Филч знал, что кто-то будет в призовой комнате, наверное, Малфой его навел». Гарри подумал, что она, видимо, права, но говорить этого вслух не собирался.

«Пошли». Но это оказалось не просто. Не прошли они и дюжины шагов, как закрипела дверная ручка, и нечто появилось из классной комнаты перед ними. Это был Пивз. Он заметил их и издал восторженный вопль.

«Помолчи, Пивз, пожалуйста – из-за тебя нас выгонят». Пивз закудаhtал.

«Бродите в полуночный час, малыши-первокурсники? Ай-яй-яй. Поздно ночью шляться – грех – скоро вас поймают всех».

«Не поймают, если ты нас не выдашь, Пивз – ну, пожалуйста».

«Да, я должен сказать Филчу, должен, – заявил Пивз ангельским голосом, но его глазки зло поблескивали. – Это ради вашего же блага, сами знаете».

«Убирайся с дороги», – рывкнул Рон, как следует стукнув Пивза, что оказалось большой ошибкой.

«УЧЕНИКИ НЕ СПЯТ! – истошно завопил Пивз, – УЧЕНИКИ У КАБИНЕТА КОЛДОВСТВА!» Уклонившись от Пивза, они кинулись спасать свои жизни в конец коридора, где уперлись в дверь – и она оказалась заперта.

«Вот и все! – простонал Рон, пока они беспомощно пытались толкать дверь. – Наша песенка спета! Это конец!» Послышались шаги, Филч бежал со всех ног на крики Пивза.

«Ну, шевелись же», прорычала Эрмиона. Она схватила палочку Гарри, стукнула по замку и прошептала:

«Алохомора!» Замок щелкнул, дверь распахнулась – и они проскользнули внутрь, быстро захлопнули и прижали к ней уши, вслушиваясь.

«Куда они побежали, Пивз? – спрашивал Филч. – Быстро, говори».

«Скажи „пожалуйста“».

«Не связывайся со мной, Пивз! Так куда они пошли?»

«Скажу что-нибудь, если только скажешь „пожалуйста“, – заявил Пивз своим противным ангельским голоском.

«Ну, хорошо – по-жа-луй-ста».

«ЧТО-НИБУДЬ! Хаа-ха-ха! Я же сказал, что скажу „что-нибудь“ если скажешь „пожалуйста“! Хаа-ха-ха!» – им было слышно, как Пивз со свистом испарился, а Филч со злости матерится.

«Он решил, что дверь заперта, – прошептал Гарри. – Думаю, с нами все будет в порядке – да отцепись, Невилл! – Невилл последнюю минуту все тянул его за рукав. – Ну что такое?» Гарри обернулся и совершенно ясно увидел, что. В какой-то момент ему показалось, что он оказался в кошмарном сне – это было уже слишком, учитывая все, что произошло до сих пор. Они были не в комнате, как он полагал. Они были в коридоре. Запретном коридоре на третьем этаже. И теперь они знали, почему он был под запретом.

Они смотрели прямо в глаза чудовищному псу, который заполнял все пространство от пола до потолка. У него было три головы, три пары вращающихся, безумных глаз; три пары подрагивающих ноздрей, направленных в их сторону; три рта с огромными клыками, с которых капала слюна. Он стоял неподвижно, все шесть глаз глядели на них, и Гарри понял, что единственной причиной, почему они еще не умерли, было то, что они застали пса врасплох своим внезапным появлением, но он быстро избавляется от удивления. Смысл доносившегося громоподобного рычания нельзя было истолковать неправильно. Гарри нащупал дверную ручку – выбирая между Филчем и смертью, он предпочел Филча. Они выкатились обратно – Гарри захлопнул дверь, и они побежали, почти полетели обратно по коридору. Филч, должно быть, ушел искать их в другом месте, потому что его нигде не было видно, но это их едва ли заботило – им хотелось только одного: оказаться подальше от этого монстра. Они не остановились, пока не добежали до портрета Толстушки на восьмом этаже.

«Да где же вы все были?» – спросила она, глядя на халаты, свисающие с их плеч и раскрасневшиеся, потные лица.

«Не суть важно – свиное рыло, свиное рыло», – прохрипел Гарри и портрет повернулся. Они прокрались в гостиную и дрожа рухнули в кресла.

Прошло некоторое время, прежде чем кто-нибудь заговорил. Невилл выглядел так, будто и вовсе потерял дар речи.

«Какого черта они думают, держа такую гадину в школе? – наконец выговорил Рон. – Если какой-нибудь собаке и хочется погулять, так это ей». К Эрмионе вернулось дыхание и присутствие духа:

«Зачем вам глаза даны, а? – крикнула она. – Вы что не видели, на чем она стояла?»

«На полу? – предположил Гарри. – Я не смотрел под ноги, меня слишком занимали головы».

«Нет, не на полу. Она стояла на люке. Она, наверное, что-то охраняет». Она поднялась и испепелила их взглядом.

«Надеюсь, вы собой довольны. Нас всех могли убить, или даже еще хуже – исключить. А теперь, если вы не против, я пойду спать.» Рон глядел ей вслед с открытым ртом.

«Да мы не против, – произнес он. – Можно подумать, что мы ее насильно затащили». Но Эрмиона заставила Гарри думать совсем о другом, когда он забирался в постель. Пес что-то сторожил... А что сказал Хагрид? Гринготтс – самое безопасное место в мире, чтобы что-то спрятать – за исключением, может быть, Хогвартса. Похоже, Гарри выяснил, где находится маленький грязный сверток из подвала номер семьсот тринадцать.

Глава десятая. Хэллоуин

Малфой не поверил своим глазам, когда увидел Гарри и Рона в Хогвартс на следующий день, не выпавшихся, но чрезвычайно довольных. Утром они уже решили, что встреча с трехголовой собакой оказалась удачным приключением и мечтали продолжить знакомство. В это время Гарри поведал Рону о свертке, который, видимо, переместился из Гринготтс в Хогвартс, и они некоторое время обдумывали, что же требует такой охраны?

«Это либо очень ценная вещь, либо очень опасная», – сказал Рон.

«Или и то и другое сразу», – добавил Гарри.

Но так как вся имевшаяся у них информация сводилась к тому, что длина свертка около пяти сантиметров, шансы отгадать, что это такое без дополнительных подсказок, были минимальны. Невилл и Эрмиона не выказали ни малейшего интереса к тому, что охранялось трехголовой собакой, сторожившей люк. Невилл вообще не мечтал увидеть собаку снова. Эрмиона теперь ходила с покровительствующим «я-все-знаю» видом, но перестала разговаривать с Гарри и Роном, впрочем это-то они сочли дополнительной наградой.

Они мечтали отомстить Малфоя, и, к их удовольствию, случай представился примерно неделю спустя. Утром совы влетели в Большой Зал как обычно, но все сразу обратили внимание на узкий свертки, который несли шесть ушастых сов. Гарри, так же как и все, умирал от любопытства узнать, что же там такое в этом свертке, и был изумлен, когда совы снизились и уронили свертки на стол перед ним, смахнув бекон на пол. Они едва упорхнули, когда еще одна сова бросила на свертки письмо. Первым делом Гарри открыл письмо, и к счастью, правильно, потому что оно гласило:

НЕ ОТКРЫВАЙ ПОСЫЛКУ ЗА СТОЛОМ

В ней Нимбус-2000, но я не хочу, чтобы все знали, что у тебя есть метла, в то время, как они о ней только мечтают. Оливер Вуд будет ждать тебя на стадионе в семь вечера для первого занятия.

Профессор Мак-Гонагалл

Гарри с трудом скрывал ликование, протягивая записку Рону.

«Нимбус-2000! – простонал Рон с завистью. – Я такой даже в руках не держал». Они быстро покинули зал, чтобы открыть сверток в одиночестве до первого занятия, но на полпути через коридор, они увидели Крабба и Гойла, преграждающих дорогу к лестнице. Малфой выхватил сверток из рук Гарри и пощупал его.

«Метла, – сказал он, бросая его Гарри с выражением зависти и злобного удовлетворения на лице. – На этот раз тебя выгонят, Поттер, первачкам нельзя иметь метлы». Рон не выдержал.

«Это не какая-то там старая метла, – сказал он. – Это Нимбус-2000. Что ты там говорил у тебя дома, Малфой, Комета-260? – Рон подмигнул Гарри. – Кометы, конечно, здорово смотрятся, но они не той категории, что Нимбус».

«Откуда тебе знать, Висли, у тебя не хватит денег даже на половину рукоятки, – огрызнулся Малфой. – Боюсь тебе и твоим братьям придется собирать метлу по прутику». Прежде чем Рон успел ответить, в районе локтя Малфоя появился профессор Флитвик.

«Надеюсь, вы не спорите, мальчики?» – пропищал он.

«Поттеру прислали метлу, профессор», – моментально донес Малфой.

«Да, да, все правильно, – сказал профессор Флитвик, бросая взгляд на Гарри. – Профессор Мак-Гонагалл рассказала мне о чрезвычайных обстоятельствах, Поттер. Какая модель?»

«Нимбус-2000, сэр, – ответил Гарри, пытаясь удержаться от хохота при виде ужаса на лице Малфоя. – И я получил ее именно благодаря Малфою», – добавил он. Гарри и Рон поднялись по ступенькам, задыхаясь от смеха над яростью и смущением Малфоя.

«Но ведь это правда, – выдавил Гарри, когда они добрались до верха мраморной лестницы. – Если бы он не стащил напоминар Невилла, я не попал бы в команду...»

«Значит, ты думаешь, это награда за нарушение правил?» – услышали они сердитый голос сзади. Эрмиона шагала вверх, неодобрительно глядя на сверток в руках Гарри.

«Я думал, ты с нами не разговариваешь», – сказал Гарри.

«И будешь продолжать в том же духе, – добавил Рон, – ведь это идет нам на пользу». Эрмиона проследовала прочь, высоко задрав нос. Гарри было очень трудно сосредоточиться на занятиях в этот день.

Мысли бродили где-то в районе спальни, где под кроватью лежала его новая метла, или устремлялись к его первому уроку квиддитча этим вечером. Он проглотил ужин, не замечая, что ест, и ринулся вверх по лестнице вместе с Роном, чтобы развернуть наконец Нимбус-2000.

«Вот это да!» – вздохнул Рон, когда она выкатилась на покрывало кровати. Даже Гарри, ничего не понимавший в метлах, подумал, что она смотрится просто замечательно. Гладкая и сверкающая, с рукояткой из красного дерева, длинными прямыми прутьями на хвосте и надписью золотом «Нимбус-2000» наверху. Ближе к семи часам, Гарри вышел из замка и в сумерках отправился на стадион. Он еще ни разу не был там. Сотни мест возвышались на трибунах вокруг поля, для того чтобы зрители могли непосредственно следить за игрой. На каждом конце поля стояло три золотых шеста с маленьким кольцом наверху. Они напоминали маленькие пластиковые палочки, через которые дети магглов выдувают мыльные пузыри, за исключением размера: пятьдесят футов в высоту. Гарри так хотелось полетать, что он не смог дожждаться Вуда. Он оседлал свою метлу и взлетел. Вот это ощущение – он устремлялся к шестам, разворачивался и кидался обратно, потом с ускорением взлетал к небу или падал вниз. Нимбус-2000 слушалась малейшего прикосновения.

«Эй, Поттер, спускайся!» Это был Оливер Вуд. Подмышкой он тащил большую корзину. Гарри приземлился рядом с ним.

«Здорово, – сказал Вуд, восторженно глядя на Гарри. – Я вижу, что имела в виду профессор Мак-Гонагалл... ты и в самом деле рожден для этого. Сегодня я объясню тебе правила, а потом ты присоединишься к команде. Тренировки три раза в неделю». Он открыл корзину. Внутри лежали четыре разных мяча.

«Вот, – сказал Вуд, – смотри. Правила квиддитча очень просто понять, но играть в него не так просто. В каждой команде семь игроков. Трое называются нападающими».

«Нападающие», – повторил Гарри, когда Вуд вытащил из корзины красный мяч размером с футбольный.

«Он называется кваффл, – сказал Вуд. – Нападающие перебрасывают кваффл друг другу и пытаются забросить его в одно из колец, чтобы заработать очки. Десять очков за каждое попадание. Ты меня слушаешь?»

«Нападающие перебрасывают кваффл и пытаются попасть в кольцо, – повторил Гарри. – Так это похоже на баскетбол верхом на метле с шестью кольцами, да?»

«Что такое баскетбол?» – спросил Вуд с любопытством.

«Неважно», – быстро ответил Гарри.

«И еще в команде есть игрок, который называется защитник – я защитник Гриффиндора. Я должен находиться возле колец и не давать противнику забивать мяч».

«Три нападающих, один защитник, – сказал Гарри, который решил запомнить все сразу. – Они играют кваффлом. Так, понял. А эти зачем?» – он показал на три оставшихся мяча.

«Я сейчас покажу, – сказал Вуд. – Подержи». Он протянул Гарри биту, чуть короче бейсбольной.

«Я покажу тебе, что делают бладжеры, – сказал Вуд. – Вот эти мячи называются бладжерами». Он показал на два одинаковых мяча, блестящего черного цвета, чуть поменьше красного кваффла. Гарри показалось, что они пытаются вырваться из ремней, удерживающих их в корзине.

«Лучше отойди», – предупредил его Вуд. Он наклонился и выпустил один бладжер.

Черный мяч взмыл высоко в воздух и спикировал вниз, целясь Гарри в голову. Гарри отбил его битой, чтобы не остаться со сломанным носом, мяч зигзагом отлетел, сделал круг, как бумеранг, и кинулся на Вуда, который схватил его и прижал к земле.

«Понял? – пропыхтел Вуд, запихивая мяч обратно в корзину и опутывая его ремнями. – Бладжеры носятся по полю, пытаясь сбить игроков с метел. Вот почему в каждой команде по два отбивающих – у нас близнецы Висли – их задача, защитить своих игроков от бладжеров и направить их на команду соперника. Вот так – ты все понял?»

«Трое нападающих забивают кваффл, защитник охраняет кольца, отбивающие не дают бладжерам попасть в своих», – быстро проговорил Гарри.

«Отлично», – сказал Вуд.

«Гм – а бладжеры кого-нибудь когда-нибудь убивали?» – спросил Гарри, надеясь, что это звучит беззаботно.

«В Хогвартсе никогда. Пара сломанных челюстей – это худшее, что случилось».

Последний член команды это ловец. То есть ты. Тебе не надо волноваться о кваффле или бладжерях...» «...если только они не разобьют мне голову».

«Хотя о бладжерах тебе вообще можно не волноваться, Висли сами – два блаждера в человеческом обличье. Два сапога пара».

Вуд достал из корзинки четвертый мяч. По сравнению с кваффлом или блаждерами, это был совсем маленький шарик, размером с крупный грецкий орех. Он блестел золотом и взмахивал маленькими серебряными крылышками.

«Вот это, – сказал Вуд, – золотой снитч, и он самый главный из мячей. Его очень трудно поймать, потому что он мал, и его нелегко увидеть. Поймать его – задача ловца. Тебе придется уворачиваться от нападающих, отбивающих, бладжеров и кваффла, чтобы поймать снитч быстрее ловца другой команды, потому что если ловец поймает снитч, его команда получает дополнительные сто пятьдесят очков и почти всегда выигрывает. Вот почему выбор ловца очень важен. Матч квиддитча заканчивается, когда пойман снитч, поэтому он может продолжаться хоть сто лет – рекорд был три месяца, игроков приходилось менять, чтобы они хоть чуть-чуть поспали. Ну вот и все – есть вопросы?» Гарри покачал головой. Он понял, что он должен делать, но вот вопрос как это сделать, мог оказаться очень сложным.

«Пока не будем тренироваться со снитчем, – сказал Вуд, осторожно упаковывая его обратно в корзину. – Слишком темно, можем потерять. Давай попробуем вот с этими». Он вытащил пакет обычных мячей для гольфа и через несколько минут, когда они поднялись в воздух, он начал бросать их во всех направлениях, а Гарри ловил. Гарри не пропустил ни одного мяча, и Вуд был просто в восхищении. Через полчаса стало совсем темно, и они закончили тренировку.

«На кубке квиддитча в этом году будет твое имя, – радостно сказал Вуд, когда они тащились обратно в замок. – Я не удивлюсь, если ты окажешься лучше, чем Чарли Висли, который играл бы за Англию не прельстись он идеей охоты за драконами». Наверное, из-за того, что он был теперь очень занят, еще и тренировки по квиддитчу сверх обычной домашней работы, но Гарри едва мог поверить, что прошло уже два месяца как он в Хогвартсе. Он чувствовал, что Хогвартс стал его домом больше, чем Бирючинный проезд. Занятия становились все более и более интересными теперь, когда они прошли основы. Утром

тридцать первого октября они проснулись от восхитительного запаха печеной тыквы, струившегося по коридорам. К тому же профессор Флитвик объявил на уроке колдовства, что они начинают учиться как поднимать предметы в воздух, то, о чем они все мечтали с тех пор, как он продемонстрировал левитацию на жабе Невилла. Профессор Флитвик разбил класс на пары. Гарри оказался вместе с Шэймусом Финниганом (ему очень повезло, потому что Невилл пытался перехватить его взгляд). А вот Рон оказался в паре с Эрмионой Грангер. Было трудно сказать, кто больше злится по этому поводу: Рон или Эрмиона. Она не разговаривала с ними с того дня, как Гарри получил метлу.

«И не забудьте то изящное движение запястьем, которое мы отработывали! – пропищал профессор Флитвик, как обычно взбираясь на свою кипу книг. – Резкий взмах, вверх и вниз, запомните, вверх и вниз. И, конечно, очень важно правильно произносить слова – никогда не забывайте о волшебнике Баруфио, который сказал „с“ вместо „ф“ и оказался придавлен к полу здоровенным быком».

Выяснилось, что это очень трудно. Гарри и Шэймус делали резкий взмах, вверх и вниз, но перо, которое должно было взмыть к небесам, почему-то продолжало лежать на столе. Шэймус так воодушевлённо махал палочкой, что поддел перо и поджег его – и Гарри пришлось тушить его с помощью шляпы. Рону за соседним столом тоже не везло.

«Вингардиум левиоза!» – кричал он, размахивая длинными руками, как крыльями мельницы.

«Ты неправильно говоришь, – набросилась на него Эрмиона. – Нужно Вин-гар-диум леви-о-за, произноси „гар“ медленно и аккурратно».

«Давай сама, раз ты такая умная». Эрмиона закатала рукава своей мантии, взмахнула палочкой и произнесла:

«Вингардиум левиоза!» Их перо взлетело со стола и поднялось на четыре фута.

«Молодчина! – закричал профессор Флитвик, хлопая в ладоши. – Посмотрите все, у мисс Грангер получилось!» До конца занятия Рон пребывал в чрезвычайно мрачном настроении.

«Неудивительно, что ее никто не выносит, – сказал он Гарри, когда они пробирались сквозь толпу в коридоре. – Она и в самом деле не подарок. Просто кошмар, если честно».

Гарри столкнулся с кем-то, пока смотрел на Рона. Это оказалась Эрмиона. Гарри бросил на нее взгляд – и с удивлением увидел, что она плачет.

«Я думаю, она тебя слышала».

«Ну и что? – сказал Рон неловко. – Она должна была заметить, что у нее совсем нет друзей». Эрмиона не пришла на следующий урок и не показывалась весь день. Когда они спускались в Большой зал на праздник Хэллоуина, Гарри и Рон услышали, как Парвати Патил говорит своей подружке Лаванде, что Эрмиона плачет в женском туалете и просит, чтобы ее не трогали. Рон еще больше смутился, но в следующий момент они вошли в Большой зал, где праздничные украшения вытеснили мысли об Эрмионе. Тысяча летучих мышей выпорхнули внезапно из стен и потолка и черной тучей пронеслись над столами так, что пламя свечей в тыквах затанцевало. В ту же секунду на золотых блюдах появились угощения, как на банкете первого сентября. Гарри как раз накладывал себе печеный картофель, когда в зал, задыхаясь, вбежал профессор Квиррелл, в перекошенном тюрбане и с выражением ужаса на лице. Все следили, как он добрался до кресла Дамблдора, оперся на стол и выпалил:

«В подземелье – тролль – думал, надо вам сказать». И упал в обморок. Все разом заговорили. Дамблдору пришлось пустить несколько пурпурных фейерверков, чтобы установилась тишина.

«Префекты, – громко объявил он, – отведите свои колледжи в башни, сейчас же!»

Перси был в своей стихии.

«Следуйте за мной! Первогодки, соберитесь вместе! Не бойтесь тролля, если будете меня слушаться! Идите прямо за мной! Дайте дорогу, первый класс вперед! Извините, я префект!»

«Как мог тролль пробраться в замок?» – спросил Гарри, когда они поднимались по лестнице.

«Не спрашивай меня, я думал, они ужасно глупые, – сказал Рон. – Может, его впустил Пивз, чтобы пошутить на Хэллоуин». Они встречали группы учеников, спешивших в разных направлениях. Когда они протолкались сквозь толпу потерявшихся хаффлпаффов, Гарри схватил Рона за руку.

«Я подумал – Эрмиона».

«Что такое?»

«Она не знает про тролля». Рон закусил губу.

«Ну, хорошо, – сказал он наконец, – но лучше, чтобы Перси нас не видел». Пригнувшись, они присоединились к хаффлпафцам, идущим в другую сторону, проскользнули в пустынный боковой коридор и поспешили к женскому туалету. Едва они повернули за угол, как услышали быстрые шаги позади.

«Перси!» – прошипел Рон, затаскивая Гарри за статую каменного грифона. Однако, выглянув из своего укрытия, они увидели не Перси, а Снэйпа. Он пересек коридор и пропал из виду.

«Что он делает? – спросил Гарри. – Почему он не в подземелье с остальными учителями?»

«Спроси что полегче». Они на цыпочках побежали по коридору, прислушиваясь к удаляющимся шагам.

«Он идет на третий этаж», – сказал Гарри, но Рон сжал его руку.

«Ты ничего не чувствуешь?» Гарри принялся и почувствовал ужасный запах: смесь старых носков и общественного туалета, который уже давно не чистили. А потом они услышали – низкое рычание и шаркающие шаги гигантских ног. Рон махнул рукой – в конце коридора, слева, что-то огромное двигалось на них. Они нырнули в тень и смотрели, как это что-то входит в полосу лунного света. Зрелище было ужасным. Двенадцать футов роста, тело, покрытое бугристой гранитно-серой кожей, похожее на валун с маленьким лысым кокосовым орехом наверху. У него были короткие ноги толщиной со ствол дерева и плоскими длинными ступнями. Пахло оно просто невыносимо. Оно сжимало в своих длинных руках огромную деревянную дубину, волоча ее по полу. Троль остановился рядом с дверным проемом и заглянул внутрь. Он подвигал длинными ушами, напрягая свой маленький мозг, потом медленно протиснулся в комнату.

«Ключ в замке, – прошептал Рон. – Мы можем запереть его».

«Классная идея», – сказал Гарри нервно. Они добежали до открытой двери, кусая губы и молясь, чтобы троль не решил выйти как раз в этот момент. Одним прыжком Гарри схватил ключ, захлопнул дверь и запер ее.

«Мы сделали это!» Охваченные радостью от своей победы, они кинулись обратно по коридору, но когда добежали до угла, они

услышали звук, от которого их сердца остановились – крик ужаса – и он доносился из комнаты, которую они только что заперли.

«Ох, нет», – произнес Рон, бледнея словно Кровавый Барон.

«Это женский туалет!» – выдохнул Гарри.

«Эрмиона!» – сказали они вместе. Это было последним, о чем они бы мечтали, но что им оставалось делать? Повернув обратно, они ринулись в коридор и повернули ключ трясущимися руками. Гарри распахнул дверь, и они ворвались внутрь. Эрмиона Грангер прижималась к противоположной стене, вид у нее был такой, словно она сейчас упадет в обморок. Троль приближался к ней, сшибая на ходу раковины.

«Надо сбить его с толку!» – сказал Гарри Рону безнадежно и, схватив кран, метнул его в стену со всей силой. Троль остановился в нескольких футах от Эрмионы. Он обернулся, глупо сощурившись, чтобы посмотреть, что вызвало шум. Его маленькие глазки заметили Гарри. Он колебался, но двинулся к нему, поднимая дубину.

«Эй, гороховый мешок!» – завопил Рон с другого конца комнаты и бросил в тролля металлической трубой. Казалось, тот не заметил трубы, ударившей его в плечо, но услышал оклик и остановился, поворачивая свое рыло к Рону и дав Гарри время обежать вокруг.

«Ну давай же, беги!» – закричал Гарри Эрмионе, пытаясь тащить ее в сторону двери, но она не двигалась, все еще прижимаясь к стене и в ужасе открыв рот. Их крики и эхо, видимо вывели тролля из себя. Он снова взревел и двинулся к Рону, самому ближнему и не имевшему путей к отступлению.

Тогда Гарри совершил очень смелый и глупый поступок: он разбежался, прыгнул и схватил тролля сзади за шею. Троль не почувствовал, что Гарри повис на нем, но даже тролль заметит, если ему ткнуть в нос большую ветку, а волшебную палочку Гарри сжимал в кулаке – и когда он прыгнул, она попала прямо троллю в ноздрю.

Взвыв от боли, тот начал вертеться, размахивая дубиной, Гарри вцепился в него изо всех сил: в любой момент тролль мог сбросить его или огреть дубиной. Эрмиона в страхе осела на пол; Рон выхватил свою волшебную палочку – и, не зная, что будет делать, услышал, что выкрикивает первое пришедшее в голову заклинание:

«Вингардиум левиоза!» Дубина внезапно выскользнула из лапы тролля – поднялась вверх, медленно перевернулась – и рухнула с

отвратительным хрустом на голову своего хозяина. Тролль замер на месте и свалился вниз мордой так, что вся комната дрогнула. Гарри поднялся на ноги. Он дрожал и задыхался. Рон неподвижно стоял, сжимая палочку и глядя на дело своих рук. Эрмиона заговорила первой.

«Он – мертв?»

«Я так не думаю, – сказал Гарри. – Думаю, он в нокауте». Он наклонился и вытащил свою волшебную палочку из носа тролля. Она была покрыта чем-то похожим на комковатый серый клей.

«Уф – распустил сопли». Он вытер ее о штаны тролля. Неожиданный шум и громкие шаги заставили их всех поднять головы. Они не слышали, какой устроили тарарам, но уж, конечно, кто-нибудь внизу должен был слышать удары и рев тролля. В следующую секунду в комнату ворвалась профессор Мак-Гонагалл, по пятам преследуемая Снэйпом и с Квирреллом в арьергарде. Квиррелл бросил взгляд на тролля, издал тихий всхлип и сел на унитаз, схватившись за сердце. Снэйп склонился над троллем. Профессор Мак-Гонагалл уставилась на Гарри и Рона. Гарри никогда не видел ее такой злой. Ее губы побелели. Его надежда выиграть пятьдесят очков Гриффиндору, быстро таяла.

«О чем вы думали? – сказала профессор Мак-Гонагалл с холодным гневом в голосе. Гарри посмотрел на Рона, стоявшего все так же неподвижно и сжимавшего в руках волшебную палочку. – Вам просто повезло, что он вас не убил. Почему вы не в башне?»

Снэйп бросил на Гарри пронзительный взгляд. Гарри уставился в пол. Он мечтал, чтобы Рон опустил палочку. Потом из тени донесся тоненький голосок.

«Пожалуйста, профессор Мак-Гонагалл – они искали меня».

«Мисс Грангер!» Эрмионе наконец удалось подняться на ноги.

«Я сама пошла охотиться на тролля, потому что я – я думала, что смогу с ним справиться – понимаете, я все о них прочитала». Рон уронил палочку. Эрмиона Грангер, отъявленно врущая преподавателю?

«Если бы они не нашли меня, я бы уже погибла. Гарри ткнул ему в нос волшебную палочку, а Рон ударил тролля его же собственной дубиной. У них не было времени кого-то позвать. Он уже добрался до меня, когда они появились». Гарри и Рон попытались сделать вид, что именно так все и было.

«Ну – в таком случае... – сказала профессор Мак-Гонагалл, глядя на них. – Мисс Грангер, вы сошли с ума, как вы могли подумать, что справитесь с горным троллем?» Эрмиона опустила голову. Гарри не мог выговорить ни слова. Эрмиона была последним человеком, который пошел бы против правил, но именно это она сделала, или делала вид, что сделала, чтобы избавить их от неприятностей. Это было примерно то же самое, как если бы Снэйп вдруг начал раздавать конфеты.

«Мисс Грангер, за это с Гриффиндора снимается пять очков, – сказал профессор Мак-Гонагалл. – Я очень, очень разочаровалась в вас. Если вы не ранены, можете идти в гриффиндорскую башню. Ученики колледжей продолжают праздновать в гостиных». Эрмиона ушла. Профессор Мак-Гонагалл повернулась к Гарри и Рону.

«Я все равно скажу, что вам просто повезло, но мало кто из первокурсников сможет справиться с горным троллем, поэтому вы каждый зарабатываете Гриффиндору по пять очков. Я поставлю в известность профессора Дамблдора. Можете идти». Гарри и Рон выскочили из комнаты и молчали, пока не поднялись на два этажа. Они испытали облегчение, избавившись от запаха тролля, не говоря уже обо всем остальном.

«Она могла бы дать нам побольше, чем десять очков», – пробормотал Рон.

«Пять, ты хочешь сказать, считая те, что сняла с Эрмионы».

«Мило с ее стороны вытащить нас из неприятностей, – заметил Рон. – Хотя ведь, мы ее спасли».

«Нам бы не понадобилось ее спасать, если бы не заперли ее в одной комнате с троллем», – напомнил ему Гарри. Они дошли до портрета Толстушки.

«Свиное рыло», – сказали они и вошли. В гостиной былолюдно и шумно. Все ели то, что им принесли из Большого Зала.

Только Эрмиона стояла возле двери и ждала их. Последовала неловкая пауза. Потом, не глядя друг на друга, они вместе сказали: «Спасибо» и заторопились к столу. Но с этого момента, Эрмиона Грангер стала их другом. Есть такие вещи, пройдя через которые нельзя не сдружиться, и нокаутировать двенадцатифутового горного тролля – это одна из них.

Глава одиннадцатая. Квиддитч

Когда наступил ноябрь, сильно похолодало. Горы вокруг школы приобрели льдисто-серый цвет, а озеро превратилось в кусок холодной стали. Каждое утро земля покрывалась инеем. Из окна было видно, как Хагрид, одетый в длинную кротовую доху, кроличьи перчатки и бобровые сапоги, сметает изморозь с метел на поле для квиддитча.

Сезон игры в квиддитч начался. В субботу после недель тренировок Гарри должен был сыграть свой первый матч: Гриффиндор против Слитерина. В случае выигрыша, Гриффиндор поднимался на второе место в школьном чемпионате. Никто еще не видел Гарри в игре, потому что Вуд решил, что Гарри, как их секретное оружие, следует, в общем-то, держать в тайне. Но новость, что он будет играть в качестве ловца каким-то образом просочилась, и Гарри не знал, от кого ему бегать: от тех, кто говорил, что он отлично сыграет или от тех, кто говорил, что будут стоять внизу, держа матрас. Было действительно здорово, что он теперь подружился с Эрмионой. Он не представлял, как сумел бы справиться без нее со всеми домашними заданиями, учитывая последние тренировки, которые устраивал Вуд. Кроме того, она одолжила ему оказавшуюся очень интересной книгу «Квиддитч сквозь века». Гарри узнал, что в квиддитче имеется семь сотен способов сфолить, и все они были использованы во время матча на Кубок Мира в 1473 году; узнал, что ловцы – это обычно самые маленькие и быстрые игроки, и что наиболее серьезные происшествия во время игры случаются именно с ними; узнал, что хотя люди редко погибают во время игры в квиддитч, но были известны случаи, когда судьи внезапно исчезали и, несколько месяцев спустя, их находили в пустыне Сахаре. Эрмиона немного примирилась с нарушениями дисциплины с тех пор, как Гарри и Рон спасли ее от горного тролля, и стала намного симпатичнее. За день перед первым матчем Гарри они втроем стояли на перемене в холодном внутреннем дворе, и она вызвала яркий голубой огонь, который можно было переносить в кувшинчике. Они стояли к нему спиной, согреваясь, когда через двор прошел Снэйп. Гарри заметил, что Снэйп хромает. Все трое

придвинулись ближе друг к другу, чтобы заслонить огонь; они были уверены, что разводить костры запрещено. К несчастью, что-то в их виноватых лицах привлекло внимание Снэйпа, он подковылял поближе. Хотя он не увидел костра, но, казалось, все равно искал причину, чтобы их отругать.

«Что это у тебя, Поттер?» Это был «Квиддитч сквозь века». Гарри показал.

«Библиотечные книги нельзя выносить из школы, – сказал Снэйп. – Дай ее сюда. Пять очков с Гриффиндора».

«Да он на ходу это правило выдумал, – зло пробормотал Гарри, когда Снэйп похромал прочь. – Интересно, что у него с ногой?»

«Не знаю, но надеюсь, ему действительно больно», – злорадно ответил Рон. В гостиной Гриффиндора тем вечером было очень шумно. Гарри, Рон и Эрмиона вместе сидели у окна. Эрмиона проверяла домашние задания Гарри и Рона по колдовству. Она никогда не позволяла им списывать («Разве так можно что-нибудь выучить?»), но, прося ее просмотреть их работы, они все равно получали правильные ответы. Гарри не находил себе места. Он хотел получить обратно «Квиддитч сквозь века», чтобы разогнать волнение перед завтрашним днем. Да и с чего ему бояться Снэйпа? Он поднялся и сказал Рону и Эрмионе, что собирается попросить вернуть книгу.

«Только без меня», – дружно откликнулись они, однако Гарри полагал, что Снэйп не откажет в присутствии других учителей. Он спустился к учительской и постучал. Ответа не последовало. Он снова постучал. Ничего. Может, Снэйп там и оставил книгу? Стоило посмотреть. Он приоткрыл дверь, заглянул внутрь – и его глазам предстала ужасная сцена. В комнате были только Снэйп и Филч. Снэйп поднял полу своей мантии, обнажая колено. Его нога была разодрана и кровоточила. Филч подавал Снэйпу бинты.

«Чертюва тварь, – ругался Снэйп. – Ну как уследишь за всеми тремя головами сразу?» Гарри попытался тихо прикрыть дверь, но...

«ПОТТЕР!» Лицо Снэйпа исказилось от гнева, и он быстро опустил полу, чтобы закрыть ногу. Гарри глубоко вдохнул.

«Я только хотел спросить, можно мне забрать мою книжку?»

«ПОШЕЛ ВОН! ВОН ОТСЮДА!»

Гарри убежал, прежде чем Снэйп успел снять еще несколько очков с Гриффиндора. Он взлетел вверх по лестнице.

«Достал?», – поинтересовался Рон, когда Гарри снова присоединился к ним.

«В чем дело?» Гарри шепотом рассказал, что он увидел.

«Знаете, что это значит? – закончил он, задыхаясь. – Он пытался пройти мимо трехглавого пса в ночь на Хэллоуин!» Вот куда он направлялся, когда мы его увидели – он охотится за тем, что охраняет пес! И, спорю на мою метлу, это он впустил тролля, чтобы устроить диверсию!» Эрмиона сделала большие глаза.

«Нет, он не стал бы, – сказала она. – Я знаю, что он не очень-то приятный человек, но он бы не стал пытаться утащить то, что прячет Дамблдор.»

«Если честно, Эрмиона, ты, наверное, думаешь, что все учителя святые или что-то типа того, – рассердился Рон. – Я согласен с Гарри. Я бы не стал связываться со Снэйпом, но за чем же он охотится? Что охраняет тот пес?»

Гарри отправился спать с тем же самым вопросом, который все вертелся у него в голове. Невилл громко храпел, но Гарри и так не мог уснуть. Он пытался выбросить все из головы – ему надо, обязательно надо было поспать, через несколько часов ему предстояло выйти на поле – но гримаса Снэйпа, когда Гарри увидел его ногу, была незабываема.

Рассвет следующего дня выдался очень ярким и холодным. Большой Зал был наполнен аппетитным запахом жареных колбасок и бодрой болтовней учеников, ожидавших интересную игру.

«Тебе надо хоть что-то поесть».

«Я ничего не хочу».

«Ну хоть кусочек тоста», – упрашивала Эрмиона.

«Я не голоден». Гарри ужасно себя чувствовал. Через час он выйдет на поле.

«Гарри, тебе понадобятся силы, – сказал Шэймус Финниган. – Противники всегда стараются вывести из строя Ловцов».

«Спасибо, Шэймус», – ответил Гарри, глядя, как тот заливает свои колбаски кетчупом. К одиннадцати часам вся школа, казалось, собралась на трибунах вокруг стадиона. У многих были бинокли. Хотя места и располагались довольно высоко, но все равно, временами было трудно рассмотреть, что происходило на поле. Рон и Эрмиона уселись вместе с Невиллом, Шэймусом и Дином – фанатом

«Вест Хэма» в верхнем ряду. В качестве сюрприза для Гарри они нарисовали большое полотно на испорченных Скабберсом простынях.

«Поттера в президенты» – гласила надпись на нем. Дин, который хорошо рисовал, изобразил снизу большого гриффиндорского льва. Эрмиона затем сотворила хитрое маленькое заклинание, и рисунок заиграл разными цветами. В это время Гарри и остальные члены команды в раздевалке переодевались в ярко-красную форму для квиддитча (Слитерин играл в зеленой). Вуд откашлялся, прося тишины.

«Ну что, парни», – начал он.

«И девушки», – добавила нападающая Ангелина Джонсон.

«И девушки, – согласился Вуд. – Вот и настал этот день».

«Большой день», – сказал Фред Висли.

«День, которого мы все ждали», – сказал Джордж.

«Мы наизусть знаем речь Оливера, – пояснил Гарри Фред. – Мы в команде с прошлого года».

«Заткнитесь, вы двое, – оборвал Вуд. – Это лучший состав гриффиндорской команды за многие годы. Мы победим. Я знаю». Он окинул их пронизывающим взглядом, как будто говоря:

«А не то...»

«Ладно, пора. Всем удачи». Гарри последовал из раздевалки за Фредом и Джорджем и, надеясь, что его колени не подломятся, вышел на поле под громкие приветственные крики. Мадам Хуч судила. Она стояла в середине поля с метлой в руке, дожидаясь пока соберутся обе команды.

«Итак, я хочу увидеть хорошую честную игру – всем ясно?» – спросила она, когда все встали вокруг нее. Гарри заметил, что она как-то особенно обращалась к капитану Слитеринской команды шестикурснику Маркусу Флинту. Гарри подумалось, что Флинт выглядит, как будто в нем течет часть тролльиной крови. Уголком глаза он увидел высоко над толпой развевающееся полотнище, на котором полыхали слова «Поттера в президенты». Его сердце забилось, и он почувствовал прилив смелости.

«По метлам!» Гарри забрался на свой Нимбус-2000. Мадам Хуч громко засвистела в серебряный свисток. Пятнадцать метел взлетели высоко-высоко в воздух. Игра началась.

«Кваффл немедленно захватывает Ангелина Джонсон из Гриффиндора – какой прекрасный нападающий из этой девушки, и весьма привлекательный, надо отметить...»

«ДЖОРДАН!»

«Извините, профессор».

Друг близнецов Висли, Ли Джордан, комментировал матч под пристальным надзором профессора Мак-Гонагалл.

«И она показывает хорошую скорость... аккуратная передача Алисии Спиннет, это просто находка Оливера Вуда, в прошлом году она была в резерве – обратно Джонсон и – нет, Слитерин перехватывает кваффл, капитан Слитерина Маркус Флинт получает кваффл и уходит в отрыв – Флинт летит как орел – сейчас он забь... – нет, его останавливает в превосходном выходе голкипер Гриффиндора Вуд, и Гриффиндор снова получает кваффл – он у нападающей Гриффиндора Кэти Белл, хороший нырок под Флинта, снова вверх и – ОУ! – такой удар в спину бладжером, ей же больно – Кваффл снова попадает к Слитерину – вот Адриан Пьюси спешит к воротам, но он блокирован вторым бладжером – посланным Фредом или Джорджем Висли, – не могу понять, кем именно – все-таки хорошо играют гриффиндорские отбивающие – и вот кваффл снова у Джонсон, впереди никого, и она уходит в отрыв – вот это полет – обходит разгоняющийся бладжер – вот и ворота – давай, Ангелина – голкипер Блетчли пикирует – промахивается – ГРИФФИНДОР ЗАБИВАЕТ!» Радостные крики Гриффиндорцев заполнили холодный воздух, смешавшись с улюлюканьем и воплями Слитеринцев.

«Ну-ка, пошевелитесь, уступите место».

«Хагрид!» Рон и Эрмиона прижались друг к другу, чтобы дать Хагриду сесть.

«Я глядел из моей хибары, – сказал Хагрид, накидывая на шею здоровенный бинокль, – но это не то же самое, что сидеть в толпе. Снитч еще не показывался, а?»

«Не-а, – ответил Рон. – У Гарри пока не много работы».

«Зато и проблем меньше, это уже что-то», – заметил Хагрид, поднимая бинокль и глядя в небо на пятнышко, которым казался Гарри. Высоко над ними Гарри скользил над игрой, высматривая снитч. Это была часть игрового плана Вуда.

«Держись в стороне, пока не заметишь снитч, – наставлял Вуд. – Нам не нужно, чтобы тебя атаквали раньше времени». Когда Ангелина забила гол, Гарри заложил пару виражей, дав волю чувствам.

Теперь он снова летал кругами, ища снитч. Однажды он заметил золотую вспышку, но это был просто блик от наручных часов одного из Висли. Один раз бладжер решил полететь в его сторону, больше всего напоминая пушечное ядро, но Гарри от него увернулся, а за бладжером погнался Фред Висли.

«Все в порядке, Гарри?» – успел он прокричать, со злостью отбивая бладжер в сторону Маркуса Флинта.

«Слитерин с кваффлом, – комментировал Ли Джордан, – нападающий Пьюси обошел два бладжера, двух Висли и нападающего Белла и направляется к... – погодите минутку – не снитч ли это?» По толпе пролетел шелест, когда Адриан Пьюси обронил кваффл, заглядевшись через плечо на золотую вспышку, которая пронеслась мимо его левого уха. Гарри его заметил. В сильном возбуждении он спикировал вниз за золотым всполохом. Ловец Слитерина Теренс Хиггс, тоже увидел его. Щека к щеке они понеслись за снитчем – все нападающие, казалось, забыли, что им было положено делать, просто парили в воздухе и наблюдали. Гарри был быстрее Хиггса – увидев маленький круглый мячик с трепетавшими крылышками, он метнулся вперед – еще быстрее – БАМ! – гневный рев раздался с трибун Гриффиндора: Маркус Флинт намеренно блокировал Гарри, метла Гарри вильнула и он вцепился в нее, чтобы не упасть.

«Фол!» – кричали гриффиндорцы. Мадам Хуч что-то сердито высказала Флинту и назначила свободный бросок для Гриффиндора. Но при всеобщем замешательстве золотой снитч, разумеется, снова пропал из виду. Внизу на трибунах Дин Томас орал:

«Удалите его, судья! Красную карточку!»

«Ты это о чем, Дин?» – спросил Рон.

«Красную карточку! – рассерженно крикнул Дин. – В футболе показывают красную карточку и удаляют с поля!»

«Но это же не футбол», – напомнил Рон. Хагрид, однако, был на стороне Дина.

«Стоило бы поменять правила. Флинт мог сбить Гарри с метлы». Ли Джордану было трудно сохранять нейтралитет.

«Итак – после этой абсолютно омерзительной выходки...»

«Джордан!» – возмутилась профессор Мак-Гонагалл.

«Я имею в виду, после этого неприкрытого и возмутительного фола...»

«Джордан, я предупреждаю...»

«Хорошо, хорошо. Флинт едва не убил ловца Гриффиндора, что, впрочем, я уверен, могло случиться с каждым... итак, пенальти Гриффиндора, его берет Спиннет, он забивает кваффл без проблем, и игра продолжается, Гриффиндор по-прежнему с кваффлом.» Это случилось, когда Гарри увильнул от очередного блаждера, который, вращаясь, пролетел в опасной близости от его головы. Его метла внезапно пугающе накренилась. Долю секунды он думал, что она вот-вот рухнет вниз. Он крепко обхватил помело руками и коленями. Ему никогда еще не приходилось чувствовать ничего подобного. Это произошло снова. Было похоже, как будто метла пытается стряхнуть его. Но Нимбус-2000 был не из тех метел, которые внезапно начинают брыкаться. Гарри попытался развернуться обратно к Гриффиндорским воротам – он почти уже решился попросить Вуда взять тайм-аут – и тут он понял, что метла совершенно потеряла управление. Он не мог ее развернуть, и он никуда не мог ее направить. Она выписывала зигзаги в воздухе и время от времени совершала отчаянные скачки, из-за которых он чуть не слетал с нее. Ли продолжал комментировать.

«Слитерин с кваффлом – он у Флинта – Флинт проходит Спиннет – огибает Белл – получает сильный удар по лицу бладжером, надеюсь, он сломал ему нос – я шучу, профессор – Слитерин забивает – а...» Слитеринцы ободрились. Никто, казалось, не заметил, что метла Гарри странно себя ведет. Она потихоньку уносила его все выше, в сторону от поля, взбрыкивая и дергаясь.

«Не знаю, что там Гарри выделяет, – пробормотал Хагрид, глядя в бинокль. – Если бы я не был уверен в обратном, я бы сказал, что он потерял контроль над метлой. Но это не могло...» Внезапно все на трибунах стали показывать на Гарри. Его метла стала крутиться, а он едва ухитрился держаться на ней. По толпе прокатился вздох.

Метла совершила дикий рывок, и Гарри скатился с нее. Теперь он висел, держась на одной руке.

«С ней что-то случилось, когда Флинт стукнул его?» – прошептал Шэймус.

«Не понимаю, – сказал Хагрид дрожащим голосом. – Ничто не может подействовать на метлу за исключением могущественной черной магии – ни один ученик не сделает такого с Нимбус-2000». При этих словах Эрмиона схватила бинокль Хагрида, но вместо того чтобы смотреть на Гарри, начала неистово шарить им по толпе.

«Что ты делаешь?» – простонал посеревший лицом Рон.

«Так я и знала, – выдохнула Эрмиона. – Смотри – Снэйп!» Рон схватил бинокль. Снэйп стоял в середине трибуны напротив них. Он не отрываясь глядел на Гарри и все время что-то бормотал себе под нос.

«Он что-то шепчет – заколдовывает метлу», – сказала Эрмиона.

«Что же нам делать?»

«Предоставь это мне». Прежде чем Рон смог сказать что бы то ни было, Эрмиона исчезла. Рон снова направил бинокль на Гарри. Его метла так сильно дрожала, что за нее почти невозможно было держаться. Все вскочили на ноги, и в ужасе смотрели, как Висли подлетели чтобы попытаться пересадить Гарри на одну из их метел, но безуспешно – каждый раз, когда они приближались к нему, метла дергалась еще выше. Они спустились и образовали внизу круг, очевидно надеясь поймать Гарри, если тот упадет. Маркус Флинт подхватил Кваффл и никем не замеченный забил пять голов подряд.

«Давай же, Эрмиона», – отчаянно пробормотал Рон. Эрмиона пробила на трибуну, где стоял Снэйп, и сейчас бежала к нему по проходу сзади; она даже не остановилась, чтобы попросить прощения, когда толкнула профессора Квиррелла в нижний ряд. Добежав до Снэйпа, она пригнулась, вытащила волшебную палочку и прошептала несколько слов. Голубые огоньки перекинулись с ее палочки на край одежды Снэйпа. Наверное, только секунд через тридцать до Снэйпа дошло, что он горит. Внезапно раздавшийся вопль подсказал ей, что она справилась со своей задачей. Она сняла огонь с его одежды в маленький кувшинчик, лежавший у нее в кармане и стала проталкиваться обратно – Снэйпу никогда не удастся узнать, что произошло. Этого хватило. Гарри в воздухе внезапно смог вскарабкаться обратно на метлу.

«Невилл, теперь можно смотреть!» – объявил Рон. Последние пять минут Невилл рыдал в куртку Хагрида.

Гарри быстро спускался к земле, вдруг все на трибунах заметили, что он прижал руку ко рту, как будто его вот-вот стошнит, плюхнулся

на поле на четвереньках, закашлялся, и что-то золотое упало ему в руку.

«Я поймал снитч!» – завопил он, размахивая им над головой, и игра завершилась при всеобщем смятении.

«Он не поймал его, он почти его проглотил», – двадцать минут спустя все еще продолжал орать Флинт, но это ничего не меняло – Гарри не нарушил никаких правил и Ли Джордан радостно оглашал результат – Гриффиндор выиграл 170:60. Гарри, однако, ничего этого не слышал. В хижине Хагрида ему, а также Рону и Эрмионе готовилось по чашке крепкого чая.

«Это все Снэйп, – объяснял Рон, – Мы с Эрмионой видели. Он бормотал и проклинал твою метлу, он с тебя глаз не сводил».

«Чепуха, – отвечал Хагрид, который не слышал ни единого слова из того, что произошло возле него на трибуне. – Зачем Снэйпу делать что-то в этом роде?» Гарри, Рон и Эрмиона переглянулись, думая, что ему сказать. Гарри решил, что правду.

«Я кое-что о нем узнал, – рассказал он Хагриду. – Он пытался пройти мимо того трехглавого пса в ночь на Хэллоуин. Тот его укусил. Мы думаем, что он пытался стащить то, что пес охраняет». Хагрид выронил блюдо.

«Так вы знаете про Пушка?» – удивился он.

«Пушка?»

«Да, это мой пес – купил его у греческого мальчугана, которого встретил в пабе в прошлом году – я одолжил его Дамблдору, чтобы охранять...»

«Что?» – настойчиво спросил Гарри.

«Больше ни о чем не спрашивай, – резко оборвал себя Хагрид. – Это величайший секрет, вот что».

«Но Снэйп пытается его украсть».

«Чепуха, – повторил Хагрид. – Снэйп – преподаватель Хогвартса, он ничего подобного не сделает».

«Так почему он едва не убил Гарри?» – воскликнула Эрмиона. События этого дня определенно изменили ее мнение о Снэйпе.

«Я могу узнать злого колдуна, когда я его вижу, Хагрид, я все о них прочла. Им надо держать визуальный контакт, а Снэйп совсем не моргал, я видела!»

«А я вам говорю, что вы ошибаетесь! – горячо ответил Хагрид. – Я не знаю, почему метла Гарри так себя вела, но Снэйп бы не стал пытаться убить ученика! А теперь, вы трое, послушайте меня – вы ввязываетесь в дела, которые вас не касаются. Это опасно. Забудьте про пса и про то, что он охраняет, это останется между профессором Дамблдором и Николя Фламелем...»

«Ага! – подхватил Гарри, – так значит, тут замешан некто по имени Николя Фламель, не так ли?» Хагрид был очень, очень недоволен собой.

Глава двенадцатая. Зеркало Джедан

Приближалось Рождество. Одним декабрьским утром, Хогвартс проснулся погребенным под несколькими футами снега. Озеро замерзло, а близнецы Висли были наказаны за то, что заколдовали парочку снежков летать вокруг Квиррелла и стучать его сзади по тюрбану. Тех немногих сов, которые смогли принести почту сквозь ненастье, Хагриду пришлось лечить и выхаживать, прежде чем они снова смогли летать. Все никак не могли дождаться начала каникул – ведь если в гостиной Гриффиндора и в Большом зале гудело пламя каминов, то продуваемые сквозняками коридоры обледенели, а в окна классов стучался ветер. Хуже всего было на занятиях в подземельях у профессора Снэйпа, где изо рта валил пар, и они жались к своим котлам.

«Мне так жалко тех, кто остается в Хогвартсе на Рождество, – сказал на одном из уроков алхимии Драко Малфой, – ведь дома они никому не нужны!» При этом он поглядел на Гарри. Крабб и Гойл расхохотались, но Гарри, отмерявший истолченный хребет рыбы-льва, не обратил на них внимания. После небезызвестного матча квиддитча Малфой стал еще несносней. В раздражении от проигрыша Слитерина он попытался острить, что в следующей игре за ловца вместо Гарри может сыграть большеротая лягушка, но понял, что никто не находит это смешным. Все были под впечатлением того, как Гарри удержался на своей брыкающейся метле. Так что теперь Малфой, злясь и ревнуя, снова стал прохаживаться на счет того, что у Гарри нет нормальной семьи. Гарри и в самом деле не собирался возвращаться к Десли на Рождество. Когда профессор Мак-Гонагалл на прошлой неделе составляла список учеников, остающихся в школе на каникулы, Гарри, не задумываясь, записался. При этом он совсем не испытывал к себе жалости – это Рождество обещало стать самым лучшим за всю его жизнь. Рон с братьями тоже оставались, потому что мистер и миссис Висли собирались в Румынию, навестить Чарли. Выйдя из подземелий после алхимии, они обнаружили, что коридор перегорожен огромной

елкой. Из-под нее выглядывали две здоровенные ноги, и доносилось громкое пыхтение, ясно говорившее, что за елкой находится Хагрид.

«Привет, Хагрид, тебе помочь?» – спросил Рон, просовывая голову между ветвей.

«Да нет, все в порядке, спасибо, Рон».

«Нельзя ли пройти? – донесся сзади нарочито неторопливый голос Малфоя. – Пытаешься подработать, Висли? Надеешься тоже стать лесничим, когда закончишь Хогвартс? Мне кажется, конура Хагрида тебе должна казаться дворцом по сравнению с той хибаркой, к которой привыкла твоя семейка». Рон кинулся на Малфоя, но в этот момент на лестнице появился Снэйп.

«ВИСЛИ!» Рон отпустил Малфоя.

«Он его провоцировал, профессор Снэйп, – вступился Хагрид, высовывая заросшую физиономию из-за дерева. – Малфой оскорблял его семью».

«Как бы оно там ни было, драться в Хогвартсе – против правил, Хагрид, – вкрадчиво ответил Снэйп. – Пять баллов с Гриффиндора, Висли, и будь доволен, что не больше. Давайте, идите отсюда!» Малфой, Крабб и Гойл быстро протиснулись мимо дерева, сбивая иголки и самодовольно ухмыляясь.

«Доберусь я до него, – проскрежетал зубами Рон в спину Малфоя, – скоро доберусь...»

«Я их обоих ненавижу, – добавил Гарри, – и Малфоя, и Снэйпа.»

«Да что вы, право! Глядите веселей, уже почти Рождество, – ободрил их Хагрид. – И, вот что я вам скажу, пошли со мной, посмотрите на Большой зал, там просто здорово!» Вся троица проследовала за Хагридом и его елкой в Большой Зал, где профессор Мак-Гонагалл и профессор Флитвик занимались рождественскими украшениями.

«А, Хагрид, последняя елка – поставь ее в дальний угол, пожалуйста». Зал имел восхитительный вид. По стенам были развешаны гирлянды из падуба и омелы, и стояла, по меньшей мере, дюжина Рождественских елок – одни поблескивали крохотными сосульками, другие сияли сотнями свечей.

«Сколько вам осталось дней до каникул?» – поинтересовался Хагрид.

«Один единственный, – ответила Эрмиона. – И... кстати – Гарри, Рон, у нас есть еще полчаса до обеда, мы должны пойти в библиотеку».

«Да, ты права», – отозвался Рон, насилу отрывая глаза от профессора Флитвика, из палочки которого вылетали золотые шарики и развешивались на ветках новой елки.

«В библиотеку? – удивился Хагрид, выходя за ними из зала. – Перед каникулами? Это уж чересчур, вам не кажется?»

«Да нет, мы не учиться, – весело ответил Гарри, – с тех пор, как ты назвал имя Николя Фламеля, мы пытаемся узнать, кто это».

«Что-что? – Хагрид выглядел шокированным. – Послушайте – я же вам сказал оставить эту чепуху. Не ваше дело, что стережет тот пес».

«Мы просто хотим знать, кто такой Николя Фламель, и все», – ответила Эрмиона.

«Если только ты нам не скажешь и не сэкономишь время, – добавил Гарри. – Мы уже прочли, наверное, сотни книг, но нигде не можем найти. – Ну хоть намекни нам – я уверен, что где-то это имя мне попало».

«Ничего не скажу», – твердо ответил Хагрид.

«Ну что же, придется искать самим», – вздохнул Рон. Они оставили рассерженного Хагрида и поспешили в библиотеку.

Имя Фламеля они и в самом деле искали с того момента, как Хагрид его произнес – ведь как же им еще было выяснить, что пытался украсть Снэйп? Вся штука была в том, что непонятно откуда начать, не зная, за что мог попасть в книги Фламель. Его не было ни в Великих волшебниках двадцатого века, ни в Известных магах нашего времени, отсутствовал он и в Важных магических открытиях наших дней, и в Изучении новейших достижений колдовства. Была еще, правда, вся остальная библиотека: десятки тысяч книг, тысячи полок, сотни узких проходов. Эрмиона вытаскивала список книг, в которых хотела порыться, Рон зашагал по проходу, на удачу вытаскивая книги с полок, а Гарри дошел до Запретной секции. Некоторое время он раздумывал, не содержится ли имя Фламеля где-то в ней. К сожалению, чтобы посмотреть запретную книгу, требовалась записка, подписанная преподавателем, а он знал, что получить такую ему не светит. В этих книгах описывалась сильная черная магия, которой никогда не учили в

Хогвартсе. Эти книги читали только старшекурсники, изучающие высшее искусство защиты от черных сил.

«Что ты ищешь, мальчик?»

«Да ничего», – ответил Гарри. Мадам Пинс – библиотекарша указала ему на дверь метелкой для пыли.

«Тогда лучше иди отсюда. Давай, давай!» Гарри вышел из библиотеки, сожалея, что он недостаточно изворотлив, чтобы выдумать на ходу какую-нибудь историю. Он, Рон и Эрмиона заранее договорились, что лучше не спрашивать мадам Пинс, где найти Фламель. Они были уверены, что она могла бы им подсказать, но не хотели, чтобы Снэйп подслушал их разговор и догадался, что они ищут. Гарри подождал в коридоре, чтобы узнать, не нашли ли что-нибудь остальные, хотя и не очень на это надеялся. Искали они вот уже две недели, но поскольку в их распоряжении были только короткие перерывы между занятиями, неудивительно, что найти ничего не удавалось. Может они и смогли бы найти что-нибудь, но только если бы мадам Пинс не дышала в затылок. Через пять минут Рон и Эрмиона присоединились к нему, покачивая головами, и они пошли обедать.

«Вы ведь продолжите искать без меня? – спросила Эрмиона. – Пошлите мне сову, если что-нибудь обнаружите».

«А ты могла бы спросить своих родителей, кто такой Фламель, – посоветовал Рон. – Это не будет выглядеть подозрительно».

«Да уж, куда там, – отозвалась Эрмиона. – Они оба дантисты». Но, когда начались каникулы, Рон и Гарри слишком хорошо проводили время, чтобы задумываться о Фламеле. Они остались одни в спальне, да и в гостиной было свободней, чем обычно, и у них получалось захватить хорошие кресла у камина. Так они просиживали часами, поедая то, что могли поджарить на огне: хлеб, булочки, алтей, и изобретали способы, как можно было бы добиться исключения Малфоя. О них было приятно поговорить, даже если они никогда не сработают.

А еще Рон начал учить Гарри играть в колдовские шахматы. Они очень напоминали шахматы магглов, только фигуры в них были живыми, что превращало игру в управление войсками на поле боя. Набор Рона был очень старый и потрепанный. Как и все, что у него было, он принадлежал одному из его родственников – в данном случае деду. Однако старые фигуры были отнюдь не слабаками. Рон настолько

хорошо их знал, что без проблем заставлял их делать то, что ему нужно.

Гарри играл набором, который ему одолжил Шэймус Финниган, и эти фигуры ему не доверяли. Он еще не стал хорошим игроком, и они непрерывно давали ему советы, смущая его.

«Не ставь меня туда, не видишь что ли его слона? Походи вот им, мы можем позволить его потерять!»

В сочельник Гарри отправился спать, ожидая, что следующий день принесет еду и развлечения, но никак не подарки. Но когда он проснулся утром, первое, что представилось его глазам, была небольшая горка пакетов в ногах кровати.

«Счастливого Рождества», – сонно пробормотал Рон, когда Гарри выскочил из кровати и напялил халат.

«И тебе тоже, – крикнул Гарри. – Ты только погляди! Я получил подарки!»

«А чего ты ожидал, кучу репы?» – удивился Рон, поворачиваясь к своей груди, которая была намного больше, чем у Гарри. Гарри взял верхний пакет. Он был завернут в тонкую коричневую бумагу, и на нем было нацарапано «Гарри от Хагрида». Внутри была грубо вырезанная деревянная флейта. Хагрид, очевидно, вырезал ее сам. Гарри подул в нее – раздался звук похожий на крик совы. Во втором очень маленьком пакете была записка.

«Мы получили твое письмо и шлем тебе подарок на Рождество. От дяди Вернона и тети Петунии».

К записке было приклеено пятьдесят пенсов.

«Очень любезно», – отметил Гарри. Рон был заморожен монеткой.

«Как странно! – удивился он. – Что за форма! Это деньги?»

«Можешь взять, – рассмеялся Гарри, глядя, как обрадовался Рон. – Так, это были Хагрид и тетя с дядей – а кто же послал эти?»

«Я думаю, что знаю, от кого они, – ответил Рон, слегка краснея, и указывая на очень пухлый пакет. – От моей мамы. Я сказал ей, что тебе не от кого ждать подарков и – о, нет... – простонал он, – она связала тебе семейный свитер Висли».

Гарри разорвал пакет и обнаружил в нем толстый зеленый свитер ручной работы и большую коробку домашней помадки.

«Каждый год она вяжет свитера, – сказал Рон, распаковывая свой. – Мне всегда достается бордовый».

«Это очень мило с ее стороны», – сказал Гарри, пробуя помадку, оказавшуюся на редкость вкусной. Следующим его подарком тоже стали сладости – большая коробка шоколадных лягушек от Эрмионы. Оставался только один пакет. Гарри поднял его и пощупал прежде чем распаковать – пакет был очень легкий. Нечто текучее и серебристое выскользнуло на пол и свернулось блестящими кольцами. Рон глубоко вздохнул.

«Я слышал о них, – сказал он приглушенно, роняя упаковку Бобов с Любым Вкусом, полученную от Эрмионы. – Если это то, о чем я думаю – он действительно редкий и действительно ценный».

«Так что это?»

Гарри поднял сияющее, серебристое полотно с пола. Оно было странным на ощупь, как будто в материал была вплетена вода.

«Это плащ-невидимка, – пояснил Рон с выражением благоговения на лице. – Я уверен, что это он – попробуй, надень». Гарри набросил плащ на плечи и Рон издал радостный вопль.

«Это он! Погляди вниз!»

Гарри поглядел на ноги, но их не было. Он бросился к зеркалу. Точно, там было его отражение – в воздухе висела одна голова, тело стало абсолютно невидимым. Он набросил плащ на голову, и отражение исчезло совсем.

«Тут записка! – воскликнул вдруг Рон. – Из него выпала записка!» Гарри снял плащ и схватил письмо. Оно было написано узким, витиеватым почерком, которого он никогда раньше не видел, и содержало в себе следующее:

«Твой отец оставил его мне на сохранение перед смертью. Настало время вернуть его тебе. Пользуйся им с умом. Счастливого Рождества». Подписи не было. Гарри глядел на записку. Рон с восхищением рассматривал плащ.

«Я бы все отдал за такой, – сказал он. – Все что угодно. В чем дело?»

«Ни в чем», – ответил Гарри. Он очень странно себя почувствовал. Кто же послал ему плащ? В самом ли деле он принадлежал его отцу?

Прежде чем он смог хоть слово сказать, дверь спальни распахнулась и ворвались Фред и Джордж Висли. Гарри быстро убрал

плащ, ему пока не хотелось кому-то еще его показывать.

«Счастливого Рождества!»

«Эй, ты глянь – и Гарри получил наш семейный свитер!» На Фреде и Джордже были надеты голубые свитера, один с большей желтой буквой Ф, а другой с Д.

«Хотя у Гарри он лучше, – заметил Фред, поднимая свитер Гарри. – Она, видимо сильнее старается, если ты не из нашей семьи».

«А почему же ты не носишь свой, Рон? – поинтересовался Джордж. – Ну, давай же, он красивый и теплый».

«Ненавижу бордовый», – простонал Рон полуискренне, натягивая свитер на голову.

«На ваших нет букв, – заметил Джордж. – Полагаю, она думает, что вы не забудете, как вас зовут. Но мы же не дураки, мы знаем, что нас зовут Дред и Фордж».

«Чего расшумелись?» – в дверь просунулась голова Перси Висли, который неодобрительно посмотрел на них. Очевидно, он тоже распаковывал свои подарки, потому что в руках у него был еще один пухлый свитер. Фред выхватил его.

«П» значит префект! Надень его, Перси, давай же, мы все надели свои, даже Гарри один достался».

«Да, не хочу я», – глухо бормотал Перси, когда близнецы натянули свитер ему на голову, сбив на бок очки.

«И сегодня будешь сидеть не с префектами, – добавил Джордж. – Рождество – семейный праздник». И они потащили Перси из комнаты, ухватив его за свитер. Никогда еще в жизни у Гарри не было такого рождественского ужина! Сотня жирных поджаристых индюшек; горы жареной и вареной картошки; блюда с колбасками; обильно политый маслом горошек, полные до краев серебряные соусники с мясным и клюквенным соусом и груды волшебных хлопушек повсюду на столе. Эти фантастические вещицы ничем не напоминали жалкие хлопушки магглов, которые обычно покупали Десли, с их пластмассовыми игрушками и колпаками из папиросной бумаги внутри. Гарри и Фред подорвали одну из них, и она не просто хлопнула, а выстрелила как пушка и окутала их клубами голубого дыма, при этом из нее появились контр-адмиральская треуголка и несколько живых белых мышей. За Высоким столом Дамблдор сменил свой пятнистый колдовской колпак на шляпку с цветами и весело хохотал над шуткой, которую ему

прочел профессор Флитвик. За индюшками последовал пылающий рождественский пудинг. Перси едва не сломал зубы о серебряную подкову, оказавшуюся в его куске. Гарри видел, как Хагрид, покрасневшись, требовал еще и еще вина и, наконец, поцеловал профессора Мак-Гонагалл в щеку, на что та, к изумлению Гарри, захихикала и вспыхнула, а ее шляпка съехала набок.

Когда Гарри наконец встал из-за стола, карманы его были набиты кучей вещей из хлопушек. Среди них была пачка не лопающихся светящихся воздушных шариков, набор Вырасти-Себе-Бородавку, и его собственный новый набор фигур для волшебных шахмат. Белые мыши исчезли, и в душу Гарри закралось неприятное подозрение, что они окончат свою жизнь в качестве рождественского ужина Миссис Норрис. Гарри и братья Висли весело провели остаток дня, ожесточенно сражаясь в снежки во дворе. Потом, продрогшие, вымокшие и запыхавшиеся, они вернулись к камину в гриффиндорской гостиной, где Гарри обновил свои новые шахматы, эффектно проиграв Рону. Впрочем, он подозревал, что поражение не было бы столь разгромным, если бы Перси давал ему меньше советов. После того, как они подкрепились сэндвичами с индюшатиной, пончиками, бисквитами и рождественским пирогом, все почувствовали, что наелись и хотят спать, а потому перед сном только и могли, что сидеть и наблюдать, как Перси гоняется по всей башне за Фредом и Джорджем, стащившими его префектский значок. Да, это было самое лучшее Рождество, какое только было у Гарри. Но весь день что-то продолжало вертеться у него в голове. И лишь добравшись до постели, он понял что – плащ-невидимка и тот, кто его послал. Рон наелся индейкой и пирогами и, поскольку никакая тайна его не волновала, глубоко заснул, едва расстелил свою кровать под балдахином. Гарри свесился с кровати и вынул из-под нее свой плащ. Плащ его отца... его отца. Он перепустил плащ из руки в руку. Тот был глаже шелка и легкий как воздух. Пользуйся им с умом, гласила записка. Плащ следовало опробовать и немедленно. Гарри выскользнул из постели и завернулся в него. Глянув вниз на ноги, он увидел только лунный свет и тени, это было очень занятное ощущение. Пользуйся им с умом. Внезапно, последние остатки сна покинули Гарри. Весь Хогвартс был открыт для него в этом Плаще. Волнение захлестнуло его среди темноты и тишины. Он мог пойти в этом Плаще куда угодно

– в любое место, и Филч ни о чем не узнает. Рон забормотал во сне. Может, стоило разбудить его? Но что-то удержало Гарри от этого – ведь этот плащ принадлежал его отцу, и он чувствовал, что в этот, самый первый раз, он должен воспользоваться им сам.

Он выбрался из спальни, прошел вниз по лестнице, через гостиную и протиснулся сквозь дыру в портрете.

«Кто это?» – вскрикнула Толстушка. Гарри ничего не ответил и быстро зашагал по коридору. Куда же пойти? Он остановился с сильным сердцебиением и задумался. И тут его озарило. Секция Запретных книг в библиотеке. Он сможет читать столько, сколько захочет, пока не выяснит, кто такой Фламель. Туда то он и отправился, на ходу плотнее запахивая плащ-невидимку. В библиотеке было темно, хоть глаз выколи, и очень страшно. Гарри зажег лампу, чтобы видеть, куда идти. Казалось, что лампа просто плывет в воздухе, и хотя Гарри чувствовал, что держит ее в руке, от этого зрелища мурашки пробежали у него по спине. Запретный отдел располагался в задней части библиотеки. Аккуратно перешагнув через веревку, отделявшую эти книги от остальных, он поднял лампу, чтобы прочесть заголовки. Но заголовки не много проясняли. Их облезшие, выцветшие золотые буквы составляли слова на непонятных Гарри языках. На некоторых совсем не было названия. На одной книге расплзлось темное пятно, до ужаса напоминавшее кровь. Волосы встали дыбом у Гарри на затылке. Может, ему только казалось, но книги будто перешептывались, зная, что кто-то посторонний находится среди них. Поскольку откуда-то надо было начинать, он осторожно поставил лампу на пол и стал выискивать на нижней полке что-нибудь интересное. Его внимание привлек большой том в черном с серебром переплете. Он вытащил его с трудом, поскольку том был очень тяжелый и, примостив на колене, раскрыл. Пронзительный, леденящий кровь вопль разорвал тишину – книга невыносимо кричала! Гарри захлопнул ее, но крик не утихал, звуча на все той же высокой, непрерывной, оглушающей ноте. Он оступился и опрокинул свою лампу, которая сразу же погасла. В панике он услышал шаги в коридоре снаружи – задохнул голосящую книгу обратно на полку и поспешил на звук шагов. В дверях он едва разминутся с Филчем, который посмотрел прямо сквозь него своими бледными, дикими глазами. Гарри проскочил под вытянутой рукой Филча и помчался

прочь по коридору, а вопли книги все звенели у него в ушах. Внезапно он остановился перед высокими доспехами. Он так хотел поскорее убраться из библиотеки, что совершенно не замечал, куда бежит. Возможно из-за темноты, он совершенно не понимал, куда он попал. Насколько ему было известно, такие доспехи стояли возле кухни, но сейчас он должен был быть этажей на пять выше.

«Вы просили меня идти прямо к вам, профессор, если кто-нибудь будет шататься по ночам, и вот, кто-то был в Запретной секции библиотеки». Гарри почувствовал, как кровь отхлынула у него от лица. Где бы он ни был, Филч, должно быть, знал короткий путь в это место, потому что его мягкий, слащавый голосок приближался. К ужасу Гарри Филчу ответил Снэйп.

«Запретная секция? Ну, что ж, они не могли далеко уйти. Мы их поймаем». Гарри прирос к месту, когда Филч и Снэйп завернули за угол. Конечно, они не могли его видеть, но коридор был узким, и если они пройдут рядом, то неминуемо наткнутся на него – плащ не делал его бесплотным. Он попятился назад так быстро, как только мог. Слева от него дверь была приоткрыта. Это была его единственная надежда. Он проскользнул в нее, задержав дыхание и пытаясь не пошевелить ее. К своему облегчению, он ухитрился сделать это незаметно для них. Филч и Снэйп прошагали мимо, и Гарри прислонился к стене, глубоко дыша и прислушиваясь, как их шаги исчезают вдалеке. Еле-еле пронесло. Прошло несколько секунд, прежде чем он рассмотрел комнату, в которой оказался.

Она выглядела, как заброшенный класс. По стенам один на другом стояли столы и стулья, не перевернутая корзина для бумаг... Но возле одной стены было что-то постороннее, как будто убранное сюда подальше от посторонних глаз. Это было величественное зеркало высотой до потолка, в богатой золотой раме, стоявшее на двух когтистых лапах. По верху его была вырезана надпись: «У джедан юун йата оцилен юаж артоя». Успокоившись, поскольку Филча и Снэйпа было не слышно, Гарри подошел к зеркалу, желая снова глянуть на себя и не увидеть отражения, и встал перед ним. Ему пришлось зажать руками рот, чтобы не вскрикнуть. Он повернулся вокруг себя. Его сердце забилося еще сильнее, чем когда завопила книга – в зеркале Гарри увидел не только себя, но и целую толпу людей, стоящих прямо

за ним. Но комната была пуста. Часто дыша, он медленно повернулся обратно к зеркалу.

Да, в зеркале отражался он, побелевший и испуганный, и позади него отражалось еще как минимум человек десять. Гарри поглядел через плечо, но там по-прежнему никого не было. Или они все тоже были невидимы? Может, он в самом деле находился в комнате полной невидимок, а зеркало имело способность их всех отражать, несмотря на то видимы они или нет? Он снова поглядел в зеркало. Женщина, стоявшая прямо позади его отражения, улыбнулась и помахала ему рукой. Он протянул руку и пощупал воздух позади себя. Если бы она действительно там была, он бы дотронулся до нее, настолько близко были их отражения, но почувствовал он только воздух – она и остальные существовали только в зеркале.

Женщина была очень красива. У нее были темно-рыжие волосы, а глаза – ее глаза похожи на мои, подумал Гарри, придвигаясь поближе к зеркалу. Ярко-зеленые и в точности той же формы. Тут он заметил, что женщина плакала; улыбалась и плакала одновременно. Стоявший рядом с ней высокий, худой, черноволосый мужчина, обнял ее рукой. Он носил очки, а его волосы были сильно растрепаны. На затылке они топорщились, как у Гарри. Гарри придвинулся настолько близко к зеркалу, что почти касался носом своего отражения.

«Мама? – прошептал он. – Папа?» Они по-прежнему смотрели на него и улыбались. Тогда Гарри медленно посмотрел на лица других людей в зеркале и увидел другие пары таких же зеленых глаз, носы, похожие на его нос, даже маленького старичка, у которого были такие же, как у Гарри острые коленки – он первый раз в жизни смотрел на свою семью. Поттеры улыбались и махали Гарри руками, а он жадно глядел на них, прижав руки к стеклу, как будто надеялся провалиться сквозь зеркало и дотянуться до них. Сильная боль раздирала его изнутри – наполовину радость, наполовину страшная печаль. Он не знал, сколько простоял там. Отражения не исчезали, и он все смотрел и смотрел, пока отдаленный шум не вернул его к реальности. Он не мог оставаться здесь, надо было найти дорогу обратно в спальню. Он насилие оторвал глаза от лица матери, прошептал:

«Я еще вернусь» и выбежал из комнаты.

«Мог бы разбудить меня», – сердито сказал Рон.

«Ты можешь пойти сегодня, я хочу вернуться туда, хочу показать тебе то зеркало».

«Я бы хотел взглянуть на твоих папу и маму», – с интересом сказал Рон.

«А я хочу посмотреть на твою семью, на всех Висли, ты сможешь показать мне твоих остальных братьев и всех прочих».

«Ты и так их всех можешь увидеть», – ответил Рон. – Заезжай ко мне этим летом.

Может быть, оно показывает только умерших. Плохо только, что не получилось найти Фламеля. Да ты бы взял себе бекона или еще чего – почему ты ничего не ешь?»

Гарри не мог есть. Он увидел своих родителей и сегодня ночью увидит их снова. Он почти позабыл про Фламеля. Это больше не казалось важным. Кому какое дело, что там стережет этот трехглавый пес? Кому какое дело, если Снэйп действительно это утащит?»

«С тобой все в порядке? – поинтересовался Рон. – Ты странно выглядишь». Гарри больше всего боялся, что не сможет снова отыскать комнату с зеркалом. Поскольку плащом был накрыт теперь еще и Рон, им пришлось идти намного медленнее. Они попытались восстановить путь Гарри от библиотеки и пробродили по темным переходам битый час.

«Я замерзаю, – пожаловался Рон. – Давай забудем и пойдем назад».

«Ты что! – зашипел на него Гарри. – Я знаю, что оно где-то здесь.» Они прошли мимо призрака высокой ведьмы, проскользившего им навстречу, но больше никого не увидели. Когда Рон начал стонать, что его ноги намертво отморожены, Гарри заметил доспехи.

«Это здесь – вот – вот она!» Они распахнули дверь. Гарри опустил плащ на плечи и подбежал к зеркалу. Они были здесь. Его отец и мать улыбались, заметив его.

«Видишь?» – прошептал Гарри.

«Ничего не вижу».

«Смотри же! Посмотри на них... там их толпа...»

«Я вижу только тебя».

«Посмотри как следует, давай же, стань там, где я».

Гарри отошел в сторону, но когда перед зеркалом встал Рон, он больше не видел свою семью, а только Рона в пестрой пижаме. Однако, Рон не отрываясь смотрел на свое отражение.

«Посмотри на меня!» – воскликнул он.

«Ты видишь свою семью вокруг себя?»

«Нет, я один – но я не такой – я выгляжу старше – и... я главный префект!»

«Что?»

«Да – у меня значок, какой был у Билла – я держу кубок колледжа и кубок по квиддитчу – я еще и капитан команды». Рон отвел глаза от этого восхитительного зрелища, и возбужденно взглянул на Гарри.

«Ты думаешь, это зеркало предсказывает будущее?»

«Да нет! Все мои родственники мертвы – дай посмотреть еще раз...»

«Оно было в твоём распоряжении всю прошлую ночь, дай мне еще поглядеть».

«Ты всего лишь держишь кубок, что в этом такого? Я хочу увидеть родителей».

«Не пихайся...» Внезапный шум в коридоре положил конец дискуссии. Только теперь они поняли, насколько раскричались.

«Быстро!» Рон накинул Плащ обратно, как раз успев до того, как в двери появились светящиеся глаза Миссис Норрис. Рон и Гарри не шевелились, думая об одном и том же – делает ли Плащ их невидимыми для кошек? Казалось, прошло столетие, прежде чем она развернулась и ушла.

«Здесь небезопасно, она могла пойти за Филчем, готов поспорить, она нас слышала. Пошли». И Рон вытащил Гарри из комнаты. На следующее утро снег все еще не растаял.

«Сыграем в шахматы, Гарри?» – предложил Рон.

«Нет».

«Может пойдем, навестим Хагрида?»

«Нет... иди ты один...»

«Я знаю, о чем ты думаешь, Гарри, об этом зеркале. Не возвращайся туда сегодня».

«Это почему же?»

«Не знаю, у меня дурное предчувствие – да ты уже много раз был на волоске. Филч, Снэйп, Миссис Норрис шныряют повсюду. Ну и что с того, что они не видят тебя? Что если они на тебя натолкнутся? Что если ты что-нибудь опрокинешь?»

«Ты рассуждаешь как Эрмиона».

«Я серьезно, Гарри, не ходи». Но у Гарри в голове засела одна единственная мысль – вернуться к зеркалу. И Рон его не остановит. В третью ночь он нашел дорогу быстрее, чем раньше. Он шел быстро, хотя и понимал, что производит шума больше чем надо, но, тем не менее, никого не встретил. Ему снова улыбались мать и отец, а один из дедушек обрадовано кивал головой. Гарри присел на пол перед зеркалом. Ничто не могло удержать его в желании провести всю ночь со своей семьей. Ничто на свете. За исключением одного...

«Итак, ты снова здесь, Гарри?» Гарри почувствовал, как у него заledenело все внутри. Он обернулся. На одном из столов у стены сидел никто иной, как Албус Дамблдор. Гарри, видимо, прошел мимо него, не заметив, настолько отчаянно он хотел добраться до зеркала.

«Я не заметил вас, сэр».

«Странно, насколько близоруким может сделать тебя невидимость», – сказал Дамблдор, и Гарри почувствовал облегчение, когда увидел, что тот улыбается.

«Итак, – произнес Дамблдор, соскальзывая со стола и усаживаясь на полу рядом с Гарри, – ты, как и сотни людей до тебя, открыл наслаждения зеркала Джедан».

«Я не знал, что оно так называется, сэр».

«Но, я думаю, теперь ты понял, что оно делает?»

«Оно... ну... оно показывает мне мою семью...»

«А твоему другу Рону, оно показало его главным префектом Хогвартса».

«Откуда вы знаете...?»

«Мне не нужен плащ, чтобы стать невидимым, – мягко сказал Дамблдор. – Так можешь ли ты теперь сказать, что всем нам показывает зеркало Джедан?» Гарри покачал головой.

«Позволь мне объяснить. Счастливейший человек на земле сможет использовать зеркало Джедан как нормальное зеркало, то есть, он посмотрит в него и увидит себя таким, какой он есть. Это поможет тебе?»

Гарри задумался и медленно сказал:

«Оно показывает то, что мы хотим... что бы это ни было».

«И да, и нет, – спокойно ответил Дамблдор. – Оно показывает ничто иное, как глубочайшие, безнадежнейшие желания, скрытые в наших сердцах. Ты, никогда не знавший свою семью, увидел, как они

стоят вокруг тебя. Рональд Висли, всегда бывший в тени своих братьев, видит себя в одиночестве, лучшим из всех. Однако зеркало никогда не расскажет нам правду. Люди чахли перед ним, замороженные тем, что видели, или сходили с ума, не зная, показывает ли оно реальное или хотя бы возможное.

«Зеркало завтра будет перенесено в другое место, Гарри, и я прошу тебя не искать его снова. Если ты когда-нибудь снова с ним столкнешься, ты будешь готов к этому. Не стоит жить в мечтах и забывать о жизни, помни об этом. Так почему бы тебе снова не надеть этот прекрасный Плащ и не отправиться в постель?» Гарри поднялся.

«Сэр, профессор Дамблдор, можно вас о чем-то спросить?»

«Ты уже только что это сделал, – улыбнулся Дамблдор. – Но, тем не менее, можешь спросить еще о чем-нибудь одном».

«А что видите вы, когда смотрите в это зеркало?»

«Я? Я вижу себя с парой толстых шерстяных носков». Гарри в удивлении поднял на него глаза.

«У меня никогда не хватает носков, – пояснил Дамблдор. – Прошло еще одно Рождество, а мне не подарили ни одной пары. Люди упорно дарят мне книги». Только когда Гарри вернулся в постель, ему показалось, что Дамблдор мог покривить душой. Но ведь это, подумал он, стряхивая Скабберса с подушки, был очень личный вопрос.

Глава тринадцатая. Николя Фламель

Дамблдор убедил Гарри, что он не должен больше искать зеркало Джедан, и до конца зимних каникул плащ-невидимка пролежал на дне его чемодана. Гарри хотел бы так же просто забыть, что он видел в зеркале, но не мог. У него начались кошмары. Ему снились родители, исчезающие во вспышке зеленого пламени, и холодный смеющийся голос.

«Вот видишь, Дамблдор был прав, зеркало может свести с ума», – сказал Рон, когда Гарри рассказал ему об этих снах.

Эрмиона, вернувшаяся за день до начала семестра, имела другой взгляд на вещи. Она пришла в ужас от мысли, что Гарри не спал, блуждая по школе три ночи подряд («Если бы Филч тебя поймал!») и была очень разочарована известием, что они еще не выяснили, кто такой Николя Фламель. Они уже почти потеряли надежду, найти его где-нибудь в библиотечной книге, хотя Гарри все равно был уверен, что где-то видел это имя. Но поскольку семестр начался, у них опять было десять минут на перемене, чтобы пролистать книги. У Гарри даже меньше времени, потому что у него снова начались тренировки по квиддитчу. Вуд гонял их гораздо больше обычного. Даже бесконечный дождь, ливший вместо снега, не мог испортить ему настроения. Висли говорили, что у Вуда поехала крыша, но Гарри был на его стороне. Если они выиграют следующий матч, против Хаффлпаффа, они обгонят Слитерин в чемпионате колледжей, первый раз за семь лет. И кроме желания победить, Гарри замечал, что после тренировок ему не снятся кошмары. Но в один особенно мокрый и грязный вечер, Вуд поведал им плохую новость. Он разозлился на Висли, которые пикировали друг на друга и делали вид, что сейчас свалятся с метел.

«Перестаньте придуриваться! – рявкнул он. – Как раз из-за этого мы можем пропустить весь матч! Снэйп будет судить и он с удовольствием ухватится за любой предлог, чтобы снять очки с

Гриффиндора!» При этих словах Джордж Висли и в самом деле свалился с метлы.

«Снэйп судит? – спросил он, выплевывая грязь. – Разве он когда-нибудь судил квиддитч? Да он же будет подсуживать, если у нас будет шанс обойти Слитерин!» Все остальные приземлились рядом с Джорджем и тоже начали жаловаться.

«Я тут ни причем, – сказал Вуд. – Нам просто нужно сыграть очень чисто, чтобы Снэйпу было не за что прицепиться». Все это конечно, просто замечательно, но у Гарри была другая причина, почему он не хотел, чтобы Снэйп был рядом, когда он играет в квиддитч...

После тренировки все как обычно остались поболтать, но Гарри направился прямо в гостиную Гриффиндора, где Рон и Эрмиона играли в шахматы. Это была единственная игра, в которую Эрмиона когда-нибудь проигрывала, а Рон и Гарри считали, что это идет ей на пользу.

«Подожди минутку, – сказал Рон, когда Гарри присел рядом с ним, – мне надо сосредоточиться, – он бросил взгляд на лицо Гарри. – Что случилось? Ты ужасно выглядишь». Шепотом, чтобы никто больше не слышал, Гарри рассказал им о внезапном и скверном желании Снэйпа судить матч.

«Не играй», – сказала Эрмиона сразу.

«Скажи, что заболел», – предложил Рон.

«Притворись, что сломал ногу», – добавила Эрмиона.

«В самом деле сломай ногу», – сказал Рон.

«Не могу, – ответил Гарри. – У Гриффиндора нет второго ловца. Если я откажусь, Гриффиндор вообще не сможет играть». В этот момент в комнату ввалился Невилл. Оставалось только догадываться, как ему удалось пролезть сквозь портрет, потому что его ноги были связаны запирающим проклятием. Должно быть, ему пришлось прыгать всю дорогу до Гриффиндорской Башни. Все расхохотались, кроме Эрмионы, которая подбежала к нему и произнесла контрпроклятие. Невилл, дрожа, поднялся на ноги.

«Что случилось?» – спросила Эрмиона, усаживая его рядом с Гарри и Роном.

«Малфой, – сказал Невилл несчастно. – Я встретил его около библиотеки. Он сказал, что как раз искал кого-нибудь, чтобы попрактиковаться».

«Иди к профессору Мак-Гонагалл! – настаивала Эрмиона. – Надо сказать ей об этом!» Невилл покачал головой.

«Хватит с меня неприятностей», – пробормотал он.

«Тебе надо пожаловаться на него Невилл! – сказал Рон. – Он привык издеваться над всеми, но не стоит ложиться ковриком, чтобы ему было проще».

«Не надо говорить мне, что у меня недостаточно храбрости, чтобы быть в Гриффиндоре. Малфой мне уже это объяснил», – выдавил Невилл. Гарри нащупал в своем кармане шоколадную лягушку, последнюю из тех, что Эрмиона подарила ему на Рождество. Он протянул ее Невиллу, который казалось вот-вот расплчется.

«Ты стоишь двенадцати Малфоев, – сказал он. – Сортировочная шляпа определила тебя в Гриффиндор, ведь так? А Малфой где? В вонючем Слитерине». Невилл попытался слабо улыбнуться, разворачивая Лягушку.

«Спасибо, Гарри... Наверное, пойду спать... Тебе нужна карточка, ведь ты их собираешь?» Когда Невилл ушел, Гарри бросил взгляд на фотографию Знаменитого Волшебника.

«Опять Дамблдор, – сказал он. – Это была первая карточка, которую...» Он открыл рот. Он смотрел на обратную сторону карточки. Потом поднял взгляд на Рона и Эрмиону.

«Я нашел его! – прошептал он. – Я нашел Фламеля! Я же говорил, что уже где-то видел его имя, я прочитал его в поезде, когда мы ехали сюда. Слушайте: „Дамблдор особенно известен за победу над темным колдуном Гриндеволдом в 1945, за открытие двенадцати способов использования крови дракона, и работы в алхимии в соавторстве с Николя Фламелем!“ Эрмиона вскочил на ноги. Она еще ни разу не выглядела такой радостной, кроме разве что случая, когда они получили свои первые проверенные домашние работы.

«Оставайтесь здесь!» – сказала она и взлетела по лестнице в спальню к девочкам. Гарри и Рон едва успели обменяться удивленными взглядами, когда она вернулась, сжимая в руках огромную старую книгу.

«Я никогда не думала посмотреть здесь! – возбужденно прошептала она. – Я взяла это из библиотеки несколько недель назад, чтобы почитать в качестве развлечения».

«В качестве развлечения?» – спросил Рон, но Эрмиона попросила его помолчать, пока она не найдет кое-что, и начала быстро перелистывать страницы, бормоча себе под нос. Наконец, она нашла то, что искала.

«Я знала! Я так и знала!»

«Мы уже можем говорить?» – спросил Рон сердито, но Эрмиона не обратила внимания.

«Николя Фламель, – прошептала она патетично, – единственный создатель философского камня!» Эффекта не получилось.

«Чего?» – сказали Гарри и Рон.

«Вы что вообще не читаете дополнительную литературу? Вот прочтите это». Она придвинула им книгу, Гарри и Рон прочли:

«Изучение алхимии с древнейших времен связано с поиском философского камня, легендарного вещества, обладающего удивительными свойствами. Этот камень может превратить любой металл в чистое золото. С помощью него можно приготовить эликсир жизни, который дарует бессмертие пьющему. В течение сотен лет ходят всевозможные рассказы о философских камнях, но единственный известный сейчас камень принадлежит мистеру Николя Фламелью, известному алхимику и любителю оперы. Мистер Фламель, отпраздновавший в прошлом году свое шестьсотшестидесятипятилетие, наслаждается спокойной деревенской жизнью в Девоне, вместе со своей женой Перенеллой (шестьсот пятьдесят восемь)».

«Вот видите? – сказала Эрмиона, когда они дочитали. – Пес охраняет камень Фламеля! Держу пари, он попросил Дамблдора беречь этот камень, потому что они друзья, и за камнем кто-то охотится, вот почему он хотел, что его забрали из Гринготтс!»

«Камень делает золото и дарует бессмертие! – сказал Гарри. – Неудивительно, что Снэйп мечтает его заполучить! Да он всем нужен».

«И не удивительно, что мы не нашли Фламеля в Изучении новейших достижений колдовства, – добавил Рон. – Он не совсем новейший, если ему шестьсот шестьдесят пять, а?» На следующее утро на уроке защиты от темных сил, переписывая разные способы лечения укуса оборотня, Гарри и Рон обсуждали, что они сделали бы, если бы у них был камень волшебника. Пока Рон не сказал, что купил

бы собственную команду квиддитча, Гарри совсем забыл о Снэйпе и приближающемся матче.

«Я буду играть, – сказал он Рону и Эрмионе. – Иначе Слитерин решит, что я боюсь Снэйпа. Я им покажу... они забудут, как смеяться, если мы победим».

«Если только нам не придется уносить тебя с поля», – заметила Эрмиона.

Матч все приближался, и Гарри волновался все больше и больше, что бы он ни говорил Рону и Эрмионе. Вся команда была взбудоражена. Как замечательно было бы обойти Слитерин в чемпионате колледжей, он держал первое место уже семь лет, но смогут ли они выиграть с таким предубежденным судьей? Гарри не знал, может, ему только кажется, что куда бы он ни пошел – везде сталкивается со Снэйпом. Временами, ему мерещилось, что Снэйп следит за ним, пытаясь застать его одного. Уроки алхимии превратились в еженедельную пытку, потому что Снэйп постоянно шпынял Гарри. Может, он узнал, что Гарри стало известно о философском камне? Гарри не мог понять как – хотя иногда его посещала ужасная догадка, что Снэйп обладает способностью читать мысли.

Гарри понимал, когда они пожелали ему удачи на следующий день около раздевалки, Рон и Эрмиона не знали, увидят ли его живым. Эта мысль совсем не ободряла. Гарри почти не слышал воодушевляющую речь Вуда, пока натягивал свою форму и брал Нимбус-2000. Рон и Эрмиона, тем временем, нашли себе местечко на стадионе рядом с Невиллом, который не мог понять, почему они оба выглядят суровыми и расстроенными и почему они притащили на матч волшебные палочки. Гарри не знал, что Рон и Эрмиона в тайне от него разучили запирающее проклятье. Идею им подал Малфой, используя его на Невилле, и они были готовы применить его, если Снэйп выкажет намерение навредить Гарри.

«Не забудь: Движениус замритус», – прошептала Эрмиона, пока Рон запикивал палочку в рукав.

«Я помню, – ответил Рон. – Отстань». В раздевалке Вуд подошел к Гарри.

«Я не хочу давить на тебя, Поттер, но если нам когда-то и нужно было поймать снитч пораньше, так это сейчас. Мы должны закончить

игру быстрее, чем Снэйп успеет дать Хаффлпаффу слишком много очков».

«Там вся школа собралась! – сказал Фред Висли, выглядывая за дверь. – Даже – чтоб мне провалиться – Дамблдор пришел на матч!» Сердце Гарри подпрыгнуло.

«Дамблдор?» – сказал он, высовываясь за дверь. Фред был прав. Серебряную бороду нельзя было спутать ни с чем. Гарри мог смеяться от облегчения. Он спасен. Снэйп просто не посмеет попытаться прикончить его на глазах у Дамблдора. Наверное, поэтому Снэйп был так зол, когда команды вышли на поле, Рон тоже это заметил.

«Никогда не видел, чтобы Снэйп был так разъярен, – сказал он Эрмионе. – Смотри, они взлетают. Ой!» Кто-то врезал ему по затылку. Это был Малфой.

«Ох, извини, Висли, я не заметил». Малфой широко ухмыльнулся Краббу и Гойлу.

«Интересно, как долго Поттер продержится на метле на этот раз? Предлагаю пари. А, Висли?» Рон не ответил; Снэйп только что назначил пенальти Гриффиндору, потому что Джордж Висли отбил в него бладжер. Эрмиона сидела держа пальцы крестиком и неотрывно смотрела на Гарри, как ястреб кружившего над полем в поисках снитча.

«Знаешь, что я думаю по поводу того, как они выбирают игроков в гриффиндорскую команду? – произнес Малфой несколько минут спустя, когда Снэйп назначил пенальти Гриффиндору вообще без причины. – Они берут тех, кого жалеют. Видите, у Поттера нет родителей, у Висли нет денег – тебя надо взять в команду, Лонгботтом, ведь у тебя нет мозгов». Невилл густо покраснел и повернулся к Малфою.

«Я стою дюжины таких как ты, Малфой», – сказал он, запинаясь. Малфой, Крабб и Гойл рассмеялись, но Рон, не отрывая взгляд от поля, сказал:

«Молодец, Невилл».

«Лонгботтом, если бы мозги вдруг стали золотом, ты оказался бы беднее Висли, вот что». Нервы Рона итак уже были натянуты до предела от беспокойства за Гарри.

«Малфой, я тебя предупреждаю – еще одно слово...»

«Рон! – внезапно сказала Эрмиона. – Гарри...»

«Что? Где?» Гарри внезапно ушел в пике. В толпе послышались ахи и крики. Эрмиона вскочила, запихнув пальцы в рот, а Гарри пулей неся к земле.

«Эй, Висли, тебе повезло, Поттер, видимо уронил на землю денежки!» – сказал Малфой. Рон не выдержал. Прежде чем Малфой понял, что происходит, Рон уже сидел сверху, повалив его на землю. Невилл заколебался, потом перелез через спинку сиденья, чтобы помочь.

«Давай, Гарри!» – вопила Эрмиона, вскакивая на свое кресло, чтобы посмотреть как Гарри несется на Снэйпа – она даже не заметила Рона и Малфоя, катающихся вниз, и ударов и криков из кучи малы, которая была Невиллом, Краббом и Гойлом. Высоко в воздухе, Снэйп развернул свою метлу как раз, чтобы увидеть, как что-то ярко алое пронеслось мимо него, на расстоянии нескольких дюймов – в следующую секунду Гарри вышел из пике, радостно размахивая рукой, в которой он сжимал снитч. Стадион взорвался; это был рекорд, никто не помнил случая, чтобы снитч поймали так быстро.

«Рон! Рон! Где ты? Игра закончилась! Гарри выиграл! Мы победили! Гриффиндор впереди!» – вопила Эрмиона, танцуя на своем месте и обнимая Парвати Патил, сидевшую в переднем ряду. Гарри спрыгнул с метлы в футе над землей. Он просто не мог поверить. Он сделал это – игра закончилась; она едва продолжалась пять минут. Когда гриффиндорцы высыпались на поле, он увидел, как Снэйп кружит рядом, бледный и злой – потом Гарри почувствовал руку на своем плече, посмотрел вверх и увидел улыбающееся лицо Дамблдора.

«Молодец, – сказал Дамблдор тихо, чтобы никто больше не услышал. – Рад, что ты не охотишься за тем зеркалом... занимаешься... великолепно...» Снэйп резко приземлился. Гарри вышел из раздевалки один, чтобы отнести свой Нимбус-2000 в ангар, где хранились метлы. Он не помнил себя таким счастливым. Он наконец совершил что-то, чем мог гордиться – никто не мог сказать что он знаменит просто из-за имени. Вечерний воздух никогда не был так сладок. Он шел по мокрой траве, вспоминая события последнего часа, слившиеся в одно счастливое мгновение: гриффиндорцы подбегают и поднимают его в воздух, Рон и Эрмиона чуть в стороне, прыгающие от радости, Рон смеется и утирает кровь из носа. Гарри дошел до ангара. Он прислонился к деревянной двери и взглянул вверх

на Хогвартс, окна которого горели красным в лучах заходящего солнца. Гриффиндор впереди, он сделал это, он показал Снэйпу... И если уж говорить о Снэйпе... Человек в длинной мантии быстро спустился по ступеням крыльца. Очевидно, не желая быть замеченным, он стремительно пошел по направлению к Запретному лесу. Гарри забыл о своей победе. Он узнал эту летящую походку. Снэйп, торопящийся в лес, в то время как все ужинают – что же происходит? Гарри взобрался на свой Нимбус-2000 и взлетел. Медленно скользя над замком, он увидел, как Снэйп вбежал в лес. Гарри полетел следом. Деревья росли слишком густо, поэтому он не видел, куда исчез Снэйп. Он кружил, спускаясь все ниже и ниже, почти касаясь верхних веток, пока не услышал голоса. Он бесшумно скользнул в ту сторону и приземлился на высокий бук. Он осторожно полез по одной из веток, сжимая метлу и пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь листья. Внизу стоял Снэйп, но он был не один. Там был профессор Квиррелл. Гарри не мог разглядеть выражение его лица, но заикался он больше, чем обычно. Гарри постарался услышать, о чем они говорят.

«...н-не знаю, п-почему т-так необход-димо встри-встречаться здесь, Се-северус...»

«Я думаю, мы сохраним это в тайне, – холодно произнес Снэйп. – Ученикам совсем необязательно знать о философском камне». Гарри свесился вниз. Квиррелл что-то пробормотал. Снэйп оборвал его.

«Ты не выяснил, как пройти зверушку Хагрида, нет еще?»

«Н-но, Се-ве-верус, я...»

«Ты ведь не хочешь, чтобы я был твоим врагом», – сказал Снэйп, делая шаг к нему.

«Я н-не знаю, ч-что ты...»

«Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду».

Громко ухнула сова, и Гарри чуть не свалился с дерева. Он удержался и услышал голос Снэйпа:

«...какая-то проделка. Я жду».

«Н-н-но, я-я...»

«Хорошо, – оборвал его Снэйп. – Мы поговорим еще потом, чтобы у тебя было время обдумать и решить, на чьей ты стороне».

Он набросил капюшон на голову и исчез из виду. Было уже совсем темно, и Гарри едва видел Квиррелла, стоявшего неподвижно, как

будто окаменев.

«Гарри, где ты был?» – воскликнула Эрмиона.

«Мы выиграли! Ты выиграл! Мы впереди! – кричал Рон, хлопая Гарри по спине. – Я подбил Малфою глаз, а Невилл дрался с Краббом и Гойлом один! Он пока еще не пришел в себя – но мадам Помфрей говорит, что он поправится – и как мы показали Слитерину! Все ждут тебя в башне, у нас вечеринка, Фред и Джордж стащили из кухни пирожных и много чего еще».

«Сейчас это неважно, – сказал Гарри тихо. – Давайте найдем тихий кабинет, подождите, я вам все расскажу...» Он убедился, что внутри нет Пивза, перед тем как плотно закрыть дверь, и рассказал им все что видел и слышал.

«Мы были правы, это философский камень, и Снэйп заставляет Квиррелла помочь в его краже. Он спросил, знает ли тот, как пробраться мимо Пушка – и сказал что-то о проделках Квиррелла – Я думаю, там есть еще кое-что, охраняющее камень кроме пса, куча заклинаний, наверное, а Квиррелл сотворил какое-нибудь заклинание против темных сил, через которое Снэйпу надо пробиться...»

«То есть, ты думаешь, камень в безопасности, только пока держится Квиррелл?» – спросила Эрмиона с беспокойством.

«Тогда во вторник его уже не будет», – сказал Рон.

Глава четырнадцатая. Норберт – норвежский спинорог

Квиррелл, однако, оказался храбрее, чем они думали. С каждой неделей он бледнел и худел, но не выдавал тайны. Каждый раз, проходя мимо двери коридора на третьем этаже, Гарри, Рон и Эрмиона прижимали уши к двери, чтобы проверить, рычит ли Пушок внутри. Снэйп носился повсюду в своем обычном мрачном настроении, и это означало, что камень все еще в безопасности. Каждый раз, когда Гарри видел Квиррелла, он воодушевляюще улыбался ему, а Рон начал обрывать тех, кто смеялся над заиканием Квиррелла. У Эрмионы были другие заботы, кроме как думать о философском камне. Она сделала расписание занятий и начала размечать лекции цветными карандашами. Гарри и Рон ничего не имели против, если бы только она не заставляла их заниматься тем же.

«Эрмиона, до экзаменов еще куча времени».

«Десять недель, – сказала она. – Это не куча времени, это как секунда Николя Фламелю».

«Но ведь нам не шестьсот лет, – напомнил ей Рон. – И зачем ты учишь, ты уже и так все знаешь на пять».

«Зачем я учу? У тебя что, крыша поехала? Ты понимаешь, что нам нужно сдать экзамены, чтобы пройти на следующий курс? Это очень важно, мне надо было начать еще месяц назад, не знаю, о чем я думала...» К сожалению, преподаватели тоже придерживались этой точки зрения. Они давали им столько заданий, что пасхальные каникулы прошли хуже, чем рождественские. Было очень трудно расслабиться рядом с Эрмионой, которая зубрила двенадцать способов использования драконьей крови и отрабатывала движения волшебной палочки. Зевая и жалуясь, Гарри и Рон проводили почти все свободное время в библиотеке вместе с ней, пытаясь справиться с валом домашней работы.

«Я никогда этого не zapomню», – не выдержал однажды Рон, бросая перо и выглядывая в окно библиотеки. На дворе стоял отличный

погожий день, первый за целый месяц. Небо синело чистым, незабудковым цветом, а в воздухе чувствовался запах приближающегося лета. Гарри, искавший «Дикий бадьян» в «Тысяче магических трав и грибов», поднял голову, когда Рон произнес:

«Хагрид! Что ты делаешь в библиотеке?» И увидел Хагрида, прячущего что-то за спиной. Он не вписывался в интерьер в своей кротовой дохе.

«Да так, смотрю, – сказал он уклончиво, и они сразу заинтересовались. – А вы чем занимаетесь? – спросил он внезапно с подозрением. – Не ищете Фламеля, нет?»

«Да мы уже выяснили, кто он тысячу лет назад, – сказал Рон важно. – И мы знаем, что охраняет пес, это философский ка...»

«Шшшш! – Хагрид быстро оглянулся, чтобы посмотреть, не услышал ли кто. – Что ты кричишь, как на базаре?»

«Мы бы тебя хотели спросить еще кое о чем, – сказал Гарри. – О том, что охраняет камень кроме Пушка...»

«ШШШШ! – сказал Хагрид снова. – Знаете – лучше загляните ко мне сегодня попозже, я не обещаю, что что-нибудь вам расскажу, конечно, но хотя бы не кричите на каждом углу, ученики не должны знать об этом. Они решат, что это я вам рассказал».

«Тогда увидимся», – сказал Гарри. Хагрид исчез.

«Интересно, что он прятал за спину?» – спросила Эрмиона задумчиво.

«Думаешь, это что-то по поводу камня?»

«Пойду, посмотрю, в какой секции он взял книжку», – сказал Рон, которому было уже лень заниматься. Он вернулся через минуту с кипой книг и бросил их на стол.

«Драконы! – прошептал он. – Хагрид читал книжки про драконов! Посмотрите: Виды драконов, распространенных в Великобритании и Ирландии; От яйца до взрослой особи, Справочник по уходу за драконами».

«Хагрид всегда хотел дракона, он говорил мне об этом, когда мы только познакомились», – сказал Гарри.

«Но ведь это запрещено, – сказал Рон. – Разведение драконов было запрещено Конвенцией волшебников в 1709 году, это всем известно. Очень трудно незаметно от магглов прятать дракона на заднем дворе –

к тому же их нельзя приручить, и они опасны. Вы бы видели шрамы, которые Чарли получил в Румынии».

«Но ведь в Великобритании нет диких драконов?» – спросил Гарри.

«Конечно, есть, – сказал Рон. – Обыкновенные зеленые из Уэльса и черные с Гибридов. Министерству Магии несладко приходится с ними, должен заметить. Надо накладывать заклинания на магглов, которые их видели, чтобы они забыли».

«Так чем же занимается Хагрид?» – сказала Эрмиона.

Когда они постучались в дверь лесника час спустя, то с удивлением обнаружили, что все занавески задернуты. Хагрид спросил:

«Кто там?» перед тем как впустить их, и быстро захлопнул дверь после того, как они вошли. Внутри стояла удушающая жара. Даже в этот теплый день в камине горел огонь. Хагрид приготовил чай и предложил им сэндвичи, но они отказались.

«Так – вы хотели меня о чем-то спросить?»

«Да, – сказал Гарри, не имело смысла ходить вокруг да около. – Мы хотели бы узнать от тебя, что еще, кроме Пушка, охраняет философский камень». Хагрид нахмурился.

«Конечно, я не могу вам сказать, – произнес он. – Во-первых, я сам не в курсе. А во-вторых, вы уже так много знаете, что я не стал бы вам говорить, даже если бы мог. Камень здесь не без причины. Его почти сперли из Гринготтс, думаю, вы догадались, да? Убей меня, только не пойму, как вы вызнали про Пушка».

«Ох, Хагрид, ты не хочешь нам говорить, но ведь, конечно же, знаешь, что происходит, – сказала Эрмиона теплым ласковым голосом. Борода Хагрида дрогнула, и они могли бы поклясться, что он улыбается. – Мы только хотели узнать, кто накладывал заклятья, – продолжала Эрмиона. – Мы только хотели узнать, кому Дамблдор доверяет так сильно, что воспользовался их помощью, ну, кроме тебя, разумеется». На последних словах Хагрид выпятил грудь. Гарри и Рон бросили пронизывающие взгляды на Эрмиону.

«Ну, думаю, от того, что вы узнаете, хуже не станет... так... Он взял у меня Пушка... потом преподаватели наложили заклинания... Профессор Росток, профессор Флитвик, профессор Мак-Гонагалл, – он загибал пальцы, – профессор Квиррелл – ну и конечно Дамблдор. Подождите, я забыл. Да, конечно, профессор Снэйп тоже».

«Снэйп?»

«Да – вы все еще думаете на него? Послушайте, Снэйп помогал защитить камень и он не будет его воровать». Гарри знал, что Рон и Эрмиона размышляют о том же. Если Снэйп участвовал в наложении заклинаний, то он мог запросто узнать, какие заклинания наложили другие преподаватели. Очевидно, он знал их все – кроме, кажется, заклинания Квиррелла и как обойти Пушка.

«А ты единственный, кто знает, как пройти мимо Пушка, правда, Хагрид? – спросил Гарри с нажимом. – И ты никому не скажешь? Даже преподавателю?»

«Никто не знает, кроме меня и Дамблдора», – сказал Хагрид с гордостью.

«Ну, хоть что-то, – прошептал Гарри остальным. – Хагрид, можно открыть окно? Я сейчас сварюсь».

«Я не могу, Гарри, прости», – сказал Хагрид. Гарри заметил, что он посмотрел в камин, и бросил взгляд туда же.

«Хагрид – что это?» Но он уже знал ответ. В глубине камина, под чайником, лежало большое черное яйцо.

«Ах, – сказал Хагрид, запуская пятерню в бороду. – Это, гм...»

«Где ты его взял, Хагрид? – спросил Рон, придвигаясь к камину. – Наверное, заплатил целое состояние».

«Я его выиграл, – сказал Хагрид. – Прошлым вечером. Я ходил в деревню, пропустить пару стаканчиков в баре и выиграл в карты у незнакомца. Думаю, он был рад от него избавиться».

«Что ты собираешься с ним делать, когда он вылупится?» – спросила Эрмиона.

«Ну, я тут кое-что почитал, – сказал Хагрид, вытаскивая из-под подушки огромную книгу. – Вот взял из библиотеки – Разведение драконов для себя и на продажу – она, конечно, старовата, но тут есть все. Надо держать яйцо в огне, потому что мать постоянно дышит на него, а когда он вылупится, давать ведро бренди с цыплячьей кровью каждые полчаса. И вот – как распознавать разные яйца – видите, у меня норвежский спинорог. Они ужасно редкие». Он был чрезвычайно доволен собой, но Эрмиона не разделяла его радости.

«Хагрид, ты живешь в деревянном доме». Но Хагрид не слушал. Он весело мурлыкал под нос, помешивая угли в камине. Теперь у них появился новый повод для беспокойства: что случится с Хагридом, если кто-то узнает, что он нелегально прячет дракона в своей хижине.

«Интересно, что это такое, спокойная жизнь», – вздохнул Рон, когда они вечер за вечером сидели над дополнительной домашней работой. Эрмиона начала писать расписание занятий для Гарри и Рона, и это приводило их в бешенство. Потом, однажды за завтраком Хедвиг принесла Гарри записку от Хагрида. В ней было всего два слова:

«Он вылупляется».

Рон предложил пропустить травоведение, чтобы сразу побежать в хижину. Эрмиона даже слышать не хотела об этом.

«Эрмиона, сколько раз в жизни мы можем посмотреть на то, как вылупляется дракон?»

«У нас занятия, если мы их пропустим, то у нас будут неприятности, но это ничто по сравнению с тем, какие будут у Хагрида, если кто-то узнает, чем он занимается...»

«Помолчи!» – прошептал Гарри. Малфой стоял всего в нескольких футах и старательно прислушивался. Как много он услышал? Гарри совсем не понравилось выражение его лица. Рон и Эрмиона не переставая спорили по дороге на травоведение, и, в конце концов, Эрмиона согласилась сбежать с ними к Хагриду на перемене. Когда они услышали звонок из замка в конце урока, то бросили свои лопатки и помчались к опушке леса. Их приветствовал Хагрид, ликующий и возбужденный.

«Уже почти вылупился», – он пустил их внутрь. Яйцо лежало на столе, покрытое сеточкой трещин. Внутри что-то двигалось. Раздавался странный щелкающий звук. Они подтащили стулья к столу и стали смотреть, затаив дыхание. Почти тотчас же раздался скрежет, и яйцо раскололось. На стол выбрался маленький дракончик. Его нельзя было назвать красивым; Гарри подумал, что он похож на сложенный черный зонтик. Его шипастые крылья казались огромными по сравнению с кожистым блестящим телом, у него была длинная морда с широкими ноздрями, маленькими рожками и огромными оранжевыми глазами. Он чихнул. Из его ноздрей вылетела парочка искр.

«Ну разве он не прекрасен?» – проворковал Хагрид. Он вытянул руку, чтобы погладить дракона по голове. Тот набросился на его пальцы, продемонстрировав острые клыки.

«Вы только посмотрите, он узнает свою мамочку!» – восхитился Хагрид.

«Хагрид, – сказала Эрмиона, – как быстро растут норвежские спинороги, ты можешь сказать точно?» Хагрид уже открыл рот, чтобы ответить, когда внезапно побледнел, вскочил на ноги и бросился к окну.

«Что случилось?»

«Кто-то подглядывал в щель между занавесками – это ученик – и он бежит к школе». Гарри подскочил к двери и высунул голову. Даже на таком расстоянии он не мог ошибиться. Малфой видел дракона. Что-то в улыбке Малфоя на следующей неделе очень тревожило Гарри, Рона и Эрмиону. Они проводили большую часть времени в хижине Хагрида, пытаясь переубедить его.

«Просто отпусти его, – настаивал Гарри. – Выпусти его на волю».

«Я не могу, – говорил Хагрид. – Он слишком маленький. Он погибнет». Они посмотрели на дракона. Дракон вырос в длину почти в три раза всего лишь за неделю. Из его ноздрей курился дымок. Хагрид совсем забыл о своих обязанностях лесника, потому что дракон занимал все его время. Повсюду на полу валялись пустые бутылки из-под бренди и цыплячьи перья.

«Я решил назвать его Норбертом, – сказал Хагрид, задумчиво наблюдая за драконом. – Он меня узнает, смотрите. Норберт! Норберт! Где мамочка?»

«У него шарики за ролики заехали», – прошептал Рон Гарри на ухо.

«Хагрид, – громко сказал Гарри, – через две недели Норберт будет размером с твой дом. Малфой может в любой момент наябедничать Дамблдору». Хагрид закусил губу.

«Я – я знаю, что не смогу оставить его навсегда, но я не могу его вот так бросить – не могу». Гарри внезапно повернулся к Рону.

«Чарли», – сказал он.

«У тебя тоже, – сказал Рон. – Я Рон, или ты забыл?»

«Нет – Чарли – твой брат Чарли. В Румынии. Изучает драконов. Мы можем послать Норберта ему. Чарли позаботится о нем, а потом выпустит обратно на волю!»

«Гениально! – сказал Рон. – Как тебе эта идея, Хагрид?»

В конце концов, Хагрид согласился, что они могут отправить – ну, сову Чарли и спросить его. Наступила следующая неделя. В среду вечером Эрмиона и Гарри сидели вдвоем в гостиной, в то время как все уже легли спать. Настенные часы отбили полночь, когда открылось

отверстие в портрете. Рон появился из ниоткуда, снимая плащ-невидимку. Он ходил в хижину к Хагриду, чтобы помочь ему покормить Норберта, который начал лопатьдохлых крыс корзинами.

«Он укусил меня! – сказал Рон, показывая руку, обернутую в окровавленный носовой платок. – Я неделю не смогу держать перо. Я хочу сказать, что дракон – это самое ужасное животное, которое я знаю, но если посмотреть, как Хагрид обращается со своим, можно подумать, что у него маленький пушистый кролик. Когда Норберт укусил меня, Хагрид сказал, что это я его напугал. А когда я уходил, он пел ему колыбельную». Раздался стук в стекло.

«Это Хедвиг! – сказал Гарри, распахивая окно. – У нее ответ Чарли!» Они втроем склонились над запиской.

Дорогой Рон, Как твои дела? Спасибо за письмо – я с удовольствием займусь норвежским спинорогом, но его будет нелегко доставить сюда. Думаю, лучше всего отправить его с моими друзьями, которые собираются навестить меня на будущей неделе. Проблема в том, чтобы никто не увидел, как они везут нелегального дракона. Не могли бы вы принести его на верхушку самой высокой башни в полночь с субботы на воскресенье? Они могут встретить вас там и забрать его, пока темно. Пошлите мне ответ поскорей.

С любовью, Чарли.

Они посмотрели друг на друга.

«У нас есть плащ-невидимка, – сказал Гарри. – Это будет нетрудно. Я думаю, под ним поместится Норберт и двое из нас».

В подтверждение того, что прошедшая неделя была просто ужасной, Эрмиона и Рон тотчас согласились. Все что угодно – лишь бы избавиться от Норберта – и Малфоя.

Но возникли непредвиденные обстоятельства. На следующее утро рука Рона сильно распухла. Он не знал, можно ли идти к мадам Помфрей – а вдруг она узнает драконий укус? Но к полудню у него не осталось выбора. Укус приобрел неприятный зеленый оттенок. Похоже, что клыки Норберта оказались ядовитыми. Гарри и Эрмиона отправились в госпиталь вечером и нашли Рона в кровати в ужасном состоянии.

«Дело не только в моей руке, – прошептал он, – хотя такое чувство, что она сейчас отвалится. Малфой сказал, что ему нужно одолжить у

меня учебник, чтобы пройти и хорошенько поиздеваться, а она его пустила. Он угрожал мне, что скажет ей, кто меня укусил на самом деле – я сказал ей, что это собака, но не думаю, что она мне верит – не надо было мне с ним драться на матче, он просто мстит». Гарри и Эрмиона попытались успокоить его.

«Это все кончится в субботу в полночь», – сказала Эрмиона, но это совсем его не ободрило. Наоборот, он резко сел в кровати.

«В субботу в полночь! – сказал он охрипшим голосом. – Ох нет, нет, нет – я вспомнил – письмо Чарли было в том учебнике, который забрал Малфой, он узнает, что мы избавляемся от Норберта». Но Гарри и Эрмиона не успели ничего сказать. Вошла мадам Помфрей и потребовала, чтобы они ушли, сказав, что Рону нужно поспать».

«Слишком поздно менять план, – сказал Гарри Эрмионе. – Мы не успеем послать Чарли сову, и это может оказаться единственной возможностью избавиться от Норберта. Нам придется рискнуть. И ведь у нас есть плащ-невидимка, о котором Малфой не знает». Они обнаружили Клыка, волкодава, сидящим на крыльце с перевязанным хвостом, когда пришли к Хагриду. Он открыл окно, не впуская их.

«Я не могу вас впустить, – пропыхтел он. – Норберт в игривом настроении – нет, нет, я с ним справляюсь». Когда они рассказали ему о письме Чарли, его глаза наполнились слезами, но может быть, от того, что Норберт тяпнул его за ногу.

«Аааа! Все в порядке, он вцепился в ботинок – просто играет – он ведь еще младенец, в конце концов». Младенец стукнул хвостом по стене так, что задрожали стекла. Гарри и Эрмиона отправились обратно в замок, молясь, что хорошо бы суббота побыстрее настала.

Наверное, они пожалели бы Хагрида, когда пришло время прощаться с Норбертом, если бы не волновались так сильно. Стояла очень темная облачная ночь, и они опоздали к Хагриду в хижину, прождав пока Пивз уберется из зала перед входной дверью, где он играл в теннис, стуча мячиком по стене. Хагрид упаковал Норберта в большую корзину.

«У него здесь несколько крыс и бренди, если он проголодается, – грустно пояснил Хагрид. – И я положил его плюшевого мишку, если ему вдруг станет одиноко». Из корзинки доносились звуки распарывания материи, похоже, мишке отрывали голову.

«Прощай, Норберт! – всхлипнул Хагрид, когда Гарри и Эрмиона набросили на корзину Плащ-Невидимку и забрались под него сами. – Мамочка никогда тебя не забудет!» Потом они не смогли бы сказать, как им удалось пронести корзину в замок.

Полночь приближалась, в то время как они тащили Норберта по мраморным ступенькам и темным коридорам. Вверх по лестнице, потом еще по одной – даже короткий путь, который знал Гарри, не сильно ускорил процесс.

«Уже почти!» – пропыхтел Гарри, когда они добрались до коридора под самой высокой башней. Внезапное движение впереди чуть было не заставило их уронить корзину. Забыв, что их и так не видно, они скользнули в тень и стали наблюдать за двумя темными силуэтами, сцепившимися в десяти футах от них. Вспыхнула лампа.

Профессор Мак-Гонагалл в клетчатом халате и сеткой на волосах, держала Малфоя за ухо.

«Наказание! – объявила она. – И двадцать очков со Слитерина! Шатаешься по школе в середине ночи, да как ты посмел...»

«Вы не понимаете, профессор. Сейчас сюда придет Гарри Поттер – у него дракон!»

«Что за чушь! Как ты смеешь пороть такую ерунду? Пойдем – я отведу тебя к профессору Снэйпу». После этого спиральная лестница на вершину башни казалась самой легкой вещью в мире. Они не сбросили плащ, пока не вышли на холодный ночной воздух, с радостью дыша полной грудью. Эрмиона подпрыгнула от радости.

«Малфой получил наказание! Я готова кричать от радости!»

«Не стоит», – посоветовал Гарри. Они ждали, болтая о Малфое, а Норберт шуршал в своей корзине. Десять минут спустя из темноты появились четыре метлы. Друзья Чарли оказались веселой компанией. Они показали Гарри и Эрмионе упряжь, которой обзавелись, чтобы подвесить Норберта. Они все дружно упаковали его корзинку, а потом Гарри и Эрмиона пожали им руки и сказали большое спасибо. И наконец, Норберт взлетел, выше и выше... и исчез. Они спустились вниз по спиральной лестнице, чувствуя, что на сердце так же легко, как и рукам без корзины. Никаких драконов – Малфой наказан – что могло испортить их счастье? Ответ ждал их внизу лестницы. Когда они ступили в коридор, лицо Филча внезапно нарисовалось из темноты.

«Так, так, так, – произнес он. – У нас проблемы». Они забыли
плащ-невидимку на вершине башни.

Глава Пятнадцатая. Запретный Лес

Дела не могли бы идти хуже. Филч привел их вниз в кабинет профессора Мак-Гонагалл на первом этаже, где они уселись и стали ждать, не говоря друг другу ни слова. Эрмиона дрожала. Извинения, алиби, и дикие оправдания пробегали в голове Гарри, становясь все менее убедительными. Он не знал, как им решить проблему на этот раз. Они были загнаны в угол. Как они могли быть настолько глупы, чтобы забыть плащ? Ни за что на свете профессор Мак-Гонагалл не позволила бы бродить вокруг школы глубокой ночью, и тем более залезть на самую высокую башню, доступную разве что во время занятий. Если добавить Норберта и плащ-невидимку, то они уже могут паковать вещи. Гарри думал, что дела не могли бы идти хуже? Он ошибался. Когда профессор Мак-Гонагалл появилась, она вела за собой Невилла.

«Гарри! – воскликнул Невилл, увидев их. – Я пытался найти тебя и предупредить: я слышал, как Малфой говорил, что собирается заняться тобой, он сказал, у тебя есть драко...» Гарри яростно затряс головой, чтобы остановить Невилла, но профессор Мак-Гонагалл заметила. Нависая над ними, она, казалось, была готова испепелить их не хуже Норберта.

«Уж от кого, а от вас я не ожидала ничего подобного. Мистер Филч говорит, вы поднимались на астрономическую башню. В час ночи. Объясните». Первый раз в жизни Эрмиона не смогла ответить на вопрос преподавателя. Она рассматривала свои тапочки, неподвижная, словно статуя.

«У меня есть версия всего происходящего, – сообщила профессор Мак-Гонагалл. – Не надо быть гением, чтобы понять это. Вы рассказали Драко Малфоем кучу небылиц про дракона, чтобы вытащить его из постели и вовлечь в неприятности. Его я уже поймала. И вероятно, вы думаете, это смешно, что Лонгботтом услышал ее и поверил?» Гарри попытался перехватить взгляд Невилла и объяснить ему без слов, что это неправда, потому что Невилл выглядел ошеломленным и обиженным. Бедный Невилл, ему всегда не

везло – Гарри знал, чего ему стоило отправиться искать их в темноте, чтобы предупредить.

«Это отвратительно, – сказала профессор Мак-Гонагалл. – Четверо учеников бродят по школе в одну ночь! Никогда о таком не слышала! Я думала, у вас, мисс Грангер больше здравого смысла. Я думала, для вас, мистер Поттер, Гриффиндор значит больше. Вы все трое получите наказания – да, вы тоже, мистер Лонгботтом, ничто не дает вам право бродить по школе ночью, особенно в эти дни, это очень опасно – и с Гриффиндора снимается пятьдесят очков».

«Пятьдесят?» – задохнулся Гарри – они потеряют преимущество, преимущество, которое он выиграл на последнем матче квиддитча.

«Пятьдесят с каждого», – процедила профессор Мак-Гонагалл, тяжело дыша.

«Профессор – пожалуйста...»

«Вы не можете...»

«Не говорите мне, что я могу, а что нет, Поттер. Возвращайтесь в постель, немедленно. Мне никогда не было так стыдно за учеников Гриффиндора». Сто пятьдесят очков потеряно. Это ставит Гриффиндор на последнее место. В одну ночь, они разрушили все планы Гриффиндора на Кубок колледжей. Гарри чувствовал себя просто ужасно. Смогут ли они когда-нибудь исправить это? Гарри не спал всю ночь. Он слышал, что Невилл рыдает в подушку, как ему казалось, часами. Гарри не мог придумать ничего успокаивающего. Он знал, что Невилл, как и он, боится рассвета. Что случится, когда Гриффиндорцы поймут, что они наделали? Сначала Гриффиндорцы, проходя мимо стеклянных часов, где отмечались очки колледжей, решили, что это какая-то ошибка. Как вдруг случилось, что у них на сто пятьдесят очков меньше, чем вчера? А потом поползли слухи: Гарри Поттер, знаменитый Гарри Поттер, герой двух последних матчей по квиддитчу, потерял все эти очки, он и еще пара глупых первачков. И внезапно, из одного из самых популярных и обожаемый людей в школе, Гарри стал самым ненавидимым. Даже ученики Рэйвенкло и Хаффлпаффа ополчились на него, потому что все так надеялись в этом году посмотреть, как Слитерин потеряет Кубок. Куда бы он ни пошел, все показывали на него пальцами и, даже не потрудившись понизить голос, оскорбляли. Слитеринцы, с другой стороны, хлопали в ладоши, когда он проходил мимо, смеялись и свистели:

«Спасибо Поттер, будем должны!» Только Рон не отвернулся от него.

«Они все забудут через несколько недель. Фред с Джорджем потеряли кучу очков за то время, пока учатся, но их все равно все любят».

«Они ведь не теряли сто пятьдесят за один раз, правда?» – спросил Гарри удрученно.

«Ну, нет», – согласился Рон. Было слишком поздно что-то менять, но Гарри поклялся никогда больше не лезть не в свое дело. Он бы все равно не смог ничего поделаться, когда за ним такой присмотр. Ему было так стыдно, что он пошел к Вуду и сказал, что уйдет из команды.

«Уйдешь? – прорычал Вуд. – Ну и кому от этого будет лучше? Как мы заработаем очки, если не сможем победить в квиддитч?» Но даже квиддитч потерял свою прелесть. Никто из команды не разговаривал с Гарри во время тренировок, и если им надо было обратиться к нему, они называли его не иначе как «ловец». Эрмиона и Невилл тоже страдали. Не так сильно, как Гарри, конечно, потому что не были так известны, но с ними тоже никто не разговаривал. Эрмиона перестала обращать на себя внимание на занятиях, поднимать руку и сидела тихо.

Гарри почти радовался, что экзамены уже близко. Занимаясь, он забывал о своем несчастье. Он, Рон и Эрмиона вместе учились до поздней ночи, пытались запомнить ингредиенты сложных снадобий, выучить наизусть заклинания и заклатья, зазубрить даты магических открытий и восстаний гоблинов... За неделю до экзаменов, намерение Гарри не вмешиваться в то, что его не касается, было подвергнуто неожиданному испытанию. Возвращаясь из библиотеки однажды днем, он услышал хныканье в кабинете рядом. Когда он подошел ближе, он услышал голос Квиррелла.

«Нет – нет – только не надо снова...» Было похоже, что кто-то ему угрожает. Гарри подошел ближе.

«Хорошо – хорошо...» – всхлипывал Квиррелл. В следующую секунду, Квиррелл выбежал из класса, поправляя тюрбан. Он был бледен и, казалось, сейчас заплачет. Он исчез из виду, Гарри не думал, что Квиррелл его заметил. Он подождал, пока стихнут шаги Квиррелла, и заглянул в кабинет. Там было пусто, но дверь на другом

конце стояла распахнутой. Гарри уже почти дошел до нее, когда вспомнил свое обещание не лезть, куда не следует.

Все равно, он поставил бы двенадцать философских камней, что Снэйп только что покинул кабинет, и из того, что он только что услышал, Снэйп продвинулся еще на один шаг – видимо, Квиррелл в конце концов сдался. Гарри вернулся в библиотеку, где Эрмиона тестировала Рона по астрономии. Гарри рассказал им то, что слышал.

«Значит, Снэйп это сделал! – сказал Рон. – Если Квиррелл сказал ему, как обойти заклинание против темных сил...»

«Все еще остается Пушок», – сказала Эрмиона.

«Может быть, Снэйп выяснил, как обойти его и без Хагрида, – сказал Рон, глядя на тысячи книг вокруг. – Держу пари, здесь есть книга, в которой написано, как обойти огромного трехголового пса. Итак, что мы будем делать, Гарри?» Огонь приключения уже светился в глазах Рона, но Эрмиона ответила первой.

«Надо пойти к Дамблдору. Мы должны были это сделать уже тысячу лет назад. Если мы попробуем предпринять что-то сами, нас отсюда вышвырнут, это точно».

«Но у нас нет доказательств! – сказал Гарри. – Квиррелл слишком испуган, чтобы поддержать нас, а Снэйпу достаточно сказать, что он не знает, как тролль проник в замок на Хэллоуин и он даже не был поблизости от третьего этажа – кому, как ты думаешь, поверят, ему или нам? Ведь не секрет, что мы его ненавидим, и Дамблдор подумает, что мы стараемся, чтобы Снэйпа уволили. Филч нам тоже не помог бы, даже если бы от этого зависела его жизнь, он слишком дружен со Снэйпом, и он думает, чем больше учеников исключат, тем лучше. И не забывайте, предполагается, что мы ничего не знаем про камень и Пушка, надо будет много чего объяснять». Он убедил Эрмиону, но не Рона.

«Но если мы немного побродим вокруг...»

«Нет, – сказал Гарри твердо, – мы уже достаточно побродили». Он вытащил глобус Юпитера и начал учить названия лун. На следующее утро за завтраком Гарри, Эрмиона и Невилл получили записки. В них было одно и то же:

Ваше наказание начнется сегодня в одиннадцать вечера. Вы найдете мистера Филча в зале перед входом.

Профессор Мак-Гонагалл

В переживаниях о снятых очках Гарри совсем забыл про наказание. Он уже почти надеялся, что Эрмиона скажет, что они потеряли целую ночь занятий, но она не сказала ни слова. Как и Гарри, она понимала, что они заслужили то, что получили.

В одиннадцать часов, они попрощались с Роном, сидевшим в гостиной, и пошли вниз с Невиллом. Филч уже ждал их – и Малфой тоже. Гарри совсем забыл, что Малфой тоже получил наказание.

«Следуйте за мной, – сказал Филч, зажег фонарь и вывел их на улицу. – Держу пари, вы дважды подумаете, прежде чем нарушить еще одно правило, а? – злобно косясь на них сказал он. – Мое мнение, так боль и тяжелая работа – лучшие учителя... Как жаль, что старые наказания отменили... я бы подвесил вас к потолку за руки и вы повисели бы так несколько деньков, я все еще храню цепи в своем кабинете, смазываю, если они вдруг понадобятся... Вот, уже почти пришли, и не вздумайте убежать – вам же хуже будет». Они удалялись от замка. Невилл сопел. Гарри думал, какое наказание им приготовили. Должно быть, и в самом деле ужасное, иначе Филч не радовался бы так сильно. Луна была яркой, но бегущие облака время от времени погружали мир в темноту. Впереди Гарри увидел светящиеся окна хижины Хагрида. Потом они услышали голос оттуда.

«Это ты, Филч? Поторопись, уже пора». Сердце Гарри подпрыгнуло; если они будут работать с Хагридом, значит все не так плохо. Должно быть, его облегчение отразилось на лице, потому что Филч сказал:

«Полагаю, вы думаете, что хорошо проведете время в обществе этого простака? Тогда думайте хорошенько, ребятки – потому что вы сейчас пойдете не куда-нибудь, а в Лес, и я очень ошибаюсь, если вас не придется собирать потом по кусочкам». Невилл издал слабый стон, а Малфой резко остановился.

«В Лес? – повторил он, и голос его не звучал так хладнокровно как обычно. –

Мы не можем пойти туда ночью – там ведь такие зверюги – оборотни и все дела, как я слышал». Невилл поперхнулся и вцепился в рукав Гарри.

«Так ведь это ваша проблема, не так ли? – сказал Филч злорадно. – Вы могли бы подумать об оборотнях, когда лезли в неприятности».

Хагрид вынырнул из темноты в сопровождении Клыка. В руках он нес огромный арбалет, а за спиной колчан со стрелами.

«Практически вовремя, – сказал он. – Я жду уже почти полчаса. Все в порядке, Гарри, Эрмиона?»

«Тебе не стоит быть с ними таким обходительным, Хагрид, – произнес Филч холодно. – Они здесь, чтобы отбыть наказание».

«Так вот почему ты опоздал, да? – сказал Хагрид, бросая на Филча хмурый взгляд. – Читал им лекцию, да? Сегодня это не твое дело. Ты свое сделал, теперь ими займусь я».

«Я вернусь к рассвету, – сказал Филч, – за тем, что от них останется», – добавил он злорадно, повернулся и пошел к замку, освещая путь фонарем. Малфой обернулся к Хагриду.

«Я не пойду в Лес», – сказал он, и Гарри порадовался паническим ноткам в его голосе.

«Пойдешь, если хочешь остаться в Хогвартсе, – сказал Хагрид беспощадно. – Попал в неприятности, будь добр расплачиваться за это».

«Так это же дело слуг, а не учеников. Я думал, мы будем переписывать книжки или что-то в этом роде, если б мой отец знал, что мы попремся в лес, он бы...»

«Он бы сказал тебе, что здесь такие порядки! – рявкнул Хагрид. – Переписывать книги – разве ж это кому-нибудь нужно? Будешь делать то что требуется, а не то вылетишь как миленький. Коли думаешь, что твоему отцу будет приятнее, если тебя исключат, возвращайся в замок и пакуй вещи. Давай!» Малфой не пошевелился. Он злобно посмотрел на Хагрида, но потом опустил взгляд.

«Тогда, – сказал Хагрид, – послушайте меня сюда, потому что то, чем мы сейчас займемся – очень опасно, а я не хочу, чтобы что-то произошло. Топайте за мной». Он привел их на опушку леса. Подняв фонарь повыше, он показал на узкую, извилистую тропинку, исчезающую за темными деревьями. Легкий ветер подул им в лица, когда они посмотрели на Лес.

«Глядите туда, – сказал Хагрид. – Видите вон те штуки, которые сверкают? Такие серебряные? Это кровь единорога. Кто-то его сильно поранил. И это второй за неделю. Я нашел одного мертвого в прошлую среду. Нам нужно найти бедняжку. Может быть, придется избавить его от страданий».

«А если то, что напало на единорога найдет нас первым?» – сказал Малфой, неудачно пытаясь заглушить звучавший в голосе страх.

«В лесу нет ничего такого, что может причинить вам вред, если вы с Клыком и со мной, – сказал Хагрид. – И идите по тропинке. Сейчас мы должны разбиться на два отряда и пойти по следу в разных направлениях. Тут все залито кровью, по меньшей мере, с прошлой ночи».

«Я пойду с Клыком», – сказал Малфой быстро, взглянув на его зубы.

«Хорошо, но предупреждаю, он трус, – сказал Хагрид. – Значит я, Эрмиона и Гарри пойдут этой тропинкой, а Драко, Невилл и Клык вот этой. Так, если кто-нибудь обнаружит единорога, посигнальте зелеными искрами, хорошо? Попрактикуйтесь сейчас – вот так – а если кто-то попадет в неприятности – тогда красными, и я сразу прибегу – в общем, будьте осторожны – ну что, тронулись, что ли...» В лесу было темно и тихо. Немного пройдя под деревьями, они дошли до развилки, Гарри, Эрмиона и Хагрид свернули на левую тропинку, а Малфой, Невилл и Клык на правую. Они шли в молчании, опустив головы. Время от времени луч света, проникавший сквозь кроны деревьев, искрился в лужице серебристо-голубой крови на опавшей листве. Гарри видел, что Хагрид волнуется.

«Оборотень может убить единорога?» – спросил Гарри.

«Он не так быстр, – ответил Хагрид. – Единорога нелегко поймать, он слишком сильное волшебное создание. До этого я и не знал, что их вообще можно вот так убить». Они обходили ствол дерева, покрытого мхом. Гарри слышал звук бегущей воды; должно быть, где-то неподалеку есть родник. На извилистой тропинке там и тут попадались капли крови.

«Ты в порядке, Эрмиона? – прошептал Хагрид. – Не бойся, он не мог уйти далеко с такой раной, и тогда мы – СПРЯЧЕМСЯ ЗА ТЕМ ДЕРЕВОМ!» Хагрид схватил Гарри и Эрмиону и стащил их с тропинки за высокий дуб. Он вынул стрелу и наложил ее на арбалет, чтобы быть готовым к выстрелу. Они прислушались. Что-то скользило по сухим листьям совсем рядом: было похоже на плащ, волочащийся по земле. Хагрид наблюдал за темной тропинкой, но через несколько секунд звук пропал.

«Так я и знал, – прошептал он. – Здесь есть кто-то, кому здесь быть не следовало».

«Оборотень?» – предположил Гарри.

«Нет, не оборотень и не единорог, – сказал Хагрид сурово. – Идите за мной, но очень прошу, соблюдайте осторожность». Они шли очень медленно, прислушиваясь к малейшему шороху. Внезапно на прогалине впереди что-то шевельнулось.

«Кто там? – крикнул Хагрид. – Покажитесь – я вооружен!»

В просвет между деревьями шагнул – человек или конь это был? До груди человек с рыжей шевелюрой и бородой, но ниже шло гнедого цвета тело лошади с длинным рыжим хвостом. У Гарри и Эрмионы отвисли челюсти.

«Ох, это ты, Ронан, – произнес Хагрид с облегчением. – Как дела?» Он подошел и пожал кентавру руку.

«Добрый вечер, Хагрид, – сказал Ронан. У него был глубокий грустный голос. – Ты собирался застрелить меня?»

«Приходится быть осторожным, Ронан, – ответил Хагрид, опуская арбалет. – В этом лесу происходит что-то нехорошее. Кстати, это Гарри Поттер и Эрмиона Грангер. Ученики из школы. Это Ронан. Он кентавр».

«Мы заметили», – тихо сказала Эрмиона.

«Добрый вечер, – произнес Ронан. – Ученики, да? Наверное, много занимаетесь там в школе?»

«Гм...»

«Бывает», – сказала Эрмиона робко.

«Бывает. Ну, это что-то, – Ронан вздохнул. Он откинул назад голову и взглянул в небо. – Марс сегодня ярок».

«Да, – сказал Хагрид, тоже поднимая глаза вверх. – Я рад, что мы встретились, Ронан, потому что в лесу напали на единорога, ты ничего не заметил?» Ронан ответил не сразу. Он не мигая смотрел в небо, потом опять вздохнул.

«Невинных всегда первыми приносят в жертву, – сказал он. – Так было и так есть».

«Да, – сказал Хагрид. – Но ты не заметил чего-нибудь, Ронан? Чего-нибудь необычного?»

«Марс сегодня ярок, – повторил Ронан, когда Хагрид посмотрел на него с нетерпением. – Необычайно ярок».

«Согласен, но я имел в виду что-нибудь поближе к дому, – сказал Хагрид. – Значит, ничего не заметил?» И опять Ронан ответил не сразу. Наконец, он произнес:

«Лес хранит множество тайн». Что-то зашевелилось за спиной Ронана и Хагрид снова поднял лук, но это был второй кентавр с черными волосами и вороным телом и более дикий на первый взгляд, чем Ронан.

«Привет, Бэйн, – сказал Хагрид. – Как дела?»

«Добрый вечер, Хагрид, надеюсь, ты в порядке?»

«Более-менее. Послушай, я только что спрашивал у Ронана, не заметил ли он чего странного в последнее время? Кто-то ранил единорога – ты об этом ничего не знаешь?»

Бэйн подошел к Ронану и остановился рядом. Он взглянул на небо.

«Марс сегодня ярок», – ответил он просто.

«Это мы слышали, – произнес Хагрид с раздражением в голосе. – Ну если кто-то из вас что-нибудь увидит, дайте мне знать, хорошо? А то нам пора».

Гарри и Эрмиона последовали за Хагридом дальше, бросая взгляды через плечо на Ронана и Бэйна, пока их не скрыли деревья.

«Никогда, – произнес Хагрид запальчиво, – не пытайтесь получить прямой ответ у кентавра. Чертовы звездочеты. Не видят ничего ближе луны».

«Их здесь много?» – спросила Эрмиона.

«Да нет, меньше десятка... Обычно общаются друг с другом, но иногда оказываются рядом, когда мне хочется поболтать. Башковитые они, кентавры... котелок варит... но притворяются».

«Думаешь, мы кентавра слышали тогда?» – сказал Гарри.

«Разве это было похоже на звук копыт? Неа, я бы сказал, что это тот, кто убивает единорогов. Никогда не слышал такого звука». Они пробирались между толстыми стволами деревьев. Гарри бросал нервные взгляды через плечо. У него было неприятное ощущение, что за ними наблюдают. Он был рад, что рядом Хагрид с луком. Не успела тропинка свернуть еще раз, как Эрмиона схватила Хагрида за руку.

«Хагрид, посмотри! Красные искры! Они в опасности!»

«Вы двое подождите здесь! – крикнул Хагрид. – Стойте на дорожке, и я вернусь!» Они слышали как он ломится сквозь подлесок

и стояли, испуганно глядя друг на друга до тех пор, пока не остался только шепот ветра в листве.

«Думаешь, на них напали?» – спросила Эрмиона.

«Я не против, если напали на Малфоя, но если что-то с Невиллом... это наша вина, что он здесь». Минуты казались часами. Они наострили уши. Гарри ловил каждый порыв ветра, каждый хруст веточки. Что происходит? Где остальные? Наконец, громкий треск возвестил возвращение Хагрида. За ним шли Малфой, Невилл и Клык. Хагрид кипел. Оказалось, Малфой подкрался к Невиллу и в шутку схватил его за шиворот. Невилл запаниковал и наколдовал искры.

«Нам очень повезет, если мы его поймем с тем балаганом, который вы тут устроили. Так, поменяемся – Невилл, ты остаешься со мной и Эрмионой, Гарри ты берешь Клыка и этого идиота. Извини, – шепотом добавил Хагрид, – будет потрудней напугать тебя, а нам нужно сделать дело». Таким образом Гарри отправился в чащу леса с Малфоем и Клыком. Они шли почти полчаса, дальше и дальше, до тех пор, пока по тропинке уже нельзя было пройти – так густо здесь росли деревья. Гарри казалось, что крови прибавилось. Капельки виднелись на корнях дерева, как будто бедное создание устало прислонялось к нему. Через спутанные ветви старого дуба, Гарри увидел впереди поляну.

«Смотри...» – прошептал он, подняв руку, чтобы Малфой остановился. Что-то ярко-белое блестело на земле. Они придвинулись ближе. Это и в самом деле был единорог, но он был мертв. Гарри никогда не видел что-либо более прекрасное и печальное. Его длинные стройные ноги застыли в неестественном положении, а жемчужно-белая грива рассыпалась по темным листьям. Гарри шагнул вперед, но шелестящий звук приморозил его к месту. Куст на краю поляны дрогнул... Затем из теней скользнуло, стелясь по земле как зверь, существо в плаще. Гарри, Малфой и Клык стояли, не смея пошевелить и пальцем. Закутанная фигура добралась до единорога, опустила голову к ране в его боку и начала пить кровь.

«AAAAAAAAAAAAAAAAA!» Малфой испустил крик ужаса и бросился прочь – Клык за ним. Фигура в плаще подняла голову и взглянула прямо на Гарри – кровь единорога капала на черный плащ. Она поднялась на ноги и двинулась к Гарри – а он не мог пошевелиться, скованный страхом. Потом доселе невиданная боль

пронзила его голову; как будто вспыхнул шрам на лбу. Наполовину ослепший, он отступил. Он слышал стук копыт сзади, кто-то подскочил галопом и перепрыгнул через него, прямо на ужасное существо.

Боль в голове Гарри стала такой сильной, что он упал на колени. Прошла минута или две. Когда он поднял глаза, фигура исчезла. Рядом с ним стоял кентавр, не Ронан или Бэйн; этот выглядел моложе; у него были белокурые волосы и светло-розовое тело.

«Ты в порядке?» – спросил кентавр, помогая Гарри подняться на ноги.

«Да – спасибо – что это было?» Кентавр не ответил. У него были удивительно синие глаза, похожие на бледные сапфиры. Он внимательно осмотрел Гарри, задержав взгляд на шраме, который белой молнией пересекал его лоб.

«А, ты маленький Поттер, – сказал он. – Тебе лучше вернуться к Хагриду. В лесу сейчас опасно – особенно для тебя. Ты можешь ездить верхом? Так будет быстрее».

«Меня зовут Флоренц», – добавил он и опустился на колени, чтобы Гарри смог взобраться к нему на спину. Внезапно, с другой стороны поляны послышался звук копыт. Ронан и Бэйн продрались сквозь деревья, тяжело поводя влажными боками.

«Флоренц! – прогремел Бэйн. – Что ты делаешь? На твоей спине человек! Как тебе не стыдно! Разве ты какой-нибудь мул?»

«Вы понимаете, кто это? – сказал Флоренц. – Это маленький Поттер. Чем быстрее он покинет лес, тем лучше».

«Что ты ему наговорил? – проворчал Бэйн. – Помнишь, Флоренц, мы держим клятву не вмешиваться в предначертанное небесами. Разве мы не прочитали то, что должно произойти в движении планет?» Ронан нетерпеливо ударил копытом.

«Я уверен, Флоренц решил, что он поступает как лучше», – сказал он мрачно. Бэйн подпрыгнул от негодования.

«Как лучше! Разве нам это лучше? Кентавры известны как предсказатели будущего! Это не наше дело бегать как ослики за людьми, забравшимися в наш лес!»

Флоренц внезапно встал на дыбы, так что Гарри пришлось схватиться за его плечи, чтобы не упасть.

«Разве вы не видели того единорога? – набросился Флоренц на Бэйна. – Разве вы не понимаете, почему его убили? Или планеты не

посвятили вас в этот секрет? Я объявляю войну тому, кто таится в лесу, и прибегну к людской помощи, если она мне понадобится». Флоренц развернулся и ринулся прочь от Бэйна и Ронана так быстро, что Гарри пришлось вцепиться в него крепко-накрепко. Гарри не имел ни малейшего понятия, что происходит.

«Почему Бэйн так злится? – спросил он. – И от чего ты меня спас, кстати?» Флоренц замедлил ход, предупредил, чтобы Гарри наклонил голову, а то вдруг его заденет низкая ветка, но не ответил на его вопрос. Они пробирались по лесу в тишине так долго, что Гарри решил, что Флоренц не хочет с ним больше разговаривать. Они шли сквозь особенно трудный участок, когда Флоренц внезапно остановился.

«Гарри Поттер, ты знаешь, для чего используется кровь единорога?»

«Нет, – сказал Гарри, удивленный странным вопросом. – На алхимии мы используем только рог и волоски из хвоста».

«Потому что это ужасно – убить единорога, – сказал Флоренц. – Только тот, кто играет ва-банк может решиться на такое преступление. Кровь единорога сохранит тебе жизнь, даже если ты на волосок от смерти, но ужасной ценой. Ты убил чистое и беззащитное создание, чтобы спасти себя – и твоя жизнь станет проклятием с того момента, как кровь коснется губ».

Гарри смотрел на затылок Флоренца, который казался серебряным в лунном свете.

«Но кто может быть в таком отчаянии? – спросил он вслух. – Если ты будешь навечно проклят, не лучше ли принять смерть?»

«Лучше, – согласился Флоренц. – Если только тебе не нужно продержаться до тех пор, пока ты сможешь выпить что-то еще – что-то, что вернет тебе былую силу и власть – что-то, после чего ты никогда не умрешь. Мистер Поттер, ты знаешь, что хранится сейчас в школе?»

«Философский камень! Ну конечно, эликсир жизни! Но я не понимаю, кто...»

«Тебе не приходит на ум кто-то, кто много лет ждал возвращения, кто цеплялся за жизнь и искал возможность?» Внезапно будто железный кулак сжал сердце Гарри. Сквозь шелест деревьев, ему

послышались слова Хагрида, которые он произнес в ночь их знакомства:

«Кто-то говорит, что он умер. Я думаю, он исчез. Не знаю, много ли в нем осталось человеческого, мог ли он вообще умереть?»

«Ты хочешь сказать, – произнес Гарри охрипшим голосом, – что Вол...»

«Гарри! Гарри, с тобой все в порядке?» Эрмиона бежала к ним по тропинке, обогнав пыхтящего Хагрида.

«В порядке, – ответил Гарри, не совсем понимая, о чем говорит. – Единорог мертв, Хагрид, он на поляне вон там».

«Здесь я вынужден вас покинуть, – прошептал Флоренц, когда Хагрид кинулся в ту сторону. – Теперь ты в безопасности». Гарри соскользнул на землю.

«Удачи, Гарри Поттер, – сказал Флоренц. – Бывало, звезды толковались неверно, даже кентаврами. Надеюсь, это как раз тот случай». Он повернулся и ускакал обратно в чащу, а Гарри дрожа смотрел ему вслед. Рон заснул в темноте гостиной, пока ждал их. Он крикнул что-то про фолы, когда Гарри начал будить его. Через несколько секунд он уже сидел широко открыв глаза и Гарри поведал ему и Эрмионе о том, что случилось в лесу. Гарри не сиделось на месте. Он шагал взад и вперед перед камином и не мог унять дрожь.

«Снэйп хочет достать камень для Волдеморта... Волдеморт ждет в лесу... а все это время мы думали, что Снэйп просто хочет разбогатеть!»

«Перестань произносить это имя!» – сказал Рон испуганным шепотом, как будто думал, что Волдеморт может их услышать. Гарри не обратил внимания.

«Флоренц спас меня, но он не должен был... Бэйн был взбешен... он говорил о том как плохо вмешиваться в предсказания планет... Они должны знать, что Волдеморт возвращается... Бэйн думает, что Флоренцу надо было позволить Волдеморту убить меня... Думаю, это тоже сказали им звезды...»

«Перестань произносить это имя!» – прошипел Рон.

«И теперь мне остается только сидеть и ждать, пока Снэйп упрет камень, – продолжал Гарри горячо. – Тогда Волдеморт сможет прийти и прикончить меня... Полагаю, Бэйн будет счастлив». Эрмиона казалась очень испуганной, но все же попыталась успокоить его.

«Гарри, все говорят, что Дамблдор – единственный человек, которого Сам-Знаешь-Кто боялся, и пока Дамблдор рядом, Сам-Знаешь-Кто тебя не тронет. И вообще, с чего ты взял, что кентавры правы? Это похоже на предсказание будущего, а профессор Мак-Гонагалл утверждает, что этот раздел магии не слишком точен». Небо уже светлело, а они все говорили и говорили. Уставшие и охрипшие они улеглись наконец в кровати. Но сюрпризы этой ночи еще не кончились. Когда Гарри откинул одеяло, он увидел свой Плащ-Невидимку, аккуратно спрятанный под ним. К плащу была приколата записка:

«Просто на всякий случай».

Глава шестнадцатая. Через люк

Впоследствии Гарри не мог вспомнить, как ему удалось нормально сдать экзамены, когда он в любую минуту ожидал появления Волдеморта на пороге комнаты. Но день шел за днем, и не было никакого сомнения, что за запертой дверью Пушок все еще жив и здоров.

Стояла удушающая жара, особенно в большой аудитории, где проходили письменные экзамены. Им выдали новые перья, специально заколдованные Противосписывающим заклинанием. Были у них и практические экзамены. Профессор Флитвик вызывал их по одному в класс и проверял, могут ли они заставить ананас танцевать на столе. Профессор Мак-Гонагалл наблюдала, как они превращали мышь в табакерку (баллы добавлялись за изящность и снимались, если у табакерки оставались усы). Снэйп дышал им в затылок, пока они лихорадочно вспоминали рецепт зелья забывчивости. Гарри, как только мог, старался не замечать острую боль в голове, которая преследовала его после возвращения из леса. Невилл говорил, что у Гарри тяжелая форма экзаменационной лихорадки и поэтому он плохо спит. Но на самом деле Гарри мучил его старый кошмар, ставший еще страшнее: в нем появлялась закутанная в плащ фигура и струилась кровь. Может быть потому, что они не видели того, что Гарри видел в лесу, или потому, что у них не было жгущего шрама на лбу, но Эрмиона и Рон, похоже, не беспокоились о камне так, как он. Мысль о Волдеморте, конечно, пугала их, но он не приходил к ним во сне, и они были так заняты учебой, что у них не хватало времени беспокоиться о том, что замышляет Снэйп или кто-то там еще. Последним экзаменом была история магии. Всего час ответов на вопросы об этих ненормальных волшебниках, которые изобрели самопомешивающиеся котлы, и они будут свободны! Свободны на целую чудесную неделю до объявления результатов экзаменов! Когда привидение профессора Биннса велело им положить перья на стол и свернуть пергаменты, Гарри радостно переглянулся с остальными.

«Было значительно легче, чем я думала, – сказала Эрмиона, когда они присоединились к толпе на освещенной солнцем площадке. – Зря я учила про Кодекс Поведения Оборотней 1637-ого года и про восстание Элфрика Жадного». Эрмиона любила после экзамена разбирать свои ответы, но Рон сказал, что ему от этого становится дурно. Они не спеша спустились к озеру и повалились на траву в тени дерева. Близнецы Висли и Ли Джордан щекотали щупальца гигантского спрута, который грелся на мелководье.

«Больше никаких занятий, – счастливо вздохнул Рон, вытягиваясь на траве. – Смотри веселей, Гарри. У нас еще целая неделя до того, как мы узнаем, что провалили экзамены. Чего волноваться раньше времени?» Гарри тер свой лоб.

«Хотел бы я знать, что это значит! – выпалил он сердито. – Мой шрам все время болит – это бывало и раньше, но не так часто».

«Сходи к мадам Помфрей», – предложила Эрмиона.

«Я не болен, – сказал Гарри. – Я думаю, это предупреждение. И оно означает приближение опасности...» Рона трудно было расшевелить на такой жаре.

«Гарри, расслабься, Эрмиона права: камень в безопасности рядом с Дамблдором.

Во всяком случае, у нас нет доказательства, что Снэйп узнал, как пройти Пушка. И скорее Невилл будет выступать за Англию в квиддитч, чем Хагрид предаст Дамблдора». Гарри кивнул, но он не мог избавиться от навязчивого ощущения, что он забыл что-то сделать, что-то важное. Когда он пытался объяснить это, Эрмиона сказала:

«Это все экзамены. Я прошлой ночью проснулась и взялась за конспекты по преобразованию. Прочла почти половину, пока сообразила, что мы это уже сдали». Однако Гарри был уверен, что чувство тревоги не было связано с учебой. Он наблюдал за порханием совы в синем небе, она полетела в сторону школы, с запиской, зажатой в клюве. Только Хагрид посылал ему письма. Хагрид никогда не предаст Дамблдора. Хагрид никогда никому не скажет, как пройти Пушка... никогда... но... Гарри внезапно вскочил на ноги.

«Ты куда?» – сонно спросил Рон.

«Мне только что пришло в голову, – сказал Гарри, бледнея. – Мы должны пойти к Хагриду. Немедленно».

«Зачем?» – спросила Эрмиона, оживляясь.

«Не кажется ли вам немного странным, – сказал Гарри, карабкаясь вверх по травянистому склону, – что Хагрид больше всего на свете мечтает о драконе, и тут как раз появляется незнакомец с яйцом в кармане? Много ли людей ходит здесь с драконьими яйцами, когда это запрещено законами волшебников? Вы думаете, они случайно нашли Хагрида? Как я раньше не догадался?»

«Да о чем ты говоришь?» – спросил Рон, но Гарри не ответил – он уже мчался в сторону леса. Хагрид сидел в кресле перед своим домом. Он засучил брюки и рукава и шелушил горох в большую миску.

«Привет, – сказал он, улыбаясь. – Сдали экзамены? Может по стаканчику чая?»

«С удовольствием», – сказал Рон, но Гарри оборвал его.

«Нет, мы спешим. Хагрид, я должен тебя спросить кое о чем. Помнишь ту ночь, когда ты выиграл Норберта? Этот незнакомец, с которым ты играл в карты, как он выглядел?»

«Ну, не знаю, – ответил Хагрид безразлично, – он не снимал плаща». Тут Хагрид заметил их ошеломление и удивленно поднял брови.

«Да тут нет ничего такого, вы встретите сколько угодно чудных парней в

«Свиной башке» – это паб там внизу, в деревне. Это мог быть торговец драконами, разве нет? Он не показывал лицо, всегда был в капюшоне».

Гарри в изнеможении опустился рядом с миской гороха:

«О чем ты с ним говорил, Хагрид? Ты упоминал Хогвартс?»

«Мог и сказать, – пробормотал Хагрид, стараясь вспомнить. – Ага... он спросил, чем я занимаюсь, и я рассказал, что я лесник здесь... Еще он спросил, каких тварей мне удавалось поймать, и я рассказал... И я сказал, что на самом деле всегда хотел дракона... и он... Я плохо помню, потому что он все время покупал мне выпивку... Ну-ка посмотрим... ага, он сказал, что у него есть яйцо дракона, и мы могли бы сыграть в карты на него... но он должен быть уверен, что я смогу справиться с ним... Ну я и сказал ему, что после Пушка дракон не проблема...»

«И он – тебе показалось, он заинтересовался Пушком?» – спросил Гарри, стараясь не выдать своего волнения.

«Ну... да, а как ты думаешь? Много ли трехглавых псов можно встретить даже около Хогвартса? Ну, так я сказал ему, что Пушок прост, как табуретка, если знать, как успокоить его. Стоит ему услышать музыку, и он засыпает на месте как...» Хагрид внезапно замолчал с выражением ужаса на лице.

«Я не должен был вам этого говорить! – выдавил он. – Забудьте это! Эй, вы куда?» Гарри, Рон и Эрмиона молчали всю дорогу, пока не остановились у вестибюля, который казался очень холодным и мрачным после солнца снаружи.

«Мы должны идти к Дамблдору, – сказал Гарри. – Хагрид рассказал, как пройти Пушка тому незнакомцу, а это был либо Снэйп, либо Волдеморт. Это было легко, раз уж они напоили его. Надеюсь, Дамблдор нам поверит. Флоренц может поддержать нас, если только Бэйн не остановит его. Где же кабинет Дамблдора?» Они огляделись, как будто надеясь увидеть табличку, указывающую правильное направление. Им никогда не говорили, где жил Дамблдор, и они не знали никого, кто заходил бы к нему.

«Нам просто надо...» – начал Гарри, но его прервал звонкий голос, прокатившийся по вестибюлю.

«Что вы трое делаете тут в помещении?» Это была профессор МакГонагалл, тащившая большую кипу книг.

«Мы хотим увидеть профессора Дамблдора», – храбро заявила Эрмиона.

«Увидеть профессора Дамблдора? – повторила профессор МакГонагалл, как будто это было очень подозрительное желание. – Зачем?» Гарри замялся – что сказать?

«Это как бы секрет...» – произнес он, но тут же пожалел об этом, потому что профессор МакГонагалл вспыхнула.

«Профессор Дамблдор отбыл десять минут назад, – сказала она холодно. – Он получил срочную сову из Министерства Магии и сразу же вылетел в Лондон».

«Он улетел? – повторил Гарри не веря своим ушам. – Только что?»

«Профессор Дамблдор великий волшебник, Поттер, и его время расписано по минутам...»

«Но это очень важно!»

«То, что ты хочешь сказать, важнее Министерства Магии, Поттер?»

«Послушайте, – сказал Гарри, отбрасывая осторожность, – профессор – это насчет философского камня...» Профессор Мак-Гонагалл могла ожидать чего угодно, но только не это. Книги посыпались из ее рук, но она даже не стала поднимать их.

«Как вы узнали...?» – пробормотала она.

«Профессор, я думаю – я знаю – что Снэ... что кто-то собирается украсть камень. Я должен поговорить с профессором Дамблдором». Она смотрела на него со смешанным выражением потрясения и подозрения.

«Профессор Дамблдор вернется завтра, – сказала она наконец. – Не знаю, откуда вам известно про камень, но все уверяют, что его невозможно украсть, он слишком хорошо охраняется».

«Но, профессор...»

«Поттер, я знаю, о чем говорю, – отрезала она. Она наклонилась и стала собирать упавшие книги. – Вы бы лучше шли на свежий воздух, погуляли на солнышке». Но они не пошли.

«Это будет сегодня, – сказал Гарри, когда профессор Мак-Гонагалл отошла достаточно далеко. – Снэйп собирается пройти через люк сегодня вечером. Он узнал все, что ему нужно, а теперь и Дамблдор ему не помешает. Это он послал записку. Могу поспорить, в Министерстве Магии будут удивлены, когда Дамблдор заявится туда».

«Но что же мы можем сделать...» Эрмиона негромко вскрикнула. Гарри и Рон обернулись. Рядом стоял Снэйп.

«Добрый день», – произнес он вкрадчиво. Они уставились на него.

«Напрасно вы в помещении в такой денек», – сказал он со странной кривой усмешкой.

«Мы хотели...» – начал Гарри, не представляя, что он скажет дальше.

«Вам следует быть осторожнее, – сказал Снэйп. – Будете шляться здесь, подумают, что вы замышляете что-то. А Гриффиндор уже не может себе позволить терять очки, не так ли?» Гарри вспыхнул. Они повернулись к выходу, но Снэйп вернул их.

«Предупреждаю тебя, Поттер – еще одна ночная прогулка и я лично позабочусь о твоём отчислении. Всего хорошего». И он зашагал в направлении учительской. На каменных ступенях Гарри повернулся к остальным.

«Ладно, вот что мы должны делать, – прошептал он настойчиво. – Один из нас должен следить за Снэйпом – ждать около учительской и идти за ним, если он выйдет. Эрмиона, это лучше сделать тебе».

«Почему мне?»

«Это же очевидно, – сказал Рон. – Ты можешь притвориться, что ждешь профессора Флитвика, как обычно – Ой, профессора Флитвик, я так волнуюсь, кажется я неправильно ответила на четырнадцатый вопрос...» – произнес он фальцетом.

«Заткнись», – сказала Эрмиона, но согласилась идти наблюдать за Снэйпом.

«А нам лучше подождать около коридора на третьем этаже, – сказал Гарри Рону. – Пошли». Но эта часть плана не удалась. Не успели они подойти к двери, отделяющей Пушка от остальной школы, как профессор Мак-Гонагалл появилась снова и на этот раз она разозлилась.

«Кажется, вы думаете, что вас пройти труднее, чем кучу заклинаний!» – бушевала она. – Хватит глупостей! Если я узнаю, что вы снова шатаетесь поблизости, Я сниму с Гриффиндора еще пятьдесят очков! Да, Висли, со своего колледжа!» Гарри и Рон поплелись обратно в гостиную.

«По крайней мере, Эрмиона на хвосте у Снэйпа», – сказал Гарри, как вдруг портрет Толстушки качнулся и появилась Эрмиона.

«Гарри мне так жаль! – запричитала она. – Снэйп вышел и спросил, что я тут делаю, и я сказала, что жду Флитвика, и Снэйп пошел за ним, и мне пришлось удрать, и я не знаю, где сейчас Снэйп».

«Ну, что ж, ничего не поделаешь», – сказал Гарри. Двое других уставились на него. Он был бледен и глаза его сверкали.

«Я собираюсь выйти отсюда сегодня ночью и попытаюсь добраться до камня первым».

«Ты псих!» – сказал Рон.

«Ты не можешь! – сказала Эрмиона. – После того, что сказали Мак-Гонагалл и Снэйп? Тебя исключат!»

«НУ И ЧТО! – закричал Гарри. – Вы не понимаете? Если Снэйп получит камень, Волдеморт вернется! Вы что, не слышали, как это было, когда он пытался захватить власть? Тогда не будет никаких Хогвартсов, из которых можно быть исключенным! Он сравнивает его с землей или сделает школой для темных сил! Потеря очков теперь не

имеет значения, как вы не понимаете! Думаете он оставит вас и ваши семьи в покое, если Гриффиндор выиграет кубок колледжей? Если меня поймают раньше, чем я доберусь до камня, что ж, мне придется вернуться к Десли и дожидаться Волдеморта там. Просто там я умру немного позже, чем здесь, потому что я никогда не перейду на сторону темных сил! Я пойду сегодня через этот люк и, что бы вы ни говорили, это не остановит меня! Ведь Волдеморт убил моих родителей, не забываете». Он смотрел на них горящими глазами.

«Ты прав, Гарри», – сказала Эрмиона тихим голосом.

«Я надену плащ-невидимку, – сказал Гарри. – Повезло, что я получил его назад».

«А он сможет укрыть всех троих?» – сказал Рон.

«Всех – всех троих?»

«Ох, да перестань, неужели ты думаешь, мы отпустим тебя одного?»

«Конечно, нет! – оживилась Эрмиона. – Как ты собираешься добраться до камня без нас? Пожалуй, я пойду полистаю свои книжки, там может быть что-то полезное...»

«Но, если нас поймают, вас тоже исключат».

«Не исключат, – сказала Эрмиона мрачно. – Флитвик сказал мне по секрету, что я получила сто двадцать процентов на его экзамене. После этого они не смогут меня просто так вышвырнуть». После обеда все трое собрались в гостиной. Никто их не беспокоил; гриффиндорцам не о чем было разговаривать с Гарри после всего, что произошло. Впервые он не слишком жалел об этом. Эрмиона просматривала свои конспекты, надеясь встретить одно из заклинаний, которые им придется преодолевать. Гарри и Рон почти не разговаривали. Каждый думал о том, что им предстоит. Постепенно комната пустела, народ расходился по спальням.

«Лучше взять плащ», – пробормотал Рон, когда Ли Джордан наконец ушел, зевая и потягиваясь. Гарри бегом поднялся в темную спальню. Он достал плащ и вдруг его взгляд упал на флейту, которую Хагрид подарил ему на Рождество. Он положил ее в карман для Пушка – петь ему не очень-то хотелось. Он спустился назад в гостиную.

«Давайте наденем плащ здесь и убедимся, что он накроет всех нас – если Филч заметит наши ноги, гуляющие сами по себе...»

«А что это вы тут делаете, а?» – послышался голос из угла комнаты. Из-за кресла вылез Невилл. В руках он сжимал Тревора, который, похоже, снова пытался обрести свободу.

«Ничего, ничего, Невилл», – сказал Гарри, торопливо пряча плащ за спиной. Невилл уставился на их виноватые лица.

«Вы опять куда-то уходите», – сказал он.

«Нет, нет, нет, – сказала Эрмиона. – Никуда мы не уходим. Шел бы ты спать, Невилл». Гарри посмотрел на большие напольные часы рядом с дверью. Больше нельзя было терять ни минуты, может быть, Снэйп уже усыпляет Пушка.

«Вам нельзя выходить, – сказал Невилл, – вас опять поймают. У Гриффиндора будет еще больше проблем».

«Ты не понимаешь, – сказал Гарри, – это очень важно». Но видно было, что Невилл непоколебим в своей отчаянной решимости остановить их.

«Я вас не пущу, – сказал он, закрывая собой проход за портретом. – Я – я – буду драться!»

«Невилл! – взорвался Рон, – уйди с дороги, не будь идиотом...»

«Не смей называть меня идиотом! – закричал Невилл. – Я уверен, что вам нельзя снова нарушать правила. И не ты ли учил меня возражать людям!»

«Да, но не нам, – сказал Рон с раздражением. – Невилл, ты сам не понимаешь, что делаешь». Он шагнул вперед и Невилл выронил Тревора, который тут же упрыгал из виду.

«Ладно, давай, ударь меня! – сказал Невилл, поднимая кулаки. – Я готов!» Гарри повернулся к Эрмионе.

«Сделай что-нибудь», – в отчаянии сказал он. Эрмиона шагнула вперед.

«Невилл, – сказала она, – мне действительно очень, очень жаль». Она подняла палочку.

«Окаменелус абсолютус!» – выкрикнула она, направив палочку на Невилла. Невилл вытянулся по стойке смирно, не в силах пошевелить и пальцем. Он покачался немного на месте и упал плашмя лицом вниз, прямой как доска.

Эрмиона подбежала, чтобы перевернуть его. Зубы Невилла были крепко стиснуты и он не мог говорить. Только глаза двигались, глядя на них с ужасом.

«Что ты с ним сделала?» – прошептал Гарри.

«Это обездвиживатель в сильной форме, – сказала Эрмиона с несчастным видом. – Ох, Невилл, мне так жаль».

«Мы были вынуждены, Невилл, нет времени объяснять» – сказал Гарри.

«Потом поймешь, Невилл», – сказал Рон, когда они перешагивали через него и натягивали плащ-невидимку. То, что они бросили Невилла беспомощно лежать на полу, не было похоже на доброе предзнаменование. В их взвинченном состоянии каждая тень от статуи казалась им Филчем, каждое легкое дуновение ветерка напоминало Пивза, готового свалиться им на головы. У подножия первого пролета лестницы они заметили крадущуюся Миссис Норрис.

«Ой, давайте пнем ее, хотя бы разочек», – прошептал Рон на ухо Гарри, но Гарри отрицательно покачал головой. Когда они осторожно поднимались мимо нее по лестнице, Миссис Норрис повернула к ним свои светящиеся глаза, но осталась на месте.

Никого больше не встретив, они добрались до лестницы, ведущей на третий этаж. Посередине лестничного пролета возился Пивз, прилаживая ковер так, чтобы идущие по лестнице спотыкались.

«Кто тут? – внезапно сказал он, когда они начали подниматься. Он прищурил свои злые черные глаза. – Я знаю, что ты здесь, хотя и не вижу тебя. Молви, кто ты, невидимка: дьявол, дух иль животинка?» Он поднялся в воздух и поплыл над лестницей, косясь в их сторону.

«Позову-ка Филча, я должен позвать, если что-то невидимое ползает поблизости». Гарри внезапно осенило.

«Пивз, – просипел он страшным шепотом, – у Кровавого Барона есть свои причины быть невидимым». Пивз чуть не шлепнулся на пол от потрясения, но вовремя спохватился и повис на высоте около фута над ступенями.

«Простите, Ваша Кровавость, Господин Барон, сэр, – запричитал он вкрадчиво. – Виноват, виноват – я вас не узнал – конечно, вы же невидимы – простите старому Пивзу эту выходку, сэр».

«У меня здесь дела, Пивз, – хрипел Гарри. – Держись отсюда подальше этой ночью».

«Конечно, сэр, можете не сомневаться, – сказал Пивз, снова взмывая в воздух. – Желаю удачи в ваших делах, Барон, не буду вам мешать». И он поспешно ретировался.

«Отлично, Гарри!» – прошептал Рон. Через несколько секунд они были на месте, перед коридором третьего этажа – и дверь была уже приоткрыта.

«Ну, вот, – сказал Гарри тихо, – Снэйп уже прошел Пушка».

Вид открытой двери заставил всех троих задуматься о том, что ждало их дальше. Под Плащом Гарри повернулся к остальным.

«Если хотите вернуться, я не буду вас осуждать, – сказал он. – Можете взять Плащ – мне он больше не нужен».

«Не говори ерунду», – сказал Рон.

«Мы идем», – добавила Эрмиона. Гарри толкнул дверь.

На скрип двери отозвалось низкое рокочущее рычание. Пес неистово приняхивался всеми тремя носами в их сторону, хотя и не мог их видеть.

«Что там около его лап?», – прошептала Эрмиона.

«Похоже на арфу, – сказал Рон. – Должно быть Снэйп бросил ее».

«Он просыпается, как только перестаешь играть, – сказал Гарри. – Ну, начнем...» Он поднес флейту Хагрида к губам и подул. Это не было настоящей мелодией, но при первых звуках глаза чудовища начали закрываться. Гарри боялся вздохнуть. Постепенно рычание пса затихло – он немного постоял, пошатываясь на лапах, опустился на колени и, наконец, растянулся на полу в глубоком сне.

«Продолжай играть, – предупредил Рон, когда они, сбросив Плащ, крались к люку. До них долетало горячее зловонное дыхание гиганта. – Надеюсь, мы сможем открыть люк, – сказал Рон, глядя вверх на чудовища. – Хочешь пойти первой, Эрмиона?»

«Ну уж нет!»

«Ладно». Рон стиснул зубы и аккуратно перешагнул через лапу. Он нагнулся и потянул за кольцо. Крышка люка качнулась вверх и открылась.

«Что ты там видишь?» – нетерпеливо спросила Эрмиона.

«Ничего – только темнота – и тут нет возможности спуститься, нам придется прыгать. Гарри, который продолжал играть на флейте, помахал Рону, чтобы привлечь его внимание, и указал на себя.

«Ты пойдешь первым? Ты уверен?» – сказал Рон.

«Не знаю, насколько глубока эта штука. Дай флейту Эрмионе, она не даст ему проснуться». Гарри передал флейту. Во время короткой паузы пес зарычал и начал подергиваться, но, как только Эрмиона

начала играть, он снова крепко заснул. Гарри перелез через него и заглянул в люк. Там не было никакого намека на дно. Он опустил в отверстие и повис, держась только кончиками пальцев. Затем он посмотрел вверх на Рона и сказал, «Если со мной что-то случится, не лезьте сюда. Бегите в совятню и пошлите Хедвиг к Дамблдору. Хорошо?»

«Хорошо», – кивнул Рон.

«Ну, скоро увидимся. Надеюсь...» И Гарри разжал пальцы. Холодный, сырой воздух проносился мимо, когда он падал, падал, падал и – ШЛЕП. Со странным, приглушенным звуком он приземлился на что-то мягкое. Он сел и пошарил вокруг, его глаза еще не привыкли к темноте. То, на чем он сидел, было похоже на какое-то растение.

«Порядок! – крикнул он вверх, в сторону светящегося отверстия люка, казавшегося не больше почтовой марки. – Здесь мягкое приземление, можете прыгать». Рон сразу же прыгнул и упал, растянувшись рядом с Гарри.

«Что это за дрянь?» были его первые слова.

«Не знаю, какое-то растение. Я думаю, оно здесь специально, чтобы не разбиться. Давай, Эрмиона!» Отдаленная музыка умолкла. Послышался громкий лай пса, но Эрмиона уже прыгнула. Она приземлилась с другой стороны от Гарри.

«Мы должны быть очень глубоко под школой», сказала она.

«Нам повезло, что эта штука здесь растет...», – сказал Рон.

«Повезло? – заорала Эрмиона. – Посмотрите на себя!» Она вскочила и прорвалась к сырой стене. Ей пришлось прорываться, потому что в тот момент, как она приземлилась, растение начало обвивать своими змееподобными отростками ее лодыжки. Что касается Гарри и Рона, то их ноги были уже крепко опутаны длинными плетями. Эрмионе удалось освободиться до того, как растение сковало ее в своих объятиях. Теперь она с ужасом наблюдала, как мальчики пытались сбросить с себя его плети, но чем больше они сопротивлялись, тем теснее и крепче сжимались путы.

«Не двигайтесь! – приказала им Эрмиона. – Я знаю, что это – это Лапа дьявола!»

«О, я так рад, что мы знаем, как оно называется, это так помогло!» – проворчал Рон, уклоняясь от отростка, который пытался обвиться

вокруг его шеи.

«Заткнись! Я пытаюсь вспомнить, как с ним справиться!» – ответила Эрмиона.

«Отлично, скорей, я не могу дышать!» – выдавил Гарри, борясь с плетью, обвившей ему грудь.

«Лапа дьявола, Лапа дьявола... что говорила профессор Росток? – оно любит темноту и сырость».

«Ну, так зажги огонь!» – прохрипел Гарри.

«Да – конечно – но ведь тут нет дров!» – вскричала чуть не плача Эрмиона.

«ДА ТЫ В СВОЕМ УМЕ? – завопил Рон. – ТЫ ВЕДЬМА ИЛИ КТО?»

«Ой, точно!» – воскликнула Эрмиона. Она выхватила палочку, взмахнула ей, пробормотала что-то и послала в растение струю того же голубоватого пламени, которое она использовала против Снэйпа. Несколько секунд – и мальчики почувствовали, как Лапа дьявола ослабляет свои объятия, съеживаясь от света и тепла. Извиваясь и содрогаясь, растение распутало свои плети, и они смогли освободиться.

«Повезло, что ты увлекалась травоведением, Эрмиона», – сказал Гарри, становясь рядом с ней у стены и вытирая пот со лба.

«Да уж, – пропыхтел Рон, – и еще повезло, что кое-кто не потерял голову в критический момент – 'тут нет дров!', в самом деле».

«Пойдем», – сказал Гарри, указывая на каменный коридор, единственный путь вперед. Все, что они могли слышать, не считая собственных шагов, было тихое капанье воды, струящейся по стенам. Коридор имел уклон вниз и это напомнило Гарри Гринготтс. С неприятным замиранием сердца он вспомнил о драконах, которые, по слухам, охраняли хранилища в банке волшебников. Если они встретят дракона, взрослого дракона... Даже Норберт был не подарок.

«Вы что-нибудь слышите?» – прошептал Рон. Гарри прислушался. Ему показалось, что он слышит тихий шелест и звон, доносящийся спереди.

«Ты думаешь, это привидение?» – прошептал Рон.

«Не знаю... похоже на крылья».

«Там впереди свет – я вижу, какое-то движение». Они дошли до конца коридора и увидели перед собой ярко освещенную комнату с

высоким сводчатым потолком. Там было полно маленьких сверкающих птичек, которые порхали и кружились по всей комнате. На противоположной стороне комнаты была тяжелая деревянная дверь.

«Как думаете, они набросятся на нас, когда мы войдем в комнату?» – спросил Рон.

«Возможно, – ответил Гарри. – Они не выглядят агрессивно, но если мы ввалимся все разом... ладно, другого выхода нет. Я попробую». Он глубоко вздохнул, закрыл лицо руками и бросился через комнату. Он ждал, что в любой момент острые клювы и когти вопьются в него, но ничего не произошло. Он достиг двери невредимым. Он потянул за ручку, но дверь была заперта. Двое других присоединились к нему. Они дергали ручку и налегали на дверь, но она даже не шелохнулась. Эрмиона попробовала заклинание

«Алохомора», но и это не помогло».

«Что же делать?» – сказал Рон.

«Эти птицы... не могут же они быть только для красоты», – сказала Эрмиона. Некоторое время они наблюдали за сверкающим парением птиц над головой... Сверкающим?

«Это не птицы! – неожиданно заявил Гарри. – Это ключи! Летающие ключи – посмотрите внимательно. Значит тут должны быть... – он оглядел комнату, пока его друзья наблюдали за стаяй ключей. – Точно – смотрите! Метлы! Мы должны поймать ключ, чтобы открыть дверь!»

«Но их тут сотни!» Рон внимательно осмотрел замочную скважину.

«Нам нужен большой старомодный ключ, возможно серебряный – такой же, как ручка». Они схватили метлы и взмыли в воздух, целясь в самую середину тучи ключей. Они пытались хватать ключи, но те металась и уворачивались с такой быстротой, что невозможно было поймать хотя бы один.

Но не зря же Гарри был самым молодым ловцом за последние сто лет. У него была способность замечать то, чего не видели другие. После минуты кружения в вихре радужных перьев, он заметил большой серебряный ключ, одно крыло которого было изогнуто. Похоже, что его однажды уже поймали и грубо пихали в замочную скважину.

«Вон тот! – показал Гарри остальным. – Тот, большой – там – нет, дальше – с ярко-синими крыльями – у него перья с одной стороны

оттопырены». Рон бросился в том направлении, куда указывал Гарри, врезался в потолок и чуть не свалился с метлы.

«Мы должны окружить его! – крикнул Гарри, не отрывая взгляда от ключа с поврежденным крылом. – Рон, ты заходи на него сверху. Эрмиона, будь под ним и не давай ему спуститься, а я попробую поймать его. Ну, ПОШЛИ!» Рон спикировал сверху, Эрмиона налетела снизу, но ключ увернулся от обоих, и Гарри помчался за ним. Ключ отлетел к стене, Гарри потянулся вперед и с хрустом прижал его к камню. Радостные крики Рона и Эрмионы эхом прокатились под сводами комнаты.

Они быстро спустились, и Гарри бросился к двери с ключом, вырывающимся из его рук. Он протолкнул его в замочную скважину и повернул – сработало! Как только замок щелкнул, ключ снова вырвался, но вид после двух поимок у него был довольно потрепанный.

«Готовы?» – спросил Гарри друзей, положив руку на ручку двери. Они кивнули. Он распахнул дверь. В следующей комнате было так темно, что они вообще ничего не видели. Но, как только оно перешагнули порог, комната внезапно наполнилась светом и открылась изумительная сцена.

Они стояли на краю огромной шахматной доски позади черных фигур, которые были выше их и как будто вырезаны из черного камня. На противоположной стороне комнаты стояли белые фигуры. Их вид заставил ребят вздрогнуть: у белых фигур не было лиц.

«Что мы должны сделать теперь?» – прошептал Гарри.

«По-моему, ясно, – сказал Рон. – Нам надо выиграть проход через комнату». За белыми фигурами была видна другая дверь.

«Но как?» – взволнованно спросила Эрмиона.

«Я думаю, – сказал Рон, – нам придется стать шахматными фигурами». Он подошел к черному рыцарю и, протянув руку, коснулся его коня. В ту же секунду каменная фигура ожила. Конь начал бить копытом землю, а рыцарь повернул свою закрытую шлемом голову и посмотрел на Рона.

«Мы что – гм – должны присоединиться к вам, чтобы перебраться на ту сторону?» – черный рыцарь кивнул. Рон повернулся к остальным.

«Тут надо подумать, – сказал он. – Похоже, нам придется занять места трех черных фигур...» Гарри и Эрмиона молча ждали, пока Рон думал. Наконец он сказал:

«Так, не обижайтесь, но вы не очень-то сильны в шахматах...»

«Мы не обижаемся, – перебил Гарри. – Просто скажи, что нам делать».

«Хорошо, Гарри, встань на место вон того слона. Эрмиона, ты встанешь рядом с ним вместо ладьи».

«А ты?»

«Я буду конем», – сказал Рон. Шахматные фигуры как будто слышали их разговор. Конь, слон и ладья развернулись и пошли прочь с поля, оставив три клетки свободными. Гарри, Рон и Эрмиона встали на свои места.

«Белые всегда начинают, – сказал Рон, всматриваясь в противоположную сторону доски. – Так и есть, смотрите...» Белая пешка передвинулась вперед на две клетки.

Рон начал руководить черными фигурами. Они в молчании перемещались туда, куда он указывал. У Гарри дрожали колени. Что, если они проиграют?

«Гарри, передвинься на четыре клетки по диагонали направо». Первое настоящее потрясение они испытали, когда потеряли второго коня. Белый ферзь сбил его с ног и уволок за пределы поля, где он остался лежать неподвижно, лицом вниз.

«Пришлось пожертвовать им, – сказал Рон озабоченно. – Это дает тебе возможность взять того слона, Эрмиона, давай». Но, теряя своих, белые не оставались в долгу. Вскоре целая толпа хромающих черных фигур ковыляла вдоль стены. Дважды Рон только в последний момент заметил опасность, угрожавшую Гарри и Эрмионе. Сам он метался по всей доске, отыграв почти столько же белых фигур, сколько они потеряли своих.

«Мы почти у цели, – внезапно пробормотал он. – Дайте подумать, дайте подумать...» Белый ферзь повернул к нему свое пустое лицо.

«Да... – согласился Рон медленно. – Это единственный путь... Мной придется пожертвовать».

«Нет!» – закричали Гарри и Эрмиона.

«Это шахматы! – отрезал Рон. – Приходится кем-то жертвовать! Я перейду на одну клетку вперед, и ферзь возьмет меня. Это даст тебе

возможность поставить мат королю, Гарри».

«Но...»

«Вы хотите остановить Снэйпа или нет?»

«Рон...»

«Послушайте, он доберется до камня, если вы не поспешите». У них действительно не было выбора.

«Готовы? – выкрикнул Рон. Его лицо было бледным, но решительным. – Я иду. А вы не торчите тут, когда победите».

Он шагнул вперед, и белый ферзь напал на него. Он нанес Рону страшный удар по голове своей каменной рукой и Рон повалился на пол. Эрмиона вскрикнула, но осталась на своей клетке. Ферзь оттащил Рона с доски и бросил на пол. Дрожа, Гарри перешел на три клетки влево.

Белый король снял свою корону и бросил к ногам Гарри. Они победили. Шахматные фигуры расступились в поклоне, оставив проход к двери свободным. Бросив последний отчаянный взгляд на Рона, Гарри и Эрмиона прошли через дверь и попали в новый коридор.

«А вдруг он...»

«С ним все будет в порядке, – сказал Гарри, стараясь убедить себя самого. – Что там следующее по счету?»

«У нас уже была Росток с Лапой дьявола; Флитвик, наверно, заколдовал ключи, Мак-Гонагалл оживила шахматные фигуры. Остаются Квиррелл и Снэйп». Они подошли к следующей двери.

«Ну, что?» – прошептал Гарри.

«Открывай». Гарри распахнул дверь. Отвратительный запах ударил им в нос, заставив каждого натянуть мантию на лицо. Сквозь выступившие на глазах слезы они увидели распростертого на полу тролля, больше даже, чем тот, которого они однажды поймали, с окровавленной шишкой на голове.

«Хорошо хоть нам не пришлось с ним сражаться, – прошептал Гарри, аккуратно перешагивая через толстую ногу тролля. – Скорей, здесь невозможно дышать». Он распахнул следующую дверь, едва осмеливаясь взглянуть на то, что ждет дальше. Но там не было ничего страшного, только стол с семью бутылочками разной формы, выставленными в ряд.

«Работа Снэйпа, – сказал Гарри. – Что мы должны сделать?» Они переступили через порог и тотчас же в дверном проеме за ними

вспыхнул огонь. Это был не обычный огонь, его пламя было фиолетовым. В то же мгновение черные языки пламени поднялись в проходе, ведущем из комнаты. Они были в западне.

«Смотри!» – Эрмиона схватила бумажный свиток, лежавший рядом с бутылочками. Глядя ей через плечо, Гарри прочитал:

Опасность впереди тебя, спасенье – позади, Тебе помогут две из нас, какие – сам найди. Всего одна из семерых откроет путь вперед, Другую можешь смело пить, она назад вернет. Две безобидны и полны крапивного вина, А в трех последних – страшный яд от горлышка до дна. Не хочешь здесь стоять весь век? Возьми одну из нас. Подсказки мы тебе даем – четыре в самый раз. Отрава прячется хитро, но в том секрета нет, Что слева от вина она, вот первый наш совет. Второй совет: различны те, что встали по краям, Но коль вперед идти – они, увы, не помощь нам. Вот третий: мы размером все различны, посмотри. Но знай: ни карлик, ни гигант не прячут яд внутри. И, наконец, возьмем вторых от каждого конца, На вид различные они, на вкус – два близнеца.

Эрмиона вздохнула с огромным облегчением, и Гарри с изумлением увидел, что она улыбается – вот уж чего он сейчас никак не ожидал.

«Великолепно – сказала она. – Это не магия – это логика – загадка. Есть сколько угодно великих волшебников, у которых нет ни грамма логики. Они бы застряли тут навечно».

«Вот и мы, похоже, застрянем».

«Конечно, нет, – сказала Эрмиона. – Все, что нам нужно, есть в этой записке. Семь бутылочек: в трех находится яд, в двух – вино, одна поможет пройти сквозь черный огонь, одна – вернуться назад сквозь фиолетовый».

«Но как мы узнаем, из какой выпить?»

«Дай-ка подумать». Эрмиона несколько раз прочла записку. Затем она прошла в зад-вперед вдоль ряда бутылочек, бормоча что-то про себя и указывая их пальцем. Наконец, она хлопнула в ладоши.

«Поняла, – сказала она. – Сквозь черный огонь проведет самая маленькая бутылочка». Гарри посмотрел на крошечный пузырек.

«Но тут хватит только для одного из нас, – сказал он. – Тут едва наберется один глоток». Они взглянули друг на друга.

«А какая поможет пройти сквозь фиолетовый огонь?» Эрмиона указала на округлую бутылочку на правом краю ряда.

«Выпей ее, – сказал Гарри. – Нет, ты послушай, возвращайся и заberi Рона. Хватайте метлы из комнаты с летающими ключами, они вытащат вас из люка и пронесут мимо Пушка. Бегите прямо в советню и пошлите Хедвиг к Дамблдору, он нам нужен. Я, может быть, смогу задержать Снэйпа ненадолго, но я ему не соперник, если честно».

«Гарри, а что, если Сам-Знаешь-Кто с ним?»

«Ну, мне же повезло однажды, так ведь? – сказал Гарри, указывая на свой шрам. – Может быть, повезет снова». Губы Эрмионы задрожали. Внезапно она бросилась к Гарри и обвила его руками.

«Эрмиона!»

«Гарри, знаешь, ты великий волшебник!»

«Мне до тебя далеко», – сказал Гарри смущенно, когда она его отпустила.

«Я? – вскричала Эрмиона. – Книги! И голова! Но есть более важные вещи – дружба, и смелость, и... Ой, Гарри, будь осторожен!»

«Пей первой, – сказал Гарри. – А ты уверена, что где?»

«Абсолютно», – сказала Эрмиона. Она сделала большой глоток из круглой бутылочки и содрогнулась.

«Это не яд?» – спросил Гарри встревожено.

«Нет, но холодная, как лед».

«Быстрее, иди, пока она действует».

«Удачи... и береги себя».

«ИДИ!» Эрмиона повернулась и шагнула прямо в фиолетовый огонь. Гарри глубоко вздохнул и взял самый маленький пузырек. Он повернулся лицом к черному пламени.

«Ну вот, я иду!» – сказал он и одним глотком осушил пузырек. Действительно, как будто лед разлился по его телу. Он поставил на место пузырек и шагнул вперед. Он видел, как черные языки пламени лизали его тело, но ничего не чувствовал. Какое-то время он видел только черное пламя, а затем оказался на другой стороне, в следующей комнате. Там уже был кто-то – но это был не Снэйп. И даже не Волдеморт.

Глава семнадцатая. Человек с двумя лицами

Это был Квиррелл.

«Вы!» – воскликнул Гарри. Квиррелл улыбнулся. Лицо его ни капельки не дергалось.

«Да, я, – спокойно ответил он. – Гадал вот, удастся ли встретить здесь тебя, Поттер».

«Но я думал – Снэйп...»

«Северус? – расхохотался Квиррелл, и смех его прозвучал не обычным дрожащим дискантом, а холодно и резко. – Да, Северус – это как раз нужный тип, не правда ли? Очень полезно, что он носился кругами как нетопырь-переросток. Кто рядом с ним заподозрит б-б-бедного, за-заикающегося п-профессора Квиррелла?» Гарри не мог поверить своим глазам. Это не могло, никак не могло быть правдой.

«Но Снэйп пытался убить меня!»

«Нет, нет, нет. Это я пытался убить тебя. Твоя подруга мисс Грангер случайно сбила меня с ног, когда бежала, чтобы поджечь Снэйпа, на том матче. Она прервала мой визуальный контакт с тобой. Еще бы несколько секунд и я бы скинул тебя с метлы. Да и давно бы уже справился, если бы Снэйп не произносил все время контрзаклинание, пытаюсь тебя спасти».

«Снэйп пытался меня спасти?»

«Конечно, – холодно ответил Квиррелл. – А почему еще он захотел судить следующий матч? Он хотел удостовериться, что я не попытаюсь снова. Да, забавно... на самом деле ему не стоило волноваться – я не мог ничего сделать на глазах у Дамблдора. А все остальные учителя подумали, что Снэйп пытается помешать Гриффиндору выиграть, и ополчились на него... только он зря старался, сегодня я, наконец, убью тебя». Квиррелл щелкнул пальцами. Из воздуха появились веревки и накрепко обвились вокруг Гарри.

«Ты слишком любишь совать свой нос в чужие дела, чтобы оставаться в живых, Поттер. Когда ты шлялся по школе в Хэллоуин,

думаю, ты видел, как я заходил взглянуть, что охраняет камень».

«Так это вы впустили тролля?»

«Конечно. У меня талант насчет троллей – ты, должно быть, видел, что я сделал с тем перед дверью? К сожалению, пока все суетились, Снэйп, который уже тогда меня заподозрил, отправился прямо на третий этаж, чтобы преградить мне путь – по несчастью получилось так, что мой тролль не смог вас убить, а тот трехглавый пес даже не смог нормально откусить Снэйпу ногу.

«А теперь постой спокойно, Поттер. Мне надо поглядеть в это занятное зеркальце». Только при этих словах Гарри понял, что стоит позади Квиррелла. Это было зеркало Джедан.

«Это зеркало – ключ к нахождению Камня, – бормотал Квиррелл, обстукивая раму по периметру. – Уж наверняка Дамблдор придумал что-то в этом роде... но он в Лондоне... я буду уже далеко, когда он вернется...» Единственное, что мог придумать Гарри, было продолжать говорить с Квирреллом и помешать ему сконцентрироваться на зеркале.

«Я видел вас и Снэйпа в лесу...»

«Да, – лениво ответил Квиррелл, обходя зеркало, чтобы глянуть сзади. – Он в то время уже сел мне на хвост, пытаюсь узнать, насколько далеко я зашел. Он подозревал меня всю дорогу. Пытался запугать меня – будто он мог, когда Лорд Волдеморт стоит за мной...» Квиррелл вышел из-за зеркала и жадно заглянул в него.

«Я вижу Камень... Я вручаю его моему хозяину... но где же он?» Гарри попытался ослабить веревки, связывавшие его, но они не поддавались. Пришлось продолжить отвлекать внимание Квиррелла от зеркала.

«Но Снэйп, казалось, всегда так сильно меня ненавидел».

«Это уж точно, – мимоходом заметил Квиррелл, – только черт знает как сильно. Он учился в Хогвартсе вместе с твоим отцом, ты разве не знал? Они ненавидели друг друга. Но он никогда не желал тебе смерти».

«Но я слышал, как вы рыдали несколько дней назад – я подумал, что Снэйп вам угрожает...» В первый раз гримаса страха проскользнула по лицу Квиррелла.

«Иногда, – сказал он, – мне трудно следовать указаниям моего хозяина – он великий колдун, а я слаб...»

«Вы имеете в виду, что ОН был с вами в классе?» – выдохнул Гарри.

«Он со мной, куда бы я ни пошел, – спокойно ответил Квиррелл. – Я встретил его во время странствий по миру. Тогда я был всего лишь глупым юнцом, полным смешных идей о добре и зле. Лорд Волдеморт показал мне, насколько я ошибался. Нет ни добра, ни зла – есть только власть и те, кто слишком слабы, чтобы ее взять... С тех пор я верно ему служил, хотя много раз подводил его. Ему приходится быть очень твердым со мной, – Квиррелл внезапно вздрогнул. – Он не из тех, кто легко прощает ошибки. Когда я не смог украсть камень из Гринготтс, он был недоволен сильнее, чем когда-либо. Он наказал меня... решил, что за мной следует наблюдать повнимательней...» Голос Квиррелла доносился откуда-то издалека. Гарри вспомнил Диагон аллею – как же он мог быть таким дураком? Ведь он же видел там Квиррелла в тот самый день и жал ему руку в «Дырявом котле». Квиррелл выругался про себя.

«Не понимаю... может, камень внутри зеркала? Может, его разбить?» Мысли у Гарри в голове неслись вскачь. Чего мне сейчас больше всего хочется, подумал он – это найти камень раньше Квиррелла. Так что если я гляну в зеркало, я должен увидеть там, как я это делаю – а это значит, что я узнаю, где он спрятан! Но как же в него посмотреть, чтоб Квиррелл не понял, что мне нужно? Он попытался сдвинуться влево, чтобы незаметно для Квиррелла глянуть в зеркало, но веревки у него на лодыжках были слишком туго затянуты – он споткнулся и ничком грохнулся на землю. Квиррелл и не посмотрел на него, он все еще разговаривал сам с собой:

«Что же делает это зеркало? Как оно работает? Помоги мне, Хозяин!» И к полному ужасу Гарри, ему ответил голос, который, казалось, исходил от самого Квиррелла.

«Используй мальчика... используй мальчика...» Квиррелл обернулся к Гарри.

«Да... Поттер, подойди сюда».

Он еще раз хлопнул в ладоши и веревки, связывавшие Гарри, свалились на землю. Гарри медленно поднялся на ноги.

«Подожди сюда, – повторил Квиррелл. – Погляди в зеркало и скажи, что ты видишь». Гарри подошел к нему. Мне нужно соврать, отчаянно думал он. Я должен посмотреть в зеркало и соврать, вот и

все. Квиррелл встал вплотную у него за спиной. Гарри чувствовал странный запах, по-видимому, исходивший от его тюрбана. Он закрыл глаза, встал перед зеркалом и снова открыл их. В зеркале он увидел себя, сначала бледного и испуганного. Но секунду спустя, отражение ему улыбнулось. Оно засунуло руку в карман и вытащило оттуда кроваво-красный камень, затем подмигнуло и положило камень обратно в карман. В этот момент Гарри внезапно почувствовал, как что-то тяжелое и вправду упало в его карман. Каким-то невероятным образом он заполучил Камень.

«Ну? – нетерпеливо сказал Квиррелл. – Что ты видишь?» Гарри набрался храбрости.

«Я видел, как Дамблдор пожимает мне руку, – выдумал он на ходу. – Я выиграл кубок для Гриффиндора». Квиррелл снова выругался.

«Пошел прочь», – крикнул он. Отходя в сторону, Гарри чувствовал философский камень в кармане. Может, удастся сбежать? Но не отошел он и на пять шагов, как снова раздался писклявый голос, хотя губы Квиррелла оставались неподвижны.

«Он лжет... он лжет...»

«Поттер, вернись! – закричал Квиррелл. – Скажи правду! Что ты сейчас увидел?»

Писклявый голос зазвучал вновь.

«Дай мне поговорить с ним... лицом к лицу...»

«Хозяин, ты еще недостаточно силен!»

«У меня хватит сил... для этого...» Гарри чувствовал себя так, как будто опять попал в Лапу дьявола. Он не мог пошевелиться. Окаменев, он смотрел, как Квиррелл поднял руку и принялся раскручивать свой тюрбан. Что же происходило? Тюрбан был снят. Голова Квиррелла без него казалась удивительно маленькой. Затем Квиррелл медленно повернулся на месте.

Если бы Гарри мог издать хоть один звук, он бы вскрикнул. Там, где должен был бы находиться затылок Квиррелла, находилось лицо – самое ужасное лицо, которое Гарри видел в своей жизни. Оно было белее мела, на нем были горящие красные глаза и две щели вместо носа, как у змеи.

«Гарри Поттер», – прошептало оно. Гарри попытался отступить назад, но ноги его не слушались.

«Видишь, на что я стал похож? – сказало лицо. – Одни тени и дым... у меня есть форма только тогда, когда я делю с кем-нибудь его тело... но всегда находились те, кто охотно впускает меня в свое сердце и разум... Кровь единорога подпитала меня в эти последние недели... ты видел, как верный Квиррелл пил ее для меня в лесу... когда у меня будет эликсир жизни, я смогу создать собственное тело... А сейчас... почему бы тебе не отдать мне тот Камень в твоём кармане?» Итак, он знал. Внезапно Гарри снова ощутил свои ноги. Он сделал шаг назад.

«Не будь идиотом, – зарычало лицо. – Лучше спасай свою жизнь и переходи на мою сторону... или встретишь такую же смерть, как твои родители... Они умерли, умоляя о пощаде...»

«ЛЖЕЦ!» – внезапно крикнул Гарри.

Квиррелл спиной шел к нему, и Волдеморт по-прежнему мог его видеть. Злое лицо улыбалось.

«Как трогательно... – прошипело оно. – Я всегда ценил храбрость... Да, мальчик, твои родители были храбры... Сначала я убил твоего отца, а он доблестно сражался... но твоя мать не должна была умереть... она пыталась защитить тебя...

А теперь отдай мне камень, если не хочешь, чтобы ее смерть оказалась напрасной».

«НИКОГДА!» Гарри отпрыгнул к огненной двери, но Волдеморт завизжал:

«ДЕРЖИ ЕГО!», и в следующую секунду, Гарри почувствовал, как рука Квиррелла ухватила его за запястье. Тотчас резкая колющая боль пробежала по шраму; он чувствовал, что его голова вот-вот разломится напополам. Он вопил, отбиваясь как только мог, и, к его удивлению, Квиррелл отпустил его. Боль в голове утихла – он дико осмотрелся, чтобы понять, куда делся Квиррелл и увидел, что тот скрючился от боли и глядит на свои покрытые волдырями пальцы.

«Хватай его! ХВАТАЙ ЕГО!» – пронзительно визжал Волдеморт, и Квиррелл бросился вперед, сбил Гарри с ног, уселся на него, схватив обеими руками Гарри за шею – шрам практически ослепил Гарри болью, но он еще мог слышать, как Квиррелл воет в агонии.

«Хозяин, я не могу держать его – мои руки... мои руки!» И Квиррелл, хотя и продолжал придавливать Гарри к земле коленями,

отпустил его шею и в изумлении глядел на свои ладони – Гарри увидел, что они обожжены, покраснели и блестят.

«Так убей же его, дурак, и покончим с этим!» – кричал Волдеморт. Квиррелл поднял руку, чтобы произнести смертельное заклятье, но Гарри, защищаясь, инстинктивно ухватил Квиррелла за лицо...

«ААААААА!»

Квиррелл откатился от него, его лицо тоже покрылось волдырями, и Гарри понял: Квиррелл не может дотронуться до его кожи, не испытав ужасную боль – его единственный шанс был продолжать держать Квиррелла, причиняя достаточно боли, чтобы помешать совершить заклинание. Гарри вскочил на ноги, поймал Квиррелла за руку и вцепился в нее изо всех сил. Квиррелл закричал и попытался сбросить Гарри – боль в голове нарастала – Гарри ничего не видел – он мог только слышать ужасные вопли Квиррелла и крики Волдеморта:

«УБЕЙ ЕГО! УБЕЙ ЕГО!» и другие голоса, возможно, звучавшие только в его голове, звавшие

«Гарри! Гарри!» Он почувствовал, что рука Квиррелла вырвалась из его захвата, понял, что все потеряно и провалился в темноту, ниже... ниже... ниже...

Что-то золотое промелькнуло над ним. Снитч! Он попробовал поймать его, но руки были слишком тяжелы. Он моргнул. Это был вовсе не Снитч. Это была пара очков – очень странно! Он опять моргнул, и над ним возникло улыбающееся лицо Албуса Дамблдора.

«Добрый день, Гарри», – сказал Дамблдор. Гарри уставился на него. И тут он вспомнил:

«Сэр! Камень! Это был Квиррелл! Камень у него! Скорее, сэр!»

«Все в порядке, дорогой, ты немножко отстал от жизни, – успокоил его Дамблдор. – Камень не достался Квирреллу».

«Тогда кому же? Сэр, я...»

«Гарри, пожалуйста, успокойся, или мадам Помфрей выгонит меня отсюда».

Гарри сглотнул и огляделся. Он понял, что, по-видимому, находится в лазарете. Он лежал в постели на белых льняных простынях, а рядом с ним стоял столик, на котором, казалось, громоздилась половина кондитерской лавки.

«Подарки от твоих друзей и почитателей, – сияя, пояснил Дамблдор. – Что именно случилось в подземелье между тобой и

профессором Квирреллом – большой секрет, поэтому, естественно, вся школа об этом знает. Я полагаю, что это твои друзья господи Фред и Джордж Висли ответственны за присланный тебе стульчак от унитаза. Без сомнения они думали, что это тебя позабавит. Однако, мадам Помфрей, сочла, что это не очень-то гигиенично и конфисковала его».

«И сколько я пробыл здесь?»

«Три дня. Мистер Рональд Висли и мисс Грангер почувствуют большое облегчение, узнав, что ты очнулся, они очень волновались».

«Но сэр, камень...»

«Я вижу, тебя так просто не сбить с толку. Очень хорошо, так значит камень. Профессор Квиррелл не смог забрать его у тебя. Я прибыл вовремя, чтобы предотвратить это, хотя ты и сам очень хорошо справлялся, должен сказать».

«Вы добрались туда? Получили сову от Эрмионы?»

«Должно быть, мы разминулись на лету. Едва я прибыл в Лондон, как стало ясно, что я должен быть там, откуда только что улетел. Я появился как раз вовремя, чтобы стащить с тебя Квиррелла».

«Так это были вы».

«Я очень боялся, что опоздаю».

«Да вы почти и опоздали, я не мог дольше защищать камень от него...»

«Не камень, мальчик, а себя – их силы едва не убили тебя. В один ужасный момент, я боялся, что это им удалось. Что касается камня, он был уничтожен».

«Уничтожен? – безучастно произнес Гарри. – Но ваш друг – Николя Фламель...»

«О, так ты знаешь о Николя? – с довольным видом перебил Дамблдор. – Ты во всем разобрался, не так ли? Ну, Николя и я немного побеседовали и согласились, что так оно и к лучшему».

«Но это значит, что он и его жена умрут, правда?»

«У них осталось достаточно эликсира, чтобы привести дела в порядок и тогда, да, они умрут». Дамблдор улыбнулся при виде изумления на лице у Гарри.

«Таким молодым, как ты, я уверен, это покажется невероятным, но для Николя и Перенеллы это действительно похоже на сон после долгого-долгого дня. В конце концов, для хорошего ума, смерть есть не что иное, как еще одно великолепное приключение. Ты знаешь, на

самом деле, камень был не такой уж замечательной штукой. Столько жизни и денег, сколько захочешь! Эти две вещи большинство людей предпочли бы всему остальному – беда в том, что люди склонны выбирать именно то, что хуже всего для них же самих». Гарри лежал, не находя слов. Дамблдор что-то промурлыкал и улыбнулся в потолок.

«Сэр? – спросил Гарри. – Я тут думал... сэр – даже если камень уничтожен, Вол-, то есть я хотел сказать Сами-Знаете-Кто...»

«Называй его Волдеморт, Гарри. Всегда называй вещи своими именами. Боязнь имени усиливает боязнь предмета».

«Да, сэр. Так Волдеморт ведь попробует использовать другие способы, чтобы вернуться? Я имею в виду – он ведь не сгинул навечно?»

«Нет, Гарри, не сгинул. Он по прежнему где-то там, возможно ищет еще одно тело... поскольку он не по настоящему жив, то не может быть убит». Он оставил Квиррелла умирать; он выказывает к своим последователям столько же милосердия, сколько и к врагам. И хотя, Гарри, может ты только отсрочил его приход к власти, но это будет делом кого-то еще, кто готов сражаться в этой, казалось бы, нескончаемой битве – и если приход Волдеморта будет срываться снова и снова, может статься, что он никогда не вернет себе власть». Гарри закивал, но быстро остановился, потому что это причиняло боль голове. Затем он спросил:

«Сэр, я бы хотел узнать еще кое-что, если бы вы могли мне сказать... есть вещи, о которых мне хочется узнать правду...»

«Правду, – вздохнул Дамблдор. – Это прекрасная и ужасная вещь, и с ней следует обращаться с великой осторожностью. Однако я отвечу на твои вопросы, если только у меня не будет очень серьезных оснований не отвечать, но в этом случае, прошу меня простить. Лгать я, конечно, не стану».

«Ну... Волдеморт сказал, что он убил мою мать только потому, что она попыталась защитить меня от смерти. Но почему он хотел убить в первую очередь меня?» На этот раз Дамблдор вздохнул очень глубоко.

«Увы, на первый же твой вопрос я не могу дать тебе ответ. Не сегодня. Не сейчас. Однажды ты узнаешь... а сейчас выкинь это из головы, Гарри. Когда ты станешь старше... Я знаю, что тебе очень неприятно это слышать, но когда ты будешь готов, ты узнаешь». Гарри знал, что спорить бесполезно.

«Но почему же Квиррелл не мог дотронуться до меня?»

«Твоя мать умерла, чтобы защитить тебя. Если есть что-то, чего не понять Волдеморту, так это любовь. Он не понял, что любовь, такая сильная, как любовь твоей матери, оставляет свою отметину. Не шрам, не зримый знак... когда тебя так сильно любят, то даже если любящий умирает, это дает тебе непреходящую защиту. Она кроется в твоей коже. Квиррелл, наполненный ненавистью, алчностью и амбициозностью, делящий свою душу с Волдемортом, не мог поэтому до тебя дотронуться. Для него смертельно – тронуть человека, отмеченного чем-то столь прекрасным». После этих слов Дамблдор проявил очень большой интерес к севшей на окно птичке, и это дало Гарри время вытереть глаза простыней. Когда к нему вернулся голос, он спросил:

«А плащ-невидимку – вы знаете, кто мне его послал?»

«Ааа... да, твой отец по случаю оставил его в моем распоряжении, и я подумал, что он тебе понравится, – в глазах Дамблдора пробежали искорки. – Полезная вещь... когда твой отец учился здесь, он в основном использовал плащ для того, чтобы проникать на кухню и таскать еду».

«И еще кое-что...»

«Выкладывай».

«Квиррелл сказал, что Снэйп...»

«Профессор Снэйп, Гарри».

«Да, он – так Квиррелл сказал, что он ненавидит меня, потому что ненавидел моего отца – это правда?»

«Ну да, они питали порядочное отвращение друг к другу. Примерно как вы с господином Малфоем. А потом твой отец сделал нечто такое, чего Снэйп никогда не смог ему простить».

«Чего?»

«Спас ему жизнь».

«Ему?!»

«Да... – мечтательно произнес Дамблдор. – Странными путями идет порой человеческий разум, правда? Профессор Снэйп не мог вынести, что находится в долгу перед твоим отцом... Я полагаю, что он так старался защитить тебя, потому что чувствовал, что может сравнять счет. И тогда снова сможет спокойно ненавидеть память о

нем...» Гарри попытался понять, но от этого голова его загудела, и он остановился.

«И, сэр, есть еще одна вещь...»

«Только одна?»

«Как я достал камень из зеркала?»

«А, сейчас скажу – я очень рад, что ты спросил. Это одна из моих самых блистательных идей, и, между нами, это о чем-то говорит. Видишь ли, только тот, кто хотел найти камень – найти его, но не использовать – смог бы взять его, иначе они бы просто увидели себя делающими золото или пьющими эликсир жизни. Мои мозги меня иногда удивляют... А теперь хватит вопросов. Думаю, ты можешь приняться за эти сладости. О! Бобы с Любым Вкусом Бертти Боттс! Меня в юности угораздило наткнуться на один со вкусом рвотной микстуры, и с тех пор, я их порядком разлюбил – но я думаю, что одна маленькая конфетка мне не повредит, не правда ли?»

Он улыбнулся и закинул золотисто-коричневый боб в рот, после чего закашлялся:

«Увы! Ушной воск!» Мадам Помфрей, сиделка, была милой, но очень суровой женщиной.

«Ну всего пять минут», – умолял Гарри.

«Абсолютно исключено».

«Но вы же впустили профессора Дамблдора...»

«Ну конечно, ведь он же директор, а это совсем другое дело. Тебе нужен отдых».

«Послушайте, но я же отдыхаю, лежу и все такое. Ну, пожалуйста, мадам Помфрей...»

«Ну, хорошо, – уступила она. – Но только пять минут». И она впустила Рона и Эрмиону.

«Гарри!» Эрмиона уже приготовилась снова обнять его, но к удовольствию Гарри удержалась – его голова еще слишком болела.

«О, Гарри, мы были уверены, что ты... Дамблдор так беспокоился...»

«Вся школа об этом говорит, – сказал Рон. – А что же в самом деле случилось?»

Это был один из тех редких случаев, когда сама история звучала более странно и волнующе, чем самые дикие слухи. Гарри все им рассказал – о Квиррелле, зеркале, камне и Волдемorte. Рон и Эрмиона

были хорошими слушателями – там где надо, они замирали, а когда Гарри дошел до того, что было у Квиррелла под тюрбаном, Эрмиона громко вскрикнула.

«Так камень пропал? – наконец сказал Рон. – И Фламель умрет?»

«Так и я сказал, но Дамблдор полагает, что – как там это? – 'для хорошего ума, смерть есть ничто иное, как еще одно великолепное приключение'».

«Я всегда говорил, что у него не все дома», – прокомментировал Рон, очень впечатленный тем, насколько безумен был его кумир.

«А что случилось с вами?» – поинтересовался Гарри.

«Ну, я вернулась обратно, – рассказала Эрмиона. – Привела Рона в чувство... это заняло сколько-то времени... а потом мы побежали в совятню, чтобы связаться с Дамблдором, но встретили его по пути в вестибюле... он уже знал... он только спросил, 'Гарри пошел за ним, да?' и побежал на третий этаж».

«Думаешь, он хотел, чтобы ты это сделал? – спросил Рон. – Он ведь послал тебе отцовский плащ и все такое?»

«Ну, – не выдержала Эрмиона, – если это так, то это ужасно – тебя могли убить».

«Да не так уж ужасно, – задумчиво сказал Гарри. – Он странный человек. Я думаю, что он, вроде как, хотел дать мне шанс. Я думаю, он знает более или менее обо всем, что здесь происходит. И он хорошо знал, что мы собираемся попробовать, но вместо того, чтобы остановить нас, просто научил кое-чему, что могло помочь. Я не думаю, что это была случайность, когда он дал мне понять, как работает зеркало. Наверное, он думал, что у меня есть право встретиться с Волдемортом лицом к лицу, если я смогу...»

«Да, у Дамблдора определенно не все дома, это уж точно», – гордо заявил Рон.

«Слушай, тебе надо быть завтра на выпускном празднике. Все очки подсчитаны, и Слитерин, конечно, выиграл – ты пропустил последний квиддитч, а без тебя Рэйвенкло раскатал нас вчистую – но поесть можно будет хорошо». В этот момент к ним подошла мадам Помфрей.

«Вы тут уже почти пятнадцать минут, так что ПОРА», – твердо сказала она.

Хорошо поспав ночь, Гарри почувствовал, что почти вернулся к нормальному состоянию.

«Я хочу пойти на праздник, – заявил он мадам Помфрей, приводившей в порядок его многочисленные коробки сладостей. – Можно?»

«Профессор Дамблдор говорит, что тебе можно, – ворчливо ответила она, как будто по ее мнению профессор Дамблдор не отдавал себе отчет, насколько опасны могут быть праздники. – И к тебе еще один посетитель».

«Боже мой, – воскликнул Гарри. – Кто же это?»

В этот момент в дверь бочком протиснулся Хагрид. Как обычно, когда он стоял в дверях, он выглядел непозволительно громадным. Хагрид присел рядом с Гарри, глянул на него и разрыдался.

«Это все... моя... проклятая... вина! – прорыдал он, спрятав лицо в ладони. – Я сказал тому мерзавцу, как пройти мимо Пушка! Я рассказал ему! А это была единственная вещь, которой он не знал, и я рассказал! Ты же мог умереть! И все из-за драконьего яйца! Я бросаю пить! Меня стоит выгнать и заставить жить как маггла!»

«Ну, Хагрид! – успокаивал его Гарри, шокированный видом Хагрида, трясущегося от горя и угрызений совести и льющего крупные слезы себе в бороду. – Хагрид, он бы все равно узнал, ведь мы же говорим о Волдемorte, он бы узнал, даже если бы ты ему и не сказал ничего».

«Ты же мог погибнуть! – хныкал Хагрид. – И не называй этого имени!»

«ВОЛДЕМОРТ! – крикнул Гарри, и Хагрид настолько остолбенел, что перестал плакать. – Я видел его и называю его по имени. Выше голову, Хагрид, мы спасли камень, он исчез, и Волдеморт не сможет им воспользоваться. Съешь шоколадную лягушку, их у меня вагон...» Хагрид утер нос рукой и сказал:

«Я вспомнил, у меня для тебя подарок».

«Не твой фирменный сэндвич?» – озабоченно спросил Гарри, а Хагрид наконец-то сделал попытку засмеяться.

«Не-а. Дамблдор дал мне вчера выходной, чтобы я сделал это. По нормальному ему следовало бы меня выгнать – но, вот я тебе привез...» Подарок с виду был красивой переплетенной в кожу книжкой. Гарри с любопытством открыл ее. Она была полна волшебных фотографий. С каждой страницы ему улыбались и махали руками отец и мать.

«Разослал сов ко всем школьным приятелям твоих родителей, с просьбой прислать фотографии... я ведь знал, что у тебя ни одной нет... нравится?» Гарри не мог ничего ответить, но Хагрид понял его и так.

В этот вечер Гарри в одиночестве спустился на выпускной праздник. Его задержала мадам Помфрей, которая суетилась вокруг него и хотела еще раз провести осмотр, поэтому, когда он вошел, Большой Зал был уже полон. Зал был убран в цвета Слитерина – зеленый и серебристый, в знак того, что Слитерин уже седьмой год подряд выигрывал школьный кубок. Огромное полотнище со Слитеринской змеей покрывало стену над Высоким столом. Когда Гарри вошел в зал, внезапно повисла тишина, и тут же все сразу громко заговорили. Он проскользнул на скамейку между Роном и Эрмионой за гриффиндорским столом и попытался проигнорировать то, что все привставали, чтобы глянуть на него. К счастью, всего несколько секунд спустя появился Дамблдор. Гомон сразу затих.

«Ну, вот и прошел еще один год! – бодро начал Дамблдор. – И мне придется подождать вам моей стариковской болтовней, прежде чем мы вонзим зубы в изумительные яства. Ну и год же это был! Надеюсь, ваши головы стали чуточку полнее, чем были раньше... в конце концов, у вас впереди все лето, чтобы опустошить их до начала следующего года...

«А теперь, как я понимаю, школьный кубок ждет вручения, и очки распределились следующим образом: на четвертом месте – Гриффиндор с тремястами двенадцатью очками; на третьем – Хаффлпафф с тремястами пятьюдесятью двумя; Рэйвенкло получил четыреста двадцать шесть, а Слитерин – четыреста семьдесят два». Буря радостных криков и топанья ногами донеслась со стола Слитерина. Гарри заметил, как Драко Малфой стучит по столу своим кубком. Зрелище было тошнотворное.

«Да, да, хорошая работа, Слитерин, – согласился Дамблдор. – Однако следует принять во внимание недавние события». Зал замер. Улыбки слитеринцев слегка потускнели.

«Гхммм, – откашлялся Дамблдор. – Я должен раздать несколько последних очков. Так, так, так...»

«Во-первых – мистеру Рональду Висли... – Рон внезапно стал свекольно-красным – ...за игру в шахматы, лучше которой Хогвартс не

видел многие годы, я награждаю Гриффиндор пятьюдесятью очками». Радостные крики Гриффиндора полетели под волшебный потолок; звезды над ними, казалось, задрожали. Все слышали, как Перси хвастается остальным префектам:

«Это ж мой брат! Младший брат! Выиграл у гигантских шахмат Мак-Гонагалл!» Наконец снова установилось молчание.

«Во-вторых, мисс Эрмионе Грангер... за использование перед лицом огня холодной логики, я награждаю Гриффиндор пятьюдесятью очками». Эрмиона закрыла лицо руками; Гарри всерьез подозревал, что она расплакалась. На всех концах стола гриффиндорцы были просто вне себя – они только что поднялись на сто очков.

«В-третьих, мистеру Гарри Поттеру... – продолжал Дамблдор. В зале воцарилось гробовое молчание – ...за крепость духа и непревзойденную храбрость, я награждаю Гриффиндор шестьюдесятью очками». Шум был оглушающим. Те, кто сохранил способности к сложению, надрывая до хрипоты глотку, кричали, что у Гриффиндора теперь было четыреста семьдесят два очка – в точности столько, сколько и у Слитерина. Они бы выиграли школьный кубок, если бы Дамблдор дал Гарри хоть на одно очко больше. Дамблдор поднял руку. Зал мало помалу успокоился.

«Есть разные виды храбрости, – сказал Дамблдор, улыбаясь. – Требуется большая храбрость, чтобы выступить против своих врагов, но не меньше ее требуется и чтобы выступить против своих друзей. Поэтому я присуждаю десять очков мистеру Невиллу Лонгботтому».

Если бы кто-то в эту минуту стоял за дверями Большого Зала, он мог бы с полным правом подумать, что произошел взрыв, столь громкий шум донесся с гриффиндорского стола. Гарри, Рон и Эрмиона вскочили, чтобы криками подбодрить Невилла, побледневшего от шока, который скрылся под кучей учеников, бросившихся его поздравлять. Ему еще никогда не доводилось добыть для Гриффиндора ни единого очка. Гарри, все еще крича от радости, ткнул Рона под ребра и указал на Малфоя, который вряд ли имел бы более застывший и испуганный вид, если бы подвергся заклятию окаменения. «Что означает, – прокричал Дамблдор сквозь бурю аплодисментов, ибо даже Рэйвенкло и Хаффлпафф радовались падению Слитерина, – что нам надо немножко поменять декорации».

Он хлопнул в ладоши. Через мгновение, зеленые драпировки стали ярко красными, а серебряные превратились в золотые; гигантский змей Слитерина исчез, а на его месте появился вставший на задние лапы гриффиндорский лев. Снэйп с ужасной, вымученной улыбкой пожимал руку профессору Мак-Гонагалл. Он поймал взгляд Гарри и тот понял, что чувства Снэйпа к нему не изменились ни на йоту. Но это не беспокоило Гарри. Жизнь, кажется, обещала снова стать нормальной в будущем году или, по крайней мере, настолько нормальной, насколько она вообще может быть в Хогвартсе.

Это был лучший вечер у Гарри в жизни – лучше даже, чем вечер после выигрыша в квиддитч, чем вечер на Рождество или вечер победы над горным троллем – этот вечер он никогда, никогда не забудет.

Гарри почти забыл, что еще должны быть объявлены результаты экзаменов, но их объявили. К их огромному удивлению, и он, и Рон, получили хорошие оценки; Эрмиона, конечно, стала лучшей среди всех первокурсников. Даже Невилл ухитрился перейти на следующий год, поскольку его хорошая оценка по травоведению компенсировала невероятно низкий балл по алхимии. Они надеялись, что Гойла – глупого почти настолько, насколько гнусного, могут исключить, но и он тоже прошел. Это было просто ужасно, но, как заметил Рон, нельзя получить от жизни абсолютно все. И вот вдруг их шкафы опустели, чемоданы упаковались, жаба Невилла отыскалась в углу туалета, всем ученикам были розданы записки с напоминанием не использовать магию на каникулах («Я всегда надеюсь, что они забудут нам их дать», – посетовал Фред Висли); Хагрид провел их к лодкам, и они поплыли через озеро, и уселись в Хогвартский экспресс; пока они смеялись и болтали, пейзаж за окном становился все зеленее и опрятнее; проезжая города магглов, они ели Бобы с Любым Вкусом Берти Боттс, снимали свои колдовские мантии и натягивали куртки и пиджаки; и, наконец, высыпали на платформу девять и три четверти на вокзале Кинг Кросс. Немного времени им понадобилось, чтобы покинуть платформу. У турникета стоял пожилой морщинистый смотритель, выпускавший их по двое и трое через ворота, чтобы они не привлекали внимания, разом появившись из сплошной стены и не встревожили магглов. «Вы оба должны заехать погостить у меня этим летом, – пригласил Рон, – Я пошлю вам сову». «Спасибо, – ответил

Гарри, – мне же надо будет ждать чего-то приятного». Вокруг них все толкались, пока они пробирались к воротам обратно в мир магглов. Некоторые их окликали: «Пока, Гарри!» «Увидимся, Поттер!» «А ты по-прежнему знаменит», – ухмыльнулся Рон. «Только не там, куда я иду, это уж я тебе обещаю». Он, Рон и Эрмиона вместе вышли за ворота. «Вон он, мамочка, вон, смотри!» Это кричала Джинни Висли, младшая сестра Рона, но указывала она не на Рона. «Гарри Поттер! – кричала она. – Погляди, мамочка! Я вижу...» «Успокойся, Джинни, и к тому же показывать пальцем – невежливо». миссис Висли улыбнулась им. «Хлопотный год выдался?» «Очень, – признался Гарри. – Спасибо за помадку и свитер, миссис Висли». «Ой, какие пустяки, дорогой». «Ну, ты готов?»

Это был дядюшка Вернон, не утративший ни красного лица, ни усов, ни свирепого выражения при виде Гарри с совой в клетке посреди вокзала, набитого обычными людьми. За ним стояли тетушка Петуния и Дадли, с ужасом глядя на Гарри. «Так вы, должно быть, семья Гарри!» – воскликнула миссис Висли. «Ну, в общем, да, – отрезал дядюшка Вернон и отошел. – Поторапливайся, парень, мы не можем терять весь день». Гарри задержался, чтобы напоследок перекинуться парой слов с Роном и Эрмионой. «Увидимся летом!» «Желаю... ммм... хорошо провести каникулы», – сказал Эрмиона, с сомнением глядя вслед дядюшке Вернону, удивляясь, что кто-то может быть столь неприятным. «Да уж не беспокойся, – рассмеялся Гарри, поразив их широкой улыбкой. – Они не знают, что нам нельзя использовать магию дома. Так что мы с Дадли порядком повеселимся...»